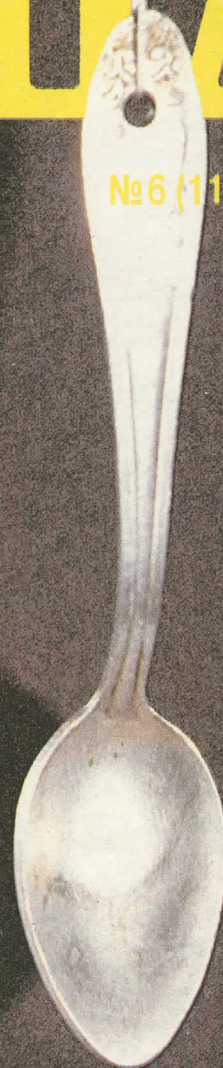

ISSN0868-698x

СТОЛИЦА

№6 (116) 1993 г.

«Проели Россию?..»

иллюстрированный еженедельник

**В самом центре столицы
салон цветов
«Сюрприз»
В любую точку любой страны
через систему
«Интерфлора»
Вы можете
послать букет по заказу
и получить черный тюльпан
из Голландии**

- Букеты
- Цветочные композиции
- Оформление интерьеров
офисов

**Мы ждем Вас!
103009, Москва,
ул.Герцена, 14
Тел.: 229-45-55
229-85-37
Fax: 911-595 FLORA SU**

Сергей ЧУПРИНИН

ТРЕТЬИМ БУДЕШЬ?

Повесть о том, как поссорились Сергей Ервандович с Александром Андреевичем и в Россию наконец-то пришел «просвещенный патриотизм»

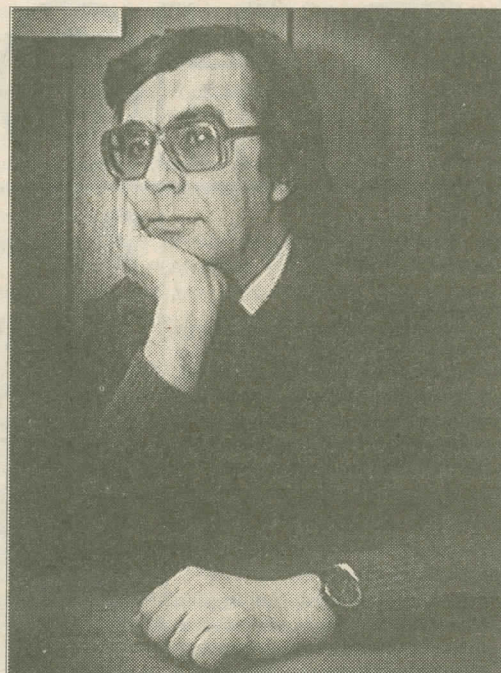

Фото Э. Кудрявицкого

Тут давеча театральный режиссер, он же по совместительству политолог и идеолог, Сергей Кургинян истерику устроил. Причем то, что демократы-супостаты его в очередной раз попытались огорчить, назвали в «Московских новостях» теоретиком домодельного русского фашизма, — Кургиняна как раз не тронуло. Брань на воротах не виснет, да и к тому же кто только в наши дни не перепасовывает друг другу, враг врагу позорящее: «Фашист!» — «От фашиста слышу!». Недаром ведь на страницах печати, на митингах и тусовках порхают в последнее время неологизмы типа «коммунофашисты», «демофашисты», «иудеофашисты» — вплоть до совсем уж диковинных «маонофашистов»...

Кургиняна другое взбудотенило, другое заставило бросить статью, облитую горечью и злостью, в лицо редакторам и читателям газеты «День», то есть, иными словами, в лицо своим ближайшим сподвижникам и единомышленникам. Прочтя подряд первые два номера дугинско-прохановско-алкснисовского журнала «Элементы», сопоставив прочитанное с другими публичными высказываниями наиболее продвинутых отцов русского национализма, он вдруг — о, это «вдруг» в жизни профессионального аналитика и прогнозиста! — так вот он вдруг с превеликим изумлением обнаружил, что корешки его закадычные, «братцы-патриоты», как выражается сам Кургинян, во-первых, давно уже только радуются, когда их называют фашистами, а во-вторых, давно уже приглядываются, присматриваются не к фашистской идеологии только, но и, так сказать, к практике, к средствам и приемам воплощения нацистского идеала в жизнь.

Живут уже, словом, по старому Шекспиру:

*Уж лучше грешным быть,
чем грешным слыть.*

Напраслина страшнее обличенья.

А вот Кургинян до сих пор, похоже, другого мнения. Соглашаясь слыть националистом, он никак, ну никак все-таки не желает осознать себя прямым наследником Геббельса и обещает даже внести раскол в стан братцев-патриотов, если их лидеры внятно не отмежуются от господ Дугина, Баркашова и им подобных.

Знамо, ин-тел-ли-гент! Не случайно ведь еще Владимир Ильич предупреждал, помнится, что гнильца интеллигентская, подлая дрожь в коленках всякий раз выказывают себя, как до дела доходит, до приложения кабинетной теории к уличной, к рупкопашной практике.

Александр Проханов, отвечая Кургиняну на страницах первого в этом году номера газеты «День», так, собственно, и написал. Посоветовал запаниковавшему коллеге набраться интеллектуального мужества, взглянуть в лицо действительности и признать наконец, что прожить националисту и патриоту без фашизма, без его «черной спермы», конечно, можно, а вот победить, к власти прийти — никак нельзя.

Существо спора уже в поэтике статейных заголовков: «Если хотим жить» у Кургиняна, «Если хотим победить» у Проханова.

Я не знаю и даже как-то не очень интересуюсь, чем кончится ссора между Сергеем Ервандовичем и Александром Андреевичем: милые бранятся — только тешатся, и третий тут, безусловно, лишний. Если бы... Если бы Проханов, увещевая Кургиняна, нечаянно не прого-

ворился.

Впрочем, почему «нечаянно» и почему «проговорился»? Александр Андреевич, как всякому на Руси известно, человек исключительного ума и исключительной опытности. Поэтому, думаю, мы смело можем считать сознательной утечкой информации сделанное Прохановым сообщение о том, что, оказывается, именно Сергей Ервандович, и не кто иной, как Сергей Ервандович, занят сейчас созданием «идеологии «просвещенного патриотизма», где цивилизация с ее технократизмом сочетается с почвенничеством». В статье Проханова названы даже и предполагаемые заказчики этой идеологии: амбивалентные демократы-державники, а по прохановской терминологии — ренегаты, предатели Олег Румянцев, Сергей Станкевич и...

И Валерий Зорькин, только что получивший учрежденную «Римским движением» и «Комсомольской правдой» премию «Национальное согласие».

Двуадресность этой утечки информации понятна.

Братцы-патриоты предупреждены, что их недавнему идеологу веры больше нет, потому что он перешел, получается, на обслуживание недоперекасившихся демократов, стал этаким, знаете ли, троянским конем в патриотическом лагере. Что же касается прекраснородных интеллигентов, носящихся ныне с русской, с государственной идеей, то им показана, виноват, коза: вот, мол, дорогие вы наши, хорошие, кто на самом-то деле стоит и за происшедшей на наших глазах идеологической перекостюмировкой газеты «Комсомольская правда», и за политической линией литературного раздела «Литературной газеты», и вообще за давними, сей-

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

В.Липицкий:

Ситуация перед референдумом, намеченным на 11 апреля, до боли напоминает союзный референдум 1991 года, когда результат был один, а последствия — прямо противоположны.

8

А.Кирпичников:

...начавшийся при последнем генсеке золотой век журналистики закончился. Времена широко открытых глаз и рта прошли. Чиновники становятся все молчаливее, пресс-конференции приобретают черты брифинга, документы обнародуются с заметным опозданием.

12

Армия и религия. На эту тему размышляют полковник в отставке **К.Коффман** (США), журналист **А.Касатов** и обозреватель «Столицы» **М.Позднеев**.

14

2 ЭКОНОМИКА

Е.Эрикссен:

О своей собственной роли в истории Лех Валенса отзывается иронично. Люди думают — раз они сами избрали президента, уже будет лучше. Президент рассуждает иначе. Но в Польше уже не гадают, выберется страна из кризиса или нет. Спорят о сроках. И в этом заслуга президента.

24

Н.Попов:

Вообще, я был несказанно удивлен, обнаружив по ту сторону прилавка коммерческих киосков не столько крутых мальчиков и девочек, сколько совсемне «коммерческие» личности.

27

3 ЖИЗНЬ

Эксклюзивное интервью председателя Комиссии по вопросам помилования при президенте России писателя **Анатолия Приставкина** корреспонденту «Столицы» **А.Николаеву**.

34

А.Ерохин:

А затем наступила, извините за выражение, гласность, и, странное дело, начали исчезать анекдоты. Народ безмолвствует. Сочинялка, что ли, поломалась?

36

Е.Аверина:

Н.А.Бонк многие люди принимают за мужчину. Они говорят: «Учиться по Бонку». «Бонк — прекрасный знаток английского языка». И вот толпы студентов и абитуриентов, бывает, даже после сдачи самого-самого последнего экзамена по английскому языку так и не узнают, что Бонк Наталья Александровна на самом деле обаятельнейшая женщина.

43

4 КУЛЬТУРА

М. Позднеев:

Гибель богов, титанов и героев нашей литературы уходящего века, право, чем-то сродни крушению мифа о Павлике Морозове. Мальчика жалко. Земля ему пухом. Но оставьте и нас в покое.

52

А.Соколянский:

Чем чаще на вернисажи ходишь, тем меньше нового видишь и тем больше удальствия в итоге получаешь... И вот вам рассказ о четырех, более или менее произвольных, движениях взгляда и памяти.

56

Споры о Вознесенском.

В.Мейланд: Видеома Андрея Вознесенского — хронический снобизм и банальность.

Г.Саггир: Нет, это вершина творчества поэта!

64

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г.
Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати.
Свидетельство о регистрации № 84

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону:
923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону:
928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:
Петр Смирнов, Владислав Старчевский,
Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни:

Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации:

Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 05.02.1993 г.
Тираж 100.000
Цена договорная

Над номером работали:
П.Смирнов, Н.Ударцева, И.Мельникова

© «Столица», 1993

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д.7. Зак. 0200

час вновь бурно активизировавшимися попытками предъявить городу и миру русский «национализм с человеческим лицом»...

Сергей Кургинян, оказывается, стоит — вот кто!

Тот самый, что идеологически подпитывал, подкармливал и губернаторски пестовал Московский горком КПСС и лично товарища Прокофьева.

Тот самый, что, по слухам, хотел, но попросту не успел придать благообразный, интеллектуализированно-светский лоск танковым шалостям ГКЧП.

Тот, что служил своего рода «офицером связи» между ушедшими в подполье коммунистами и вышедшими из подполья националистами.

Видит Бог, к «национализму с человеческим лицом» я испытываю ничуть не большую симпатию, чем к «социализму с человеческим лицом». Хрен редьки, моему, не слаще. И тем не менее, опять же, видит Бог, я глубоко ошеломлен вновь открывшимся обстоятельством. Более того. Я искренне надеюсь, что ни Станкевич, ни Румянцев, ни Зорькин, ни даже прошедшее кадровую чистку руководство «Комсомольской правды» никакой идеологии Кургиняну не заказывали, ошиблись, что называется, собственными силами, о чем смогут, если захотят, заявить публично.

Меня другое на самом деле занимает. Что же за несчастье такое, думаю я, что за рок преследует на родных подзолах и суглинках все «просвещенное»: и «просвещенный авторитаризм», и «просвещенный консерватизм», и теперь вот «просвещенный патриотизм»?

Почему, стоит лишь с наиболее благороднейшими намерениями ухватиться за древко державно-патриотического стяга, стоит лишь пафосно произнести паруртроку фраз о приоритетности национальных интересов в сравнении со всеми прочими, почему стоит лишь наконец воззвать к национальному примирению, попытавшись либо встать над схваткой («Чума на оба ваши дома!»), либо стать живым щитом «меж двух враждебных рас Монголов и Европы», — так вот, еще и еще раз повторяю я в тоске, почему стоит лишь учудить на святой Руси что-либо в этом похвальном роде, как непременно вляпаться в нечто пакостное.

Например, в одну компанию с Сергеем Кургиняном.

Или в братские (а может, и отеческие) объятия генерала Стерлигова — он тоже, слышать, осуждает нынче национал-радикалов и тоже мечтает отмыть русскую идею от пресловутой «черной спермы».

Или к Игорю Шафаревичу — несколько лет уж прошло, а все помнится, как «Новый мир» ознаменовал свой интерес ко всему «просвещенному» публикацией программной статьи именно Шафаревича и полемических статей именно Ксении Мяло.

Или случается, как Владимиру Максиму в предновогоднем номере «Комсомольской правды», в мягком варианте вторить риторике «Фронта национального спасения». Вся разница лишь в том, что «фронтовики» в штатском именуют ельцинскую администрацию не иначе как «окупационной», тогда как Владимир Емельянович толкует о «власти мародеров» и тоже, впрочем, что твой Зюганов, зовет к сопротивлению.

Или — последний уже пример и опять из «Комсомольской правды» — становится непозорным завистливо поглядывать в сторону Германии — она, мол, в отличие от сегодняшней России, наращивает-де «политическую мускулатуру», вот-вот вернет себе былое национальное величие — и все потому, что после полувековой исторической паузы, слава Богу, «немцы уже обретают внутреннего врага — иммигрантов из Африки, Турции, Восточной Европы, России».

Здесь, наверное, для полной ясности нужно еще раз объяснить.

Я бесконечно далек от того, чтобы, подобно Андрею Нуйкину во втором номере журнала «Столица», интерпретировать всю эту мелодекламацию либо как потаенную симпатию к фашизму, либо как пресмыкательство перед Грядущим Хамом в образе боевика-чернорубашечника. Поэтому уберегусь и тут от недостойного соблазна заподозрить обозревателя «Комсомолки» в симпатии к погромщикам — хоть отечественным, хоть немецким. Спаси Христос от облыжной брани! Тем более что в манифесте «Комсомолки» так прямо и написано, попросвещенному: «Погромы не нужны никому. Без них можно обойтись».

Что называется, конец цитаты. Но за пределами цитаты ясная рецептура: Россия вспрянет ото сна, национально возродится лишь в том случае, если обретет а/ врагов внешних; б/ врагов внутренних; в/ национальных героев и г/ поймет наконец, что преимущественной поддержкой государства, преимущественными правами должны пользоваться не все граждане без разбора, а именно и исключительно представители коренной, «титულიной» национальности...

Вот почему на вопрос: «Стыдно ли быть националистом?», — вынесенный обозревателем «Комсомолки» в заголовок своего программно-сочинения, я не колеблясь отвечаю:

— Да, националистом быть стыдно. Очень стыдно. И всегда стыдно. Причем любым — хоть просвещенным, хоть непросвещенным.

И все, мне кажется, это тоже уже знают.

По опыту, который не дал за последние годы ни одного исключения.

По тому, что дорожкой этой сусанинкой уже хожено-перехожено, и каждый ступивший на нее вынужден либо идти уж до конца, до слияния в экстазе с теми, кому раньше и руки бы не подал, — как Ми-

хаил Астафьев и Юрий Власов, как Татьяна Доронина и Эдуард Лимонов. Либо опрометью бежать вообще из сферы политизированной журналистики — как критик Алла Латынина и прозаик Анатолий Ким. Либо, опомнясь, тысячекратно оправдываться: бес, мол, попутал, да и понят был мой порыв неверно — как Станислав Говорухин...

Тогда отчего же, спрошу я, многие из вполне приличных, интеллигентных людей, зная все это, оказываются столь восприимчивыми к внушениям националистического беса? Почему в дни холодной войны между демократами и красно-коричневыми многие охотно отзываются на призыв: «Третьим будешь?», — пытаюсь совместить в себе и немножко либерализма, и немножко державности, надеясь и невинности соблудности, и забеременеть, виноват, от воспетой Александром Прохановым «черной спермы»? Почему то Виктор Сергеевич Розов мелькнет на страницах прохановского «Дня», то Виталий Товиевич Третьяков вступит во взаимоприятную, душегрейную дискуссию с Александром Андреевичем Прохановым, то Яков Абрамович Козловский напечатается в «Правде» в одной подборке с Осеневым-Лукияновым, то Борис Андреевич Можаяв передаст свой роман не кому-нибудь, а именно куняевскому «Нашему современнику»?

Причин тут, должно быть, масса, и коснусь я всего одной. А именно — неизжитого, неизживаемого убеждения, что сама-то по себе национальная идея чудо как хороша, да вот беда: трактовали ее до сих пор ошибочно и на практике до сих пор применяют ее тоже ошибочно. Надо ее отмыть, дать ей новый исторический шанс, ибо чем больше будет у нас просвещенного, незапятнанного патриотизма-национализма, тем и демократии больше будет.

Напрашивается, понятно, аналогия с позавчерашними заклинаниями Горбачева, Вадима и Роя Медведевых, Михаила Шатрова, других насадителей лозунга «Больше демократии — больше социализма!», лет пять, не меньше, доказывавших нам, что это не марксистско-ленинское учение само по себе дурно, а искажители его преступны.

На это, впрочем, отвечают: марксизм (лучше, конечно, на номенклатурном волапюке — «марьксизьм») — дело наносное, чужеродное, тогда как национальная идея прямо-таки из чернозема растет, нельзя ее не уважить, и неужели же вы, говорят, Сергей Иванович, не замечаете, как ежечасно оскорбляется ваше национальное чувство, неужели же вам не дороги ваши же русские, национальные интересы, неужели же вы не понимаете, что достичь вождяленного национального примирения можно лишь, договорившись по-хорошему, с Анпиловым, Кургиняном, Хасбулатовым, Юрием Бондаревым эт цэ-тера, эт цэ-тера?

Что ж, давайте разберемся.

Стопроцентный, беспримесный русак, уроженец Архангельской области, помнящий, что корни мои уходят сначала в Область Войска Донского, а глубже — на уровне прадеда и прабабки — в рязанскую почву, я действительно каждый миг чувствую себя оскорбленным на своей собственной и исторической, и «биографической» родине. Оскорбленным и оскорбляемым! Но — как гражданин, но — как человек, а вовсе не как этнически чистый представитель доминирующей, «титულიной» нации.

Видимо, и даже наверняка, моя русская природа была бы уязвлена, случись мне жить не в России, а в Латвии, в Молдове, еще где-нибудь, но, с одной стороны, кто сказал, что латышские, молдавские, еврейские, прочие националисты чище и безгрешнее российских, все они, что называется, одним миром мазаны, одной «черной спермой» порождены, а с другой стороны, речь-то ведь у наших просвещенных патриотов ведется не только о зарубежных русских страданиях, но и о страданиях тутошних, внутрироссийских, хотя мне лично не известен ни один факт, чтобы кто-либо в России был дискриминирован именно как русский и именно как русский лишен права на образование, на работу, на возможность иметь и высказывать собственные убеждения.

Режиссера-политолога Сергея Ервандовича Кургиняна или публициста, любимого соавтора Лигачева и любимого автора журнала «Наш современник» Анатолия Самуиловича Салуцкого я числю в своих идейных противниках отнюдь ведь не потому, что первый из них, вероятно, армянин, а второй, как можно догадаться, еврей. И не потому, что их национальные интересы разнятся с моими, исконно русскими. В ином ведь разлад, не так ли, — во взгляде на то, какой быть России, общей, единственной и для меня, и для армянина Кургиняна, и для еврея Салуцкого, и для чеченца Хасбулатова.

И еще к вопросу о национальных интересах. Вот, предположим, я приму точку зрения просвещенного патриотизма в том виде, в каком она изложена в недавних публикациях «Литературной газеты» и «Комсомольской правды». Иными словами, соглашусь с тем, что общество должно определить свои национальные приоритеты, а государство должно вести целенаправленную протекционистскую политику по отношению к доминирующей нации и доминирующей национальной культуре. Что делать мне тогда, «братцы-патриоты»?

Требовать, чтобы Кургиняна депортировали на его историческую родину — по аналогии с тем, как палестинцев, согласно утверждениям «Комсомолки», депортируют нынче из Кувейта?

Запретить Салуцкому писать о русской боли и русской судьбе?

Добиться, чтобы они печатались, а их дети получали образование не по добро-

му своему выбору, а в соответствии с нормами национально-пропорционального представительства?

Доказывать, что все, чуждое лично мне, русскому, в их писаниях, продиктовано антирусскими, антипатриотическими настроениями и интересами?

Воля ваша, но лично я отказываюсь становиться на этот путь. Скажу более. Мне даже совестно, что пришлось в полемических целях потревожить прах своих предков, и уж тем паче совестно, что пришлось пройти по родословному древу кое-кого из оппонентов. Нехорошее это дело, опасное и нечистое, как априорно, по определению, опасны и нечисты, по моему убеждению, любая национальная закомплексованность и любая национальная идея. Черного кобеля не отмоешь добела, незачем и пытаться, и то неоспоримое обстоятельство, что сотни тысяч, может быть, даже миллионы на нашей грешной земле прельщены нынче бесовским соблазном, дела никак не меняет. Сославшись на ничуть не менее стадное, теперь, слава Богу, схлынувшее увлечение идеями социализма — хоть в гитлеровско-муссолиниевском, хоть в ленинско-сталинском варианте, — можно лишь сожалеть о нашем общем иммунодефиците.

И надеяться: пройдет и это.

Тем более что — обратите внимание — русский язык мудро отторгает модную болезнь, за десятилетия, за века не удосужившись выработать даже собственного слова, не говоря о слове, для наших ультрара- и ура-патриотов. Вот и приходится им либо пользоваться грубыми варваризмами — а что такое «национализм», как не варваризм? — либо конструировать словесных уродцев — вроде «отечестволюбия», — либо рассчитывать на то, что добавка чего-либо словесно красивого, эмоционально привлекательного — например, «просвещенности» — амнистирует любое очень даже подозрительное понятие.

Можно, кстати сказать, вообще падки на все красивое. Вот, например, «национальное примирение». Разве же не красиво звучат два эти слова в устах и Сергея Кургиняна, и Владимира Максимова, и других многих? Разве посмеет кто-либо поставить их под сомнение?

Да ни в жизни! Но давайте все-таки посмотрим, что же на самом деле имеется в виду. Не народ — он, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить, пока не расколот и в примирении, следственно, не нуждается. Власть расколота, это точно. Расколота и интеллигенция, причем и она не вся, слава Богу, а только та часть ее, что кормится словами: пишет, предположим, статьи, дает, допустим, интервью, выступает с разного рода трибун и кафедр. Значит, только их и нужно замирать, верно? Тоже дело хорошее, но как?

У нас есть пока только один наглядный образец для подражания — поведение председателя Конституционного суда

Валерия Зорькина на последнем по счету съезде Народных депутатов. Он действительно выступил как «третья сила», и, Господи, кто только не зашелся в восторге от его мудрой примирительности! Но ведь что, собственно, произошло? Вот уж годика этак полтора и враждующие фланги интеллигенции живут в состоянии пата, смертельную блокируют друг друга, что не позволяет реформам двигаться и что не может не иметь своим результатом застой, тягостное гниение, глухую безнадегу. Ельцин, если уж вспоминать его съездовское обращение к гражданам России, резким, авантюрным ходом попытался взорвать ситуацию и... Ну, предположим, не смог этого сделать.

Вот тут-то, в атмосфере психоза, паники, и появился Валерий Зорькин. Он безусловно спас личную честь президента России, тут спору нет. Но он же и восстановил статус-кво, то есть, иными словами, прежнюю ситуацию пата, взаимной блокировки, мертвого штиля во всех сферах нашей экономической, политической, общественной и культурной жизни. Поскольку и публицисту позволительны метафоры, скажу, что Зорькин, лично мною глубоко уважаемый, объективно сыграл роль Лебеда в известной басне Ивана Андреевича Крылова, и если раньше была еще надежда на то, что либо жука перетянет, либо рак, то теперь, и возможно надолго, судорожное, истерическое топтание на месте нам гарантировано.

«Третья сила», с какою любят идентифицировать себя наши просвещенные патриоты и наши просвещенные националисты, на иное и не способна. Ее внутренние побуждения могут быть исключительно благородными, но в обстоятельствах, когда общество, государство и, если угодно, народ могут спастись, не омертветь лишь в движении, лишь в процессе ускоренных преобразований, третий, увы, оказывается лишним.

Или, прошу прощения за прямоту, вольным либо невольным пособником тех, кто противится и движению, и переменам.

Вернусь к тому, с чего я начал.

Я не знаю, укоренится ли в родных подзолах и суглинках «просвещенный патриотизм» или нет. Но то, что Сергей Ервандович Кургиняна дерзнул именно сейчас поспорить с Александром Андреевичем Прохановым, объявив себя «просвещенным патриотом», — знак дурной, потому что Сергею Ервандовичу всегда свойственно примыкать к тем, кто кажется ему истинно сильным.

Хотя...

Есть в этой метаморфозе, впрочем, и добрый знак: до сих пор благополучно проваливалось все, с чем связывал себя Сергей Кургиняна.

Даст Бог, провалится и это.

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

ПРЕДЛАГАЮ

Установка горнолыжных креплений всех типов.
Тел. 972-07-89, Дмитрий.

Эмиграция в Аргентину и Канаду.
Тел. 955-34-09.

Куплю 1-2-комнатную квартиру.
Тел. 297-19-39.

Пожизненное содержание и обслуживание престарелых жителей города.
Тел.: 469-22-00, 360-81-37.

Куплю квартиру.
Тел. 282-62-51.

Выход из запоя.
Тел.: 153-60-43, 573-60-94.

Провожу лазерную терапию.
Тел. 269-43-54.

Вступлю в ЖСК.
Тел. 497-19-15, спросить Лену.

Любые переводы: англ., фр., исп., итал.
Тел. 334-04-46, Андрей.

Опытная сваха.
Тел. 173-82-89.

Быстрый и качественный ремонт телевизоров всех моделей.
Тел. 453-30-62.

ПРОДАЮ

Продается 2-комнатная квартира в Дубне.
Тел. 337-18-09.

Продам квартиру.
Тел. 269-38-05.

Продаю видеопроекционную технику с диагональю экрана от 1,15 до 5,5 метра. Новейшие модели превосходят лучшие японские образцы. Высокая яркость позволяет использовать при дневном свете. Имеется возможность подключения к компьютеру.
Тел.: 275-58-68, 928-99-09.

Продаю факс «Sharp-UX101», без автоответчика, с памятью, дисплеем. Цена 250 тыс. руб.

Тел.: 201-03-95,
434-74-57,
150-15-90.

Продаю 2-комнатную квартиру в Центре.
Тел. 297-19-39.

Продаю 4-комнатную квартиру, м. «Авиамоторная».

Тел. 297-19-39.

Продаю набор мебели: четырехстворчатый шкаф и две тумбочки. Производство Германии, 50-е годы, фанеровка красного дерева.

Тел. 337-71-72.

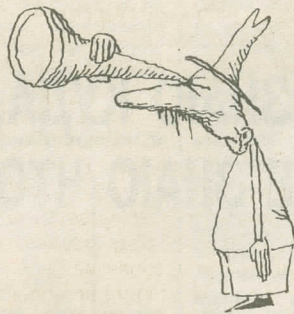
Продаю большую квартиру в Центре.
Тел. 291-93-89.

МЕНЯЮ

Меняю комнату в коммунальной квартире на любую лучшую площадь.
Тел. 497-19-15, спросить Лену.

Меняю 3-комнатную квартиру в Дегунино и 2-комнатную квартиру в Долгопрудном на съезд.

Тел. 928-22-74, звонить днем.

ЗНАКОМСТВА

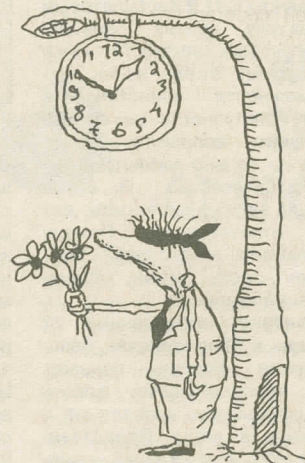
Ищу любимого. Мне 42.
Тел. 356-78-66.

Авантюрный романтик 29 лет, рост 183, ждет встречи с крутой супердевушкой.
Писать: Москва, Якорная, 8—9, Рома.

Москвичка 40 лет, рост 175 см, имеющая высшее образование, обладающая чувством юмора, познакомится с порядочным мужчиной для дружбы или брака.

Тел. 905-15-77, Татьяна.

Хочу познакомиться с девушкой 18—30 лет. Можно с ребенком, чтобы стала верной женой. О себе: вредных привычек нет. 27 лет. Небольшого роста. 2 группа. 141600, Московская обл., г.Клин, ул. Загородная, д.34, кв.14, Владимир Мирошниченко.

Познакомлюсь с женщиной до 35 лет, ласковой и доброй.
Писать: г.Псков, 180000, Главпочтамт, а/я 404, Сергею.

ИЩУ

Ищу работу бухгалтера или бухгалтера-кассира (опыт работы в коммерческих структурах 1 год). Образование высшее + бухгалтерский учет. Москвичка, 45 лет.
Тел. 457-55-27.

Приглашаю преподавателя английского языка для школьника.
Тел. 497-19-15, спросить Лену.

Учительница английского языка снимет недорого комнату или однокомнатную квартиру в Центре, можно с обучением английскому языку.
Тел. 378-44-18.

Нищий сказочник ищет издателя.
Тел. 227-43-22.

Живу в городе Пермь, ищу работу домашнего диспетчера.
Тел. 34-70-23.

Ищем спонсора для издания бесплатных и очень дешевых детских книжек. Добрые дяди, откликнитесь!
Тел. 272-00-18, Виктор Иванович.

Ищем инвестора для строительства пушной фермы по выращиванию норки и песца в Сибири (г.Мариинск Кемеровской области).

Тел. 337-18-09, после 18.00.

Музыканты ищут студию для записи магнитоальбома.
Тел. (86344) 4-07-14, Дмитрий.

Объявленная Б.Ельциным тотальная война с преступностью началась с резкого ужесточения борьбы различных ветвей власти... не с преступностью, а друг с другом. Напомню произнесенную недавно Р.Хасбулатовым инвективу против правоохранительных ведомств: «Уже по одному этому, из-за... невозможности приостановить рост преступности мы вправе поставить вопрос и убрать этих не только министров, но и правительство... Я вовсе сейчас не буду говорить: вот мы ответственные. Почему парламент ответствен? Парламент есть орган, принимающий законы...»

Брифинг, проведенный 27 января в Министерстве безопасности России, показал, что исполнительная власть не собирается оставаться у спикера в долгу. Представители МБ утверждали: «некоторые деятели» парламента, заявляющие, что, мол, законы есть и их надо только исполнять, лукавят. Законов, позарез необходимых для борьбы с преступностью, и в первую очередь организованной, нет. Органы располагают, как сообщили присутствующим, оперативными данными, свидетельствующими о коррупции примерно двух тысяч высокопоставленных чиновников, но эти материалы лежат мертвым грузом: никого нельзя привлечь к ответственности, так

КТО «В ЗАКОНЕ»? И В КАКОМ?

как нет законов, регулирующих статус, обязанности и ответственность госслужащих, определяющих понятие коррупции. Почему нет законов — очевидно, их не принимает парламент (вопреки утверждению Хасбулатова). А почему не принимает? По этому поводу представители МБ сделали весьма ответственное и почти сенсационное заявление — о наличии в парламенте мощного лобби, тормозящего разработку и принятие соответствующих законов. Хотя впрямую не говорилось, достаточно понятно, о каком, вернее, ЧЬЕМ именно лобби идет речь: в «структурах», возглавляемых Р.Хасбулатовым, действуют, причем достаточно эффективно, представители интересов организованной преступности. Обвинение серьезное: станет ли руководство парламента на него реагировать или из тактических соображений пропу-

стит мимо ушей, не желая трогать огнеопасную тему?

Претензии «органов» к представительной власти не ограничились парламентом. По мнению выступавших на брифинге, депутаты всех уровней существуют преимущественно вольготно: если, скажем, во Франции депутаты неприкосновенны только в стенах тех властных институтов, в которые они избраны, то наши избранники неприкосновенны «вообще», и возможности для самой разнообразной (в том числе сомнительной) деятельности у них просто великолепные.

Поскольку известно, что борьба с международным терроризмом (во взаимодействии со спецслужбами других государств) объявлена одним из постоянных направлений работы МБ России, ваш корреспондент поинтересовался, входит ли в сферу интересов органов безопасности известная акция В.Жириновского по отправке

своих «парней» в Ирак — ведь во всеуслышание было заявлено, что там они собираются осуществлять диверсии? Ответ гласил: да, мы за такими действиями следим и рады были бы их пресекать, но не можем — отсутствуют, опять же, необходимые законы. Последний аргумент был бы вполне понятен, если бы не публикация на следующий день заявления МИД России насчет упомянутой акции: ведь МИД, кроме прочего, обратилась в прокуратуру на предмет принятия мер «в целях обеспечения выполнения обязательств Российской Федерацией по международному праву...». Последнее обстоятельство позволяет по-иному взглянуть на законопослушность органов безопасности и порождает массу вопросов. Например: если существуют международные правовые акты, подписанные Россией (в данном случае, видимо, — о недопущении и преследовании наемничества), то кто на территории России обязан их исполнять и обязан ли вообще? Рядовые граждане могут просто не знать о существовании подобных норм, это для нас обычно.

Но «обычно» ли то, что и органы власти делают вид, что это к ним не относится? Кто у нас, наконец, «в законе» и в каком именно?

Илья РАСКИН

ИДИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА, ДОСТАНЬ ТО — НЕ ЗНАЮ ЧТО!

В пресс-центре МИД России недавно состоялась пресс-конференция Комитета по проведению подводных работ особого назначения. Насколько можно было понять, все-таки основная задача новой для нас структуры — проведение работ по обследованию и подъему затонувшей атомной подлодки «Комсомолец», а кроме того, работы, связанные с подъемом радиоактивных материалов, а также химических боеприпасов,

затопленных нашими доблестными военными. Но какой-либо четкой программы научно-исследовательских, а тем более практических работ пока не существует даже на бумаге. Непонятно поэтому, что и где именно будут поднимать со дна морского, как и где все это будет ликвидироваться.

Насколько известно, пока не существует надежной технологии захоронения и ликвидации химического оружия. Более того, в отно-

шении того же химического оружия руководители комитета не смогли дать четких ответов на вопросы: где, когда, сколько и какое именно оружие было затоплено в морях и океанах нашими военными, каким образом и когда намереваются его поднимать, как и где уничтожать? Либо руководители комитета этого пока не знают, либо пока не желают «пугать» нас реальной картиной. Нет пока и структур для работы по поиску и подъему затоп-

ленного ядовитого хлама, нет достаточно надежной техники и технологии для решения проблемы, нет, наконец, подготовленных людей — нет ничего для реализации программы. Зато есть комитет. Руководители комитета заявили о своих планах привлечения мировой общественности и, соответственно, зарубежных источников финансирования. Но от вопроса о взаимоотношениях с Гринпис ушли.

Напрашивается аналогия с программой химического разоружения, рассчитанной на выкачивание денег, разработанной военными под эгидой «генерал-академика» А.Кунцевича. Не является ли и этот комитет синекурой для очередного выкачивания реальных средств на мифические работы?

В.В.

ЗАКУСЫВАЯ ОМАРАМИ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Предупрежденный о пресс-конференции Сергея Бабурина в международном пресс-центре гостиницы «Рэдиссон-Славянская», ваш корреспондент, войдя в холл и увидев господ, совершающих процесс питания за большим П-образным столом вместе с самим г.Бабуриным, был обрадован возможностью плотно поесть в компании. Увы, «халявы» не вышло, мероприятие официально именовалось «Ланч с господином Бабуриным», и всякий жаждущий поланчевать должен был выложить 35 долларов. Пришлось пристроиться в партере, где остальная и большая часть журналистов (в том числе и иностранных) ждала, пока герой торжества доплет кофеюк.

Наконец, с пятнадцатиминутным опозданием, объявили о начале собственно пресс-конференции. Публика в партере оживилась, но мрачно. Публика за столом тоже оживилась, но радостно — и зааллодировала. Особенно старались два представителя чернокожего и голодающего населения бедной Африки.

Итак, кто за 35 долларов, а кто все-таки на халяву узнал, что, оказывается, русской государственности тысяча лет, а возникла она именно на берегах Днепра и Киев — мать городов русских (трепещи, Кравчук!). Г-н Бабурин заявил, что надо понять, почему 450 лет назад началось движение России на Запад и

в чем был смысл политики Ивана Грозного — в защите национальных интересов конечно же; для чего Россия искала выход к Балтии, чем был для России этот выход. Все это должно было подтвердить мысль о возможности и необходимости восстановления Советского Союза: «Я хотел бы повторить то, что сказал президенту на VI съезде, а я сказал, что мы никогда не простим ему, что он сделал с Советским Союзом». Хотя можно согласиться с тем, что «решения декабря 1991 года обрекли на трагедию миллионы людей, стоили жизни десяткам тысяч граждан Советского Союза». Но вот вопрос: президент ли России виновен в этом больше, чем вожди Молдовы, Грузии?

И вообще, было много слов о «русском традиционализме», «русских идеях» и «русском духе». Даже такого зверя наш герой нашел, как «многонациональный характер нашего национализма» (??).

На сем ланч и закончился, сытые господа окружили героя дня (или стола?), а голодные рванулись по редакциям, дабы зарабатывать на хлеб насущный. Посему и вышел я с пресс-ланча оппозиционера более озбоченный проблемами своего желудка, а не национальными интересами России. Ведь, что ни говори, нацинтересы хороши только на сытый желудок.

Владимир ВОРОНОВ

Рис. В. Чумачева

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС-II ПОШЕЛ, ИЛИ ЗУД ОТ КПСС

Целую неделю во Владимире, в бывшем Доме политического просвещения, работала конференция по подготовке международного суда над КПСС и коммунистической идеологией, проведенная Организацией защиты прав человека в СНГ (ОЗПЧ) совместно с Российским учредительным союзом (РУС). Участие в конференции приняли представители небольших радикально-демократических и правозащитных организаций «от семи государств Восточной Европы, в частности члены блока «Варшава—90», который, как и Российский учредительный союз, зафиксировал требование о проведении подобного трибунала в своих программных документах. Организатором подготовки «Нюрнберга-II» стал по решению РУСа сопредседатель ОЗПЧ Юрий Листов — бизнесмен из Александровского района Владимирской области, который не только единолично написал проекты всех документов, но и выложил полдюжины своих кровных миллионов на: а) проведение конференции и приглашение 250 участников, б) их кормежку и размещение, в) организацию экскурсий в Суздаль с последующим обильным возлиянием в тамошнем ресторане, г) установку напротив кладбища знаменитой во все времена Владимирской тюрьмы памятник жертвам политических репрессий. Среди участников конференции были люди, мягко говоря, не совсем обычные. Это, например, молодой поляк, с одиннадцатилетнего возраста занимавшийся подготовкой терактов против «русской армии». Теперь в его планах покупка истребителя. Это и румынский профессор финского происхождения, 12

лет своего детства проведенных в карагандинских лагерях и до 14 лет знавший только один язык — русский. Это и родившийся в Харбине советский гражданин, у которого в серпастом и молоткастом в пятой графе написано: «англичанин»... Это, наконец, и хронический (с весны 1991 г.) кандидат на должность мэра Москвы В.Кувшинов, который, несмотря на свой изрядно потертый вид, не теряет надежды уже в феврале занять таки пост главы исполнительной власти в Москве.

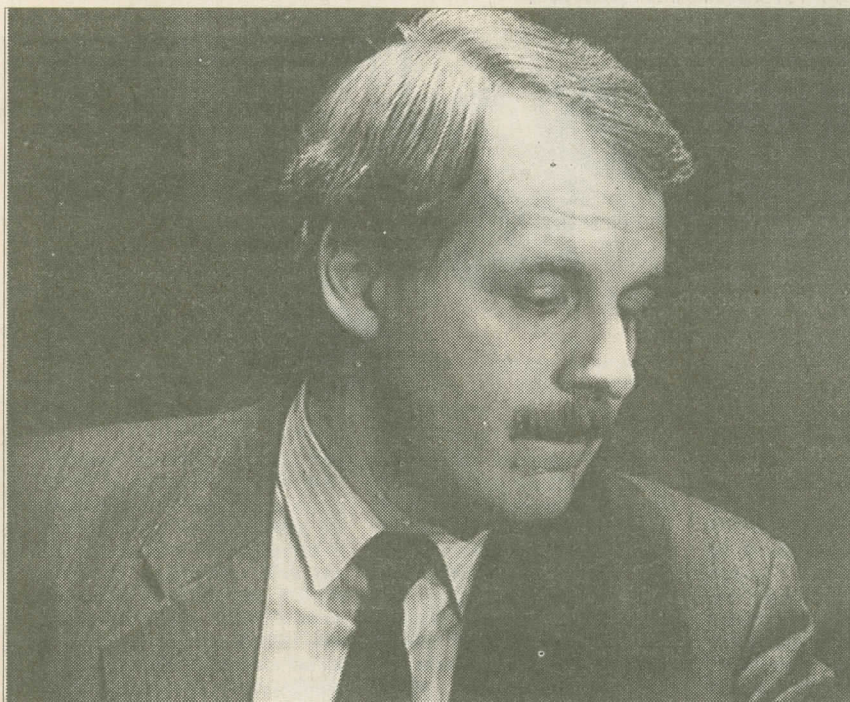
Итоги конференции: по проведению судебного процесса «Нюрнберг-II» образован международный оргкомитет, председателем которого стал все тот же Ю.Листов.

По окончании конференции в интервью вашему корреспонденту он предостерег общество от чрезмерных и преждевременных ожиданий каких-либо конкретных итогов этого мероприятия. Организационная работа еще будет продолжаться, скромно подытожил Юрий Георгиевич, но процесс уже пошел.

Осторожность оценок председателя оргкомитета разделяет и ваш корреспондент, которому уже пришлось осенью 1990 и весной 1991 г. наблюдать подобные же конференции с гораздо более сильным составом участников. Но кто ответит, где теперь те участники и где теперь принятые тогда документы?

Шум вокруг «Нюрнберга-II» несколько не напугал тех, против кого он был направлен, на следующий же день в здании Ленинского райсовета г.Владимира, занимаемом ранее райкомом подсудимой, состоялся восстановительная конференция областной организации КПСС.

Алексей ПЯТКОВСКИЙ

Старый студенческий анекдот. Идет экзамен, студент что-то бойко рассказывает. Профессор прерывает его: «Простите, молодой человек, вы совсем не о том говорите». Студент парирует: «А вы правильно спросите на мой ответ!»

Действительно, задать грамотный вопрос — не менее (если не более) трудно, чем ответить. Бывают вопросы, на которые, в принципе, невозможно дать «правильный» ответ. Например, скажите, продолжаете ли вы бить своего отца? Да или нет?! На памятных всем нам референдумах многие чувствовали себя перед выбором не столь абсурдным, но в чем-то все же двусмысленным: «да», но... «нет», но... Не столько о «да» или «нет», сколько о сопутствующих им «но» говорит Василий ЛИПИЦКИЙ, председатель исполкома «Гражданского союза». Впрочем, многие «но» можно отнести и к позиции самого «ГС» — это уж на усмотрение читателя.

А ВЫ ПРАВИЛЬНО СПРОСИТЕ НА МОЙ ОТВЕТ!

— Василий Семенович, скоро мы опять услышим «все на референдум!». Что вы, как представитель «ГС», можете сказать по этому поводу?

— Говорить сегодня об отношении «Гражданского союза» к намеченному на 11 апреля референдуму, может быть, рановато — наша позиция будет сформулирована на форуме «ГС», намеченном на 28 февраля. Но общая идеология такого отношения сегодня просматривается, что и позволяет мне высказать некоторые «предварительные» соображения.

Что вынуждает нас не торопиться с формулировкой позиции? Во-первых, необходимо знать хотя бы то, о каком референдуме идет речь. Ведь обращение к мнению народа по основным принципам новой Конституции — это одно, а решение извечного вопроса «какая власть главнее» — нечто совершенно другое. Мы с беспокойством констатируем, что эта конфронтационная постановка вопроса, вроде бы снятая на съезде в ходе работы компромиссного соглашения, сейчас получила второе дыхание и интенсивно обсуждается в некоторых политических объединениях и некоторыми аналитиками. Ясно, что против такого референдума мы будем возражать достаточно

энергично, считая, что сама идея «кто кого» не несет ничего созидательного, а только еще более обострит политический кризис в России. Политические силы сейчас заметно и резко поляризовались. Это вызывает беспокойство у нас, ведь «ГС» был образован по логике компромисса, общественного согласия, и во всех наших последних решениях содержатся призывы к «круглому столу», к устранению противоречий.

Мы полагаем, что, заняв одну из позиций — «за» или «против» референдума, мы значительно ограничили бы свои возможности быть какой-то консолидирующей силой. А ведь очень важно, чтобы в обществе был такой блок, который искал бы такой способ решения проблемы, или, в данном случае, такие формулировки референдума, которые отвечали бы принципу «не навреди».

— Можно ли считать такую позицию выражением общей тактики «ГС», которая, на мой взгляд, в том и состоит, чтобы как можно меньше связывать себя обязывающими формулировками? Конечно, такая тактика в чем-то очень удобна, но ведь тогда и соответствующая ей политика оказывается слишком уж неуловимой и бесформенной. Не

оказывается ли ваша собственная позиция принципиально несамостоятельной — всего лишь функцией отношения тех крайних группировок и позиций, между которыми вам приходится наводить мосты?

— Это реальное противоречие. Я его вижу, и мы стараемся все-таки не идти в хвосте событий. Мне кажется, что при всех очевидных недостатках политики «ГС» у нас есть одна сильная сторона. Скажем, и в предсъездовский период, и на съезде мы не ограничивались ролью рецензентов, мы постоянно продуцировали некие идеи, конкретные предложения. Сейчас продолжаем работу над программой, которая будет охватывать не только экономическую проблематику, а и вопросы государственного устройства, национальной и внешней политики (в том числе внешнеэкономическую стратегию). Мне представляется, что эта достаточно интенсивная работа по существу, которая является для нас основной (хотя внимание общественности в первую очередь привлекают персоналии, их оценки и т.д.), позволит избежать того хвостизма в политике, о котором вы говорите, не занимать все время позицию среднего арифметического.

— Вы сформулировали дилемму: или на референдуме решаются вопросы конституционного характера, или вопрос «кто кого». Но, по-моему, вполне реально не «или — или», а «и — и»: принятые на референдуме конституционные положения определят баланс властей, и тем самым решится вопрос «кто кого».

— Нет, дилемма существует. Я говорю о том подходе, когда спрашивают: «Кому вы доверите дальнейшее осуществление реформ?» Такой вопрос вообще не связан с Конституцией. Не хотелось бы, чтобы на рассмотрение народа были вынесены вопросы с заведомо конфронтационным содержанием — с таким, скажем, какое было в известном «обращении» президента к народу...

— Но, если не ошибаюсь, это обращение мы уже «проехали»?

— Нет. Возьмите результаты последней встречи президента с представителями «Демократического выбора». Вы увидите точно те же формулировки, ту же постановку вопроса: на референдуме мы «должны победить». Кого, в чем победить? Вот эта логика «кто кого», идея «победы» на референдуме для нас неприемлема.

— Простите, но ведь если на референдуме никто никого не «победит», то все останется как есть — зачем тогда референдум вообще нужен? Ведь, если я правильно понимаю, власти обращаются к народу как к арбитру («рассудите нас, люди!») именно потому, что запутались в отношениях друг с другом!

— Безусловно, существующее государственное устройство должно меняться, и формы этого устройства, в том числе и объем полномочий различных ветвей власти, могут быть рассмотрены на референдуме, если их не удастся согласовать иным способом. В таком случае я вижу резон в том, чтобы вывести на референдум альтернативные формулировки, между которыми граждане будут выбирать. Но, когда мы начинаем так конкретизировать, тут же возникают аргументы «против».

В нашей ситуации есть очень много «но», и среди них есть такие затруднения, из которых лично я не вижу выхода. Скажем, проблемы, связанные с республиками, входящими в состав России. Решение о референдуме вызвало в них стандартную реакцию: нужно ускорить работу над собственными конституциями и принять их до 11 апреля. Такая работа уже началась. Если это произойдет — референдум вообще не будет нужен. Тактика, которую они разрабатывают, тоже известна. Вряд ли это будет прямой бойкот, но, скорее всего, найдут способы призвать своих граждан не принимать в референдуме участия. Это очень неприятная, опасная ситуация, которая может стать очередным шагом к дезинтеграции России. Все до боли напоминает союзный референдум 1991 года, когда результат был один, а последствия — прямо противоположны. Вообще непонятно, что делать, когда, скажем, придут 50 процентов, в свою очередь из них 51 процент проголосует за тот или иной вариант, но в пяти-шести республиках люди не проголосуют. Считать ли, что решение распространяется на них?

— Результаты референдумов вообще с трудом интерпретируются. Вспомнить

хотя бы тот же союзный референдум, в ходе которого, скажем, на Украине большинство высказалось «за Союз», а на следующем референдуме большинство (те же самые люди) — «за суверенитет»...

— Как раз «трактовкам» результаты референдумов поддаются с большой легкостью. Это, кстати, один из аргументов «против» референдумов вообще, который я хотел бы назвать. Ведь если в Швейцарии, скажем, голосуют о характере воинской службы или об участии в Европейском сообществе — всем понятно, о чем речь. У нас же на референдумы выносятся абстрактные понятия. Конечно, народ имеет право сказать свое слово. Но он должен говорить о том, о чем он сам хочет сказать, а не о том, какой вопрос для него придумают мудрецы в ВС или советники президента. Потому и результаты наших референдумов становятся предметом манипуляций. Уже сейчас есть два противоположных понимания причин возможной неявки граждан на голосование. Одна сторона говорит: это значит, что народ не доверяет всей нынешней власти. Другие утверждают: это значит, что народ доверяет власти, не хочет вмешиваться в ее деятельность.

Мне кажется, что для многих, если не для большинства наших граждан, характерна позиция: «Да договоритесь же вы там, наконец!» Действовать именно в этом направлении мне кажется наиболее продуктивным и перспективным. Мы это делаем. Так, недавно мы на неформальной основе встречались с представителями блоков «Демократический выбор» и «Российское единство». И, что для меня особенно ценно, — после очень долгих усилий удалось их уговорить хотя бы сесть за один стол. Раньше они соглашались по отдельности разговаривать с нами, но ни в коем случае не между собой напрямую.

— Людей можно понять. И, поскольку речь идет о референдуме, здесь не миновать вопроса об отношении к идее Учредительного собрания. Эта идея не отвергается с порога?

— Возможности ныне существующих институтов власти близки к исчерпанию, и вопрос о формировании новой политической структуры реально стоит на повестке дня. Другое дело — сроки, механизмы. Мы договорились рассматривать в ходе консультаций несколько возможных механизмов, один из которых — Учредительное собрание, хотя у меня лично эта идея, в нынешнем ее виде, вызывает определенные сомнения. Первый вопрос — степень легитимности такого органа. Собираемся идти по пути правового государства — и станем использовать метод, который никаким образом не предусмотрен действующим законодательством, Конституцией? Если формой легитимизации Учредительного собрания станет референдум — то возникает еще целый ряд вопросов, о некоторых мы уже говорили. Вторая проблема — в каком-то смысле моральная. Учредительное собрание — это очередной перерыв постепенности, опять революция. Мы этим как бы признаем, что у нас после 1985 и после 1991 года не было никакого продвижения по пути демократии, что нам не удалось создать никаких действующих механизмов гражданского общества и на-

до опять все начинать с чистого листа. Мне кажется, уже хватит сообщать потрясенному человечеству, что мы очередной раз «отряхиваем прах с наших ног». И третье, что вызывает сомнения, — чисто процедурная сторона. Ведь Учредительное собрание — это еще один дополнительный тур выборов. Значит, как минимум: референдум об Учредительном собрании, потом выборы в него и потом — еще выборы в те органы, которые будут «учреждены» Учредительным собранием. Учитывая политический тонус нашего населения, все это выглядит на сегодняшний день достаточно утопически. Мне кажется, что главный стимул для рассмотрения вопроса об Учредительном собрании — это неверие в возможности нынешних институтов власти, неверие в то, что Съезд способен...

— ...неверие, согласитесь, не вовсе беспочвенное?

— Не беспочвенное, но в то же время мне кажется, что эти опасения преувеличены. Во всяком случае, не нужно заранее списывать эту возможность, исходить из презумпции «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Съезд, конечно, весьма слабо организованный и хаотический орган, на нем всегда высказывается масса крайних, экстремистских и просто диких вещей, но если посмотреть на то, что происходит на стадии принятия решения (на что обычно обращается меньше внимания), то мы почти не найдем там серьезных уходов вправо или влево. Все-таки отрицательная сторона съезда (тысяча непрофессионалов) имеет и свой позитив: все проходит через некое усреднение здравого смысла. Люди, постоянно работающие в парламенте, профессиональные политики действуют по своей собственной логике, они меньше зависят от мнения избирателей, чем те «непрофессионалы», которые приезжают с мест, знают обстановку и настроения людей. Поэтому я бы не сказал, что съезд — это тупик, что он не способен принять решение, в том числе и о своем будущем. И, наконец, еще один вариант, который будет обсуждаться: поменять местами последовательность событий, не форсировать сейчас принятие Конституции, поставить ее на второе место, а на первое — выборы. Если мы придем к этому варианту, то вопросом референдума я мог бы видеть вопрос о досрочных всеобщих выборах. Всеобщих — значит, и президента, и парламента, и местных советов. В таком случае принятие новой Конституции можно было бы доверить этим вновь избранным органам. Я бы на сегодняшний день поставил во главу угла именно вопрос о всеобщих выборах и рассматривал бы все остальные варианты в зависимости от этого — приближают они или отдаляют решение вопроса о всеобщих выборах.

Илья РАСКИН

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

НОВЫЕ БОГАТЫЕ

Кто еще хуже богатых?

Только бедные

Прежде всего — кто же сегодня в России богатые? (Вопрос, кто бедные, не встает — все остальные, так как «средних» нет.)

Цены так прыгают, что говорить надо: кто считается богатым сегодня, 25 января 1993 года, когда я пишу эту статью?

Итак, семья. Муж, жена, двое детей. Чтобы просто нормально питаться, нужно положить тысяч сто рублей в месяц. По крайней мере, так обстоит дело в Москве. Машина, тряпки, покупка новой техники, иногда (когда хочется!) ресторан, приглашать гостей, свободно делать подарки — ну, тут, в принципе, предела вообще нет, но я думаю, и миллиона в месяц будет мало.

При этом надо иметь в виду, что вообще-то жизнь в России («рублевая» жизнь) сравнительно дешевая — ведь тот же самый вождельный «лимон» рублей — это меньше двух тысяч долларов. А купить на него реально товаров и услуг можно, конечно же, раза в два больше, чем в США на эти несчастные две тысячи. При этом американец, чтобы свободно прожираться в месяц четыре тысячи, должен (с учетом налогов, страховок, платы за жилье, расщочек и тому подобному, почти отсутствующего в «дикой России») зарабатывать где-то свыше 10 тысяч в месяц, то есть принадлежать к вышесредним слоям общества. У них, этих вышесредних, считают на десятки миллионов. У нас, как водится, социальная структура общества, расслоение на богатых и бедных, в точных цифрах не описывается (кстати, удивительное все-таки дело! Раньше, «при коммунистах», разделение на богатых и бедных скрывалось и цифр не было — это-то хоть логично. Теперь же разделение постоянно, назойливо рекламируется — а цифр опять нет как нет!). Но грубо можно считать, что число семей с месячными доходами свыше миллиона рублей в России измеряется сотнями тысяч.

Повторяю, это еще не богатые. С полгода назад в одной компании я участвовал в обсуждении проек-

та очередного журнала «для богатых» (как до 1917 года был журнал «Столица и усадьба»). Естественно, встал вопрос — кого же считать богачами? Простейшим ответом для собравшихся могло быть: «Друзья, попытайтесь представить людей, полностью от вас отличающихся», но это был бы слишком честный и человеческий ответ. Поэтому выбрали другой путь — пошли от цифр. Решили, что «богатым» в России может считаться человек, имущество которого (не считая жилья) тянет на сто тысяч долларов. По тогдашнему курсу это было около 40 миллионов рублей. Я думаю, что сегодня богатым в России может считаться человек, имущество которого (опять же кроме квартиры) стоит от ста миллионов рублей и выше. Таких людей, полагаю, уже десятки тысяч, и, наконец, в России «долларовых миллионеров» (рублевых миллиардеров) можно считать тысячами (в США миллионеров, как известно, миллионы). Конечно, более или менее точные подсчеты или, вернее, методы косвенных подсчетов числа и богатств миллионеров (ибо прямые данные, например налоговые, у нас, естественно, полностью фальсифицированы) — это тема особых исследований, которые наверняка ведутся, и не только рэкетирами, но и простыми социологами. Однако пока результаты неизвестны. Известны и наиболее волнующие данные о рекордсменах. Как-то «Коммерсантъ» вдруг пропечатал «первую десятку» — но откуда он ее взял, не объяснил. А тут великий разброс. Скажем, одни говорят, что «самый-самый» — Боровой. Другие, осведомленные, улыбаются: да он нищий, у него еле-еле каких-нибудь паршивых сто миллионов наберется! Все слухи о его несчетных миллиардах —

понт дешевый... Третьи, считающие себя еще более осведомленными, еще раз усмеваются: он сказочно богат, наш Константин Натанович, но, наоборот, зачем-то создает впечатление, что его богатство — мыльный пузырь.

Так что разобраться, где тут блеф, где правда, где двойной блеф, попросту невозможно. Поэтому не стоит говорить об отдельных людях, можно говорить лишь о «массовых тенденциях».

Стало ли за годы нашего эрзац-капитализма в России больше богатых людей, чем было раньше, при «социализме»? Как ни странно, нет точного ответа.

Сегодня покупательная способность рубля раз в 200 меньше, чем в 70-е годы. Стало быть, тысячи нынешних мультимиллионеров и миллиардеров должны сравниться с теми, у кого лет 20 назад было свыше миллиона рублей в деньгах, ценностях, имуществе. И кого тут больше числом и кто богаче (в сопоставимых ценах) — сказать трудно. Теневики, восточные баи, секретари обкомов (должность первого секретаря райкома в Азербайджане в 1969 году стоила 200 тысяч рублей — примерно 50 миллионов в нынешних деньгах), директора незаметных магазинчиков и композиторы-песенники — что-то сомневаюсь, чтобы их было меньше, чем миллионеров-миллиардеров сегодня. Другое дело, что они меньше трещали купюрами в телевизоре и шуршали «линкольнами» на наших щербатых мостовых. Сегодня это называется — «презентация в пресскцентре МИД», а тогда в моде были гулянья в банях.

Сегодня немного осталось денежных баронов, которые были бы миллионерами и в 70-е годы (и даже их наследниками). Как ни крути, а революция есть революция. Те социологи и журналисты (я в их числе), которые поспешили объявить о «номенклатурной приватизации», о том, что все свелось к тому, что номенклатура и примкнувшие к ней теневики просто-напросто прибавили к своей власти еще и собственность, немного преувеличили. Все-таки сдвиги произошли. Конечно, номенклатура в накладе не осталась, абсолютное богатство ее даже возросло за эти годы, но лидируют на нашем «капиталистическом рынке» молодые ребята, которые первыми бросились в кооперативы и спекуляцию компьютерами в 1988—1989 годах. Российские миллиардеры—93 очень часто «родились» именно в те годы. Тогда-то из ничего, из воздуха были сделаны первые миллионы, а самое главное — полученные первые навыки коммерческого разбоя на вольном воздухе, резко отличного от старомодного разбоя «цеховиков» и чиновников. Именно это позволило «новым дельцам» обскакать старых воров. Сегодня с нуля

сделать десяток миллионов куда труднее, чем в 1988—1989-м. Те, кто прорвался на Олимп тогда, удерживаются и нынче. (Кстати, это идет параллельно — и часто просто совпадая с ситуацией и на политическом Олимпе. В 1989—1990 годах из ничего возникла львиная часть нынешних министров, мэров, депутатов, замминистров, крупных чиновников и т.д. Это были те, кто сумел «конвертировать» наивные митинговые крики и восторги — обменять их на золотую палочку власти и взятки.)

Однако «волна» 1988—1989—1990 годов явно не последняя. Социальное море (или, если кому-то приятнее — «болото») только начинает по-настоящему колыхаться. И демократия в опасности — возможен страшный номенклатурный реванш! Вор... то есть предпринимателей и политиков разлива 1989 года, считавших, что они победили в августе 1991-го, начинают теснить «тяжелая индустрия». Директора начали втягиваться в водоворот капитализма по-настоящему только с 1992 года. Но ясно, что по мере развития «приватизации» законные бароны так же вытеснят на вторые роли «торгово-банковских попрыгунчиков», как те в свое время захихнули в чулан чугунноголовую номенклатуру. В общем, «и вечный бой! Покой нам только снится...» или, чтобы быть ближе к уровню российских миллиардеров 1990-х годов, — «недолго музыка играла, недолго фрайер танцевал».

Впрочем, и для номенклатуры былых времен, и для подростков-миллиардеров, и для волной накачивающих директоров есть ряд общих, неизменных позиций.

Во-первых, деньги делает по-настоящему тот, кто имеет выход на Запад. Кстати, отсюда (а не только от российского диссидентски-либерального маниловского прекраснодушия) и «мания Запада», которой до мозга костей прохвачен весь российский истеблишмент. Богатым становился тот вождь племени «мумбу-юмбу», который первым сообразил обменять «желтый песок» и слоновьи бивни на «огненную воду» и ржавый винчестер. Так и в «новой Ист-Индии» — России. Номенклатура грабила, вывозила на Запад и прятала в чулок, который засовывала в швейцарский банк (а сейчас вытасщить не могут!). «Компьютерно-видашные мальчишки» сделали шаг вперед — не просто крали-прятали. Тот, старый, «технологический цикл» был заменен на «торговлю». Нефть—компьютеры—цветные металлы—компьютеры). Затем в игру вступили настоящие нефтяные магнаты, а теперь подтягиваются и торговцы оружием. Общая тема одна: утром из России «стулья», вечером в кармане «баксы», но «начинка» этих «стульев» начинает менять-

ся. При этом общий, полуколониальный тип экономики неизменен и останется таким еще не на одно десятилетие.

Во-вторых, это капитализм, все еще управляемый некапиталистическими методами. Это вполне естественно — так старые автомобили еще напоминают кареты. Капитализм, вообще-то, — штука мирная. «Все куплю», — сказало злато». Деньги для того и придуманы, чтобы избавить людей от мучительной необходимости проламывать друг другу черепа, деля важные нужные вещи. Кто больше заплатил — тот и взял. И все.

Но из этого следует, что для того, чтобы капитализм мог быть самим собой, необходимо соблюдение законов. Иначе на чашу весов ляжет не золото, а, как все помнят из школьного учебника, победоносный меч...

Короче говоря, социалистическая экономика управлялась неэкономическим стимулом «партибилет положись». Это называлось — «командно-административная система». Те же внеэкономические стимулы играют решающую роль и сегодня — «головоу положись». Как рассказывал мне один «купец»: «Открыл я тут одному кредит на 100 миллионов рублей. А мой должник и говорит: «А какие у меня для тебя гарантии?» Я ему отвечаю: «Твоя жизнь... и жизнь детей». Пока что «командно-административную систему» заменила «командно-разбойная система». И дело не просто в рэжете. Воры и бандиты были и будут везде, всегда. Дело в том, что является определяющим в экономике — какой страх. Страх разориться, страх перед законом — или страх за жизнь детей. Сегодня в нашей экономике мирно соседствуют эти два страха — чисто капиталистически-денежный и совершенно антикапиталистически-кровавый.

Да, перемены в России произошли громадные. Может быть, не стало больше богатых — но их богатство гораздо больше застит глаза. И, я думаю, очень наивны и глубоко не правы те журналисты, которые увещевают наших нуворишей — ну, не намазывайте подошвы икрой на глазах у полуголодного народа, не ведите непрерывную пальбу пробками от шампанского, не прикуривайте от стодолларовых банкнот — а то ведь и вам дадут прикурить! Неужто не понимаете?

Дело тут не в «понимании» или «непонимании». Это — дикая весна, торжествующий брачный танец раннего капитализма. И эта дикость, чрезмерность, вакханалия, этот хамски-кретинский «загул» имеет глубокий смысл — не на уровне отдельного человека, а на уровне всего общества. Капитализм должен ошеломить, охмурить, завоевать, соблазнить Россию. Прежде всего, конечно, — покорить молодежь. Тут полутона, сдер-

жанность, такт, ум бессильны. За провинциальной девственницей (а при всем «растленном влиянии Запада» Россия была вполне капиталистически-невинна еще четыре-пять лет назад) не надо робко, в ее стиле ухаживать. Ее надо — ослепить, сломать, покорить и развратить сразу. Не берите ее за ручку — хватайте за грудь. Именно так, со смешным, грубым, великолепным, нелепым, провинциальным шиком, капитализм врывается в Россию.

«Я рад, товарищи, — заявил Остап в ответной речи, — нарушить автомобильной сиреной патриархальную тишину города Удоева».

Но важно, чтобы и товарищи были рады, что вонь и сирена наглых «дояров» разрушили их покой. А для этого должен возникнуть истинный культ Золотого Тельца, иступленное поклонение деньгам и денежному успеху — что мы и наблюдаем среди юных рэкетиров, депутатов, ученых, журналистов и всех прочих предпринимателей, думающих, что бы еще такое предпринять с собой и со страной, чтобы... Чтобы — что? Вольготно и роскошно жить? Быть похожим на американских бизнесменов? Ходить в рестораны «за валюту»? На самом деле рационального ответа нет. Культ денег столь же эмоционален, как любой другой культ. Но если страна хочет двигаться по пути, который называется «экономический прогресс», она должна заболеть этим слепым, безумным, нелепым культом богатства, слепой завистью к «золотым телятам» — дельцам и желанием подражать им, принять систему их ценностей. Первой должна заболеть молодежь. Это настроение — наркоз (или наркотик), который только и поможет стране не умереть от болевого шока в период рождения капитализма. Тут должна быть поистине язычески-иступленная вера в похабную мощь денег. Если на долларе написано «На Бога мы уповаем», то символ сегодняшней веры «демократов», «патриотов» и «нормальных граждан» — «на доллар мы уповаем».

Но уже глубоко войдя в капитализм, люди неизбежно вернутся к осознанию вечных истин:

«Кто любит серебро, тот не насытится серебром; и кто любит богатство, тому нет пользы от того. И это — суета! ...»

И это тяжкий недуг: каким пришел он, таким и отходит. Какая же польза ему, что он трудился на ветер?»

ПЯТОЕ

Внутриполитические обозреватели... с некоторым пренебрежением относятся к идеологическим концепциям и судят о политике скорее в плане личных отношений и конъюнктурных интересов политических деятелей... они (обозреватели. — А.К.) редакционные тузы и гранды, из их рядов нередко выходят политические деятели.

Карел Чапек. Как делается газета

Тезис о том, что средства массовой информации являются «четвертой властью», уже достаточно заезжен — причем, в основном, именно представителями этих средств: как действующими, так и бывшими, отошедшими в мир чистой политики. Возникло и продолжение ряда: пятая власть — толпы, шестая — мафии и т.д. Так как список принципиально не замкнут, очевидно, найдется порядковый номер и «собаке дворника, чтоб ласкова была». Противоположная точка зрения, традиционно приписываемая российскому парламенту, исходит из того, что власть — это один государственный организм о трех ветвях, а ТВ, радио и пресса — никакая не четвертая власть, а «...» (подставляется любой пассаж Руслана Имрановича) и должны говорить с истинной властью и о ней с придыханием. Обе позиции изначально конфликтны и проявляются в президентско-правительственно-парламентско-судебных документах и речах о печати, с одной стороны, и передачах, публикациях на общественно-политическую тематику — с другой. Обе они на слуху. Я же хочу поговорить о том, что обычно остается за кадром и страницей. Но сначала несколько слов о сегодняшнем положении средств массовой информации в нашем обществе.

Жалобы на «закрытие информации» звучат от работников совершенно различных средств массовой информации и, очевидно, истинны. Чиновники становятся все молчаливее, пресс-конференции приобретают черты брифинга, документы обнародуются с заметным опозданием и т.д. Что ж, это еще одно подтверждение тому, что начавшийся при последнем генсеке золотой век журналистики закончился. Времена широко открытых глаз и рта прошли, и из тех, коими зачитывались, заслушивались и засматривались, иных уж нет, а многие далеке, причем далеке не потому, что рванули куда-то, а наоборот, потому что рвануло общество, а они остались на месте. Сегодня равно архаично выглядят горячность как и не-симпатичных (лично мне) г.Невзорова и его косноязычного сменщика, так и симпатичных гг. Курковой и Политковского (оправдавших, кстати, в разгар золотого века вторую часть эпиграфа к настоящей статье).

Превращение властителя дум в информатора, т.е. возвращение к норме, естественно. Во-первых, политика просто надоела. Во-вторых, центр повседневной тяжести переместился для большинства в сферу экономики с другими интересами, мотивами и целями. В-третьих, бумагопроизводители, издатели и Минсвязь повышени-

КОЛЕСО?

ем цен на услуги существенно снизили объемы подписки и тиражи. Так что теперь политологические анализы читают те, кто с политики же и кормится, т.е. этот вид журналистики стремительно приближается к информационной модели академической науки, когда специалистов, скажем, по общей семантике трое в бывшем Союзе и столько же в Штатах, по два в Австралии и Израиле да по одному в Германии и на Цейлоне. В результате эта дюжина «сама пишет, сама давит, сама помощь подает» и цитирует. Хотя в политической игре бисер если не крупнее, то тяжелее для неиграющих, но почему бы и политической журналистике не жить по модели, вполне жизнеспособной в лингвистике, математике или биологии.

Правда, чистая, неоткомментированная информация все еще находит спрос. Но опять-таки, если ранее газеты могли как-то вылезти за счет сражений с кравченковским телевидением, то бороться с 15 ежедневными программами вестей-новостей, не считая news от BBC, ITN и т.д., довольно затруднительно. Что же до аналитических материалов, то они, как было отмечено, аналитикам и нужны. Нормальный же зритель (читатель) воспринимает идеологию через ее носителей, демонстрация коих по ТВ имеет несомненное преимущество в наглядности. Так что верность гген пера заветам мудрого Чапека (см. первую часть эпиграфа) носит во многом вынужденный характер, тем более, что и сами политики зачастую следуют данному рецепту.

Так или иначе, некоторая практика общения с властями предрержащими и их пресс-службами позволяет сделать определенные выводы. Во-первых, я не слышал ни об одном применении каких-либо мер согласно российскому закону о средствах массовой информации за отказ в предоставлении информации к должностным лицам. Более того, было принято закрытое решение по администрации президента и аппарату правительства о том, чтобы выдавать сведения журналистам только с ведома руководства данных структур. Как показал обмен мнениями с коллегами, такое предоставление полностью зависит от: а) цели «хозяина», б) характера (мировоззрения, воспитания и пр.) пресс-секретаря, в) личных отношений с первым или вторым.

О целях утечек надо писать большой материал в стиле Фромма или Лотмана. Конспективно можно выделить следующие:

1. Создание положительного образа;

2. Создание мнения (как общественного, так и депутатского, например: вспомним кампании «за и против» накануне VI и VII съездов);

3. Привлечение внимания (серия публикаций о секретаре Совета безопасности г.Скокове);

4. Дискредитация противника (перевранное интервью г.Полторанина в парламентской «Российской газете», материалы о зарубежных дачах гг. Горбачева и Шахрая);

5. Разведка — запугивание (идеи о разгоне съезда или об импичменте президента);

6. Разведка — провокация — предостережение (материал «Независимой газеты» о возможности замены г.Ельцина г.Руцким).

Мне вспомнился довольно распространенный прием контрразведки — предоставление разной информации подозреваемым в шпионаже с последующим отслеживанием всплываемых у противника сведений. Так, в конце сентября во вторник должно было пройти совещание президента с правительством по поводу структурной перестройки последнего. «Новости» утверждали, что вопрос тогда же и решился, а «Вести» настаивали на факте переноса мероприятия на среду. Более того, в одно и то же время пресс-секретарь правительства г.Шипитко по телефону солидаризовался с «Останкино», а г.Бухвалов, пресс-секретарь первого вице-премьера, — с «Вестями».

Личные же отношения с должностными лицами и их пресс-работниками, естественно, у каждого журналиста свои и всегда разные. Как и сами пресс-секретари.

Не знаю, чем, кроме личной преданности, руководствуются при их подборе, но даже № 1 из них — г.Костиков, автор известных антибуржуазных де-

тективов и огоньковской публицистики о новом классе (без единой ссылки не то чтобы на Милована Джиласа, но хотя бы на «Номенклатуру» Михаила Восленского), скажем, позволяет порой себе на пресс-конференциях оригинальный конферанс (вспоминается, как Вячеслав Васильевич предоставил слово г.Доренко как «самому красивому мужчине телевидения»). Прочие работники по связям с прессой, обделенные природой живоальностью г.Костикова и возрастом г.Елисеева, не совершают свежих поступков первого и не устанавливают долгосрочных контактов со средствами массовой информации по примеру второго. И отметить у них что-либо, кроме исполнительности и добросовестности, нечего.

С другой стороны, все тут понятно: дело это специфическое, в университетах ранее не преподававшееся. Роль и значение средств массовой информации переменялись так стремительно, что власть просто не успела это осознать в полном объеме. Если открыто и безбоязненно изучать общественное мнение стало возможным только в последнее время, то идея о необходимости его формирования с помощью средств массовой информации, а главное — о конкретных методах этого формирования, так и не стала естественной даже, скажем, для такого западника, как г.Гайдар. Более того, должностные лица зачастую просто опасаются связываться со средствами массовой информации как с неподотчетной и, самое страшное, непонятной силой. Поэтому иногда из-за декларируемого презрения властей к журналистам торчат уши боязни или обиды.

Как водится, выходить из ситуации можно двояко: выкручиванием рук и взаимной вежливостью (но все-таки без придыхания).

За полчаса до выборов нового председателя парламентского комитета по средствам массовой информации взамен выбывшего в «Останкино» г.Брагина я говорил с зампредом одного же комитета г.Копейко. Я было поздравил Александра Константиновича как первого претендента, на что он только рукой махнул — и как в воду глядел: волей подавляющего большинства депутатов овечьим пастырем был избран г.Лисин, главный официальный парламентский борец с газетой «Известия».

С другой стороны, назначение руководителем администрации президента г.Филатова может прояснить, от кого исходят инициативы по недопущению к информации. Будет ли Сергей Александрович следовать практике своего предшественника г.Петрова, или настанут новые времена — поживем-попишем.

Алексей КИРПИЧНИКОВ

Наклейки

отличного качества

по низким ценам

2-цветные — 1 кв.см — 30 коп.

3-цветные — 1 кв.см — 35 коп.

Визитные карточки

1- и 2-сторонние.

Тел. 921-44-91

«СОДЕЙСТВИЕ» —

это уникальная возможность воспользоваться услугами ученых-медиков мирового класса.

Лечение всех видов заболеваний у взрослых и детей в клиниках МОСКОВСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ им. И.М.Сеченова

К Вашим услугам:

- Компьютерная томография
- Все виды эндоскопического обследования
- Ультразвуковая диагностика всех органов
- Рентгенологические исследования
- Генетические тесты для будущих родителей
- Лабораторная диагностика
- Функциональные методы обследования (ЭКГ, ЭЭГ, РЭГ, РВГ, ФВД и т.д.)
- ПУВА- и лазеротерапия
- Лечение кислородом в барокамере
- Рефлексотерапия
- Специализированное детское оборудование
- Лечение бронхиальной астмы с помощью низкочастотного ультразвука.

Для крупных предприятий самые низкие расценки на комплексное обследование и лечение сотрудников!

Контактные телефоны:

(095) 248-64-44

248-57-90

Подробную информацию о «Содействии» читайте в № 44 за 1992 г.

Сегодня смещаются целые пласты сознания, и вдруг выясняется, что совсем не бытие определяет сознание, а наоборот. Думающие по-старому остаются при своем мнении, и никто их за это не осуждает.

Особенно трудно меняться людям в погонах. Рухнула официальная идеология (или, быть может, официально рухнула?), нет у краскомов партии для накачки, нет комсомола для затычки, уж не шлет Главпур в войска своих директив, к какому празднику и на что «обратить повышенное внимание». А поскольку военные должны опираться на что-то серьезное (ну, не на демократию же, в самом деле!), такое было незамедлительно ими найдено — религия. Причем наша, проверенная «в боях и походах» Дмитрием Донским, Александром Суворовым и Брусиловым, — православная.

Однако в армиях некоторых других стран никогда не было Главпура и, следовательно, расставания с верой. Выслушаем человека, который не только знает об этом, а главное — размышляет.

A.K.

Рис. В. Чумачева

Кинг КОФФМАН,

полковник в отставке (США)

ХРИСТИАНИН И ВОЙНА

Я профессиональный военный, отдавший 31 год службы своей стране в мирное и военное время. Но что гораздо важнее — я вот уже больше 45 лет всем сердцем предан воле Господа. Причем я служил не капелланом (военным священником), а именно боевым пехотинцем. Теперь же мы с женой приехали в Россию, потому что хотим быть полезными в такое время, когда после 75 лет официального атеизма русским людям возвращена свобода вероисповедания. Тема «Христианин и война» имеет принципиальное значение, так как существует широко распространенное мнение, что христианская вера несовместима с военной службой. Если это так, то сейчас, когда Россия возвращается к своему древнему христианскому наследию и все больше и больше молодежи открыто заявляет о своей вере в Христа, какая-то часть наиболее способных и наиболее сострадательных ваших граждан может оказаться потеряна для профессиональной армии.

За время моего пребывания здесь я выступал перед слушателями нескольких военных академий. Чаще всего мне задавали один вопрос: как это я, будучи христианином, могу быть профессиональным военным? Солдатом, призванным на два года, — это понятно. А вот профессиональным военным? Очень скоро я обнаружил причину таких вопросов. В вашей стране люди, которые так же открыто

говорят о своей вере в Христа, как и я, в основном ассоциируются с баптистами, которые, как я понимаю, склонны к отказу носить оружие из религиозных убеждений. Я, конечно, не хочу спорить ни с кем из искренне верующих в вашей стране, но, тем не менее, я категорически не согласен с теми, кто придерживается этой позиции, потому что, по моему убеждению, это противоречит Библии.

Я очень серьезно относился к Библии, с тех пор, как посвятил свою жизнь Иисусу Христу... потому что, знаете ли, именно это и значит быть христианином. Я ведь являюсь христианином не потому, что совершаю хорошие поступки ради Христа (хожу, например, в церковь, читаю Библию, отдаю столько-то денег на подаяния и т.п.), а скорее благодаря тому, что Христос сделал ради меня. Ведь он принял смерть, чтобы искупить мои грехи, и дал мне надежду на вечную жизнь. Счастливым вставшим на путь истинной веры христианин дорожит Библией. Он изучает ее. Применяет слово истины к своей жизни. Делает то, что сказано в Писании. Конечно, можно быть христианином и без этого, но так нельзя стать по-настоящему убежденным христианином.

Позвольте мне пояснить, что я имею в виду. В тот момент, когда 1 июля 1948 года, в мой первый день нахождения в академии Вест-Пойнта, я принял присягу, обещая защищать родину, я юридически стал таким же

солдатом, каким и остался 31 год спустя, когда вышел в отставку. Но я не был настоящим, «хорошим» солдатом до тех пор, пока не закончилось мое обучение и я не приобрел некоторый боевой опыт. И после этого я, надеюсь, с каждым годом становился все лучше и лучше как солдат.

Библия играет очень важную роль для развития христианина и, как я знаю из личного опыта, христианина-солдата. Так что же сказано в Библии именно о солдате-христианине? Очень многое. Например, во втором послании к Тимофею апостол Павел говорит: «Переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа. Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтоб угождать военачальнику». А ведь Библия никогда не приводит какую-либо предосудительную деятельность в качестве примера того, как следует поступать верующему. Самым правдивым, кого Иисус нашел во всем Израиле, был римский сотник. Первым обращенным в христианство иноверцем, отмеченным в Библии, был другой сотник по имени Корнилий (см. Деяния, гл. 10). Много и других воинов упомянуто в Библии, но ни про одного не сказано, что он отложил свой меч и поменял профессию.

Я прочел все аргументы, приводимые учеными против военной службы и применения силы. И почти ни один из них не может провести грань между тем, что говорится в Библии о Морали Личной (чести) и Морали Общественной (долге). Например, в Ветхом Завете пророк Михей говорит: «И чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим». А что если человек этого не делает? Два последних требования относятся к сфере личной морали. Нельзя заста-

вить человека ходить пред Богом или любить что-то (или кого-то); но Государство может требовать, чтобы люди действовали справедливо... или понесли наказание. Любовь к Господу и к ближнему своему как к самому себе (из Нового Завета) — это вопрос личной морали, и Государство не может принудить вас к этому. А вот подчинение закону — это уже долг, и его выполнения можно добиться силой. В Послании апостола Павла к римлянам говорится, что долг Государства — защищать невинных и наказывать виновных. Правитель же имеет особые полномочия, чтобы применить меч для той и другой цели, ибо, конечно же, меч существует не только для торжественных парадов. Это смертельное оружие как в гражданской политике, так и на войне.

Теперь давайте соотнесем это с некоторыми из наиболее часто цитируемых библейских высказываний о том, почему христианин не может носить оружие: заповедь «не убий» (Книга Исхода, гл. 20), «не противься злему» (От Матфея, гл. 5), «ударившему тебя по щеке подставь и другую» (От Луки, гл. 6). Каждая из этих заповедей есть наставление из сферы личной морали. Каждый верующий в отдельности не должен отвечать тем же на личное оскорбление или обиду. (Как это трудно для многих из нас!) А вот государство может и должно. Защищать и наказывать — это его функция. Кстати, в Книге Исхода вовсе не говорится «не убий», более точный перевод: «не совершай убийства». Но ведь наказанием за убийство (и за нарушение девяти других заповедей Ветхого Завета) является смерть. Если бы заповеди запрещали лишение жизни при любых обстоятельствах, кто тогда осуществлял бы такое на-

казание? Лишать кого-либо жизни строго запрещено отдельному человеку (это — личная мораль), но Государству лишать кого-либо жизни не запрещается. Это уже общественная мораль. Таким образом, мы должны сделать вывод, что солдат, подчиняющийся законному приказу своего правительства (или командира, действующего от имени правительства), убивая при необходимости солдата противника, исполняет свой долг. Можете ли вы представить себе, как выглядел бы современный мир, если бы почти пятьдесят лет назад правительства наших стран не объединились, чтобы нанести поражение Адольфу Гитлеру? Евреи не противились, или, вернее — не могли противиться газовым камерам, и шесть миллионов нашли там свою смерть. Или возьмите сегодняшние газеты. Как раз сейчас американские войска находятся в Сомали, чтобы охранять поставки продовольствия от вооруженных бандитов и помочь полтора миллиону беззащитных голодающих людей. Полтора миллиона человек наверняка погибли бы, если бы чьи-то вооруженные силы не пришли к ним на защиту.

Позвольте теперь привести пример из жизни Москвы или Лос-Анджелеса. Я что-то ни разу не слышал, чтобы пацифист спрашивал у верующего полицейского, как он может быть одновременно и христианином, и полицейским. Наверное, потому, что все признают, что без полицейского и его оружия ни один дом, предприятие или человек не могли бы быть в безопасности. Лидеры государства не могли бы выйти из дома или своего кабинета, не боясь за свою жизнь. Не было бы банков, потому что гангстеры могли бы беспре-

пятственно прийти и забрать деньги. Короче говоря, наша жизнь и имущество были бы в постоянной опасности без полицейских сил, которые сдерживают зло. Конечно, войска, действующие далеко от наших границ, — пример, кажущийся более абстрактным, и поэтому многие не понимают их истинного назначения, хотя из Писания ясно следует: сам Господь предписывал использование силы правительствами для сдерживания зла. Мне, кстати, всегда казалось несправедливым, что люди, которые выдвигают и поддерживают идею неприменения силы, должны пользоваться благами такой защиты, хотя им самим редко приходится рисковать вместе с теми, кто ее обеспечивает.

Позвольте мне привести несколько примеров из личного опыта. Когда я командовал пехотным батальоном в Южном Вьетнаме в 1968 г., в самый разгар войны, я дал понять моим подчиненным: я не потерплю, чтобы они убивали кого-либо без необходимости, будь то солдаты противника, а тем более мирные жители, и если кто-нибудь это сделает, то будет отвечать передо мной лично. Разумеется, такова была официальная политика нашего правительства, но претворение ее в жизнь зависело от боевых командиров. Мне доподлинно известно, что некоторые командиры не любили брать пленных, потому что они не засчитывались им как урон в живой силе, нанесенный противнику. Для них мертвый противник был лучше живого пленного. Мне же такой подход был совершенно непонятен ни с христианской, ни с военной точки зрения. Не говоря уж о христианской стороне вопроса, живой пленный являлся ценным источником информации о расположениях и намерениях противника. Однажды мне пришлось приказать американскому военному хирургу, чей ассистент-вьетнамец незадолго до этого потерял ребенка в бою с противником, оказать медицинскую помощь тяжело раненному вьетконговскому солдату. Хирург предпочел бы, чтобы тот умер у него на глазах. Я имел возможность убедиться, что солдаты противника были настолько поражены хорошим обращением с ними в моем батальоне, что часто добровольно давали ценные сведения. Обычно солдатам Вьетконга (так же, как и Северного Вьетнама) говорили, что американцы убивают пленных и пьют их кровь! Я могу честно сказать, что старался любить солдат противника. Я не желал им зла. Они находились там, выполняя свой долг точно так же, как и я. И сегодня, спустя 24 года, я испытываю большое удовлетворение, заявляя перед вами, что в секторе, контроли-

Фото ИТАР — ТАСС

руемом моим подразделением, не пострадал ни один мирный житель за те шесть месяцев, что я командовал батальоном. Как отдельно взятый человек, я почти ничего не мог сделать, чтобы помешать политикам развязать войну, но, как христианин на посту командира, я мог свести к минимуму страшные последствия войны на своем участке боевых действий.

Я не затрагивал таких вопросов, как: что должен делать христианин, когда его правительство само иницирует захватническую войну, или когда деспотичный правитель (или военачальник) использует свою власть для притеснения законопослушных граждан, или должен ли солдат-христианин стрелять в своих сограждан, восставших против правительства. Не касался и того, каким образом может христианин играть положительную роль в борьбе за мир и справедливость в нашем грешном мире.

Что касается последнего, то в заключение полезно было бы признать, что Иисус никогда не обещал мира без войны до тех пор, пока Он не придет опять. В Евангелии от Матфея (гл.10) Он говорит: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч». Что значит это для нас сегодня? Я не знаю, но думаю, что этим Он призвал нас, носящих военную форму, сдерживать силы зла, защищать тех, кто трудится, неся Благою Весть о мире с Господом через веру в Иисуса Христа; делать это до тех пор, пока Он не придет во славе положить конец насилию, войне и смерти. Честь вам и хвала за это! Здесь мне захотелось бы добавить, что христиане в военной форме имеют уникальную возможность нести эту Благою Весть своим боевым товарищам. Я обращаюсь ко всем воинам-христианам: служите этой цели всяким возможным путем — своим поведением в жизни, своей любовью к ближнему, своими превосходными профессиональными знаниями и словесным убеждением.

Эти и связанные с ними вопросы еще требуют обсуждения. Буду рад помогать вам когда и где только могу и сегодня, и в будущем. Я думаю, каждому молодому человеку призывного возраста в вашей огромной стране, особенно слушателям ваших прекрасных военных академий, необходимо поразмышлять о том, о чем я говорю сегодня, чтобы не поддаться лживым уговорам, что христианин не может служить одновременно и Богу, и отечеству, будучи военным. А преподавателям надо знать, как говорить со студентами на эти темы.

Да благословит Господь вас и свободную Россию!

Перевод Ольги ЯНКОВСКОЙ

Александр КАСАТОВ

СТРОЕВЫЕ МОЛИТВЫ

Усилия тех, кому хочет помочь полковник Коффман, иногда прямо-таки мучительны. Им хочется помочь, а как? Они еще не всегда такую помощь принимают, считая, что «спасение утопающих — дело рук самих утопающих», что значит по-научному, по-марксистски «добиться освобождения своею собственной рукой». Кроме того, военным, привыкшим ходить строем, мельтешенье «штафинок» вообще кажется бессмысленным и глупым. Ну еще какие-то организованные усилия серьезных «штатских», туда-сюда. Вот на такое солидное мероприятие, как теоретический семинар «Христианство и российская армия», военные пришли. Проводила его Федерация мира и согласия (в прошлом — Комитет защиты мира, известный своим «бескомпромиссным» характером, так же как и специфическими источниками финансирования).

Важно только посмотреть, какие военные? Преподаватели Гуманитарной академии вооруженных сил (бывшая Военно-политическая им. Ленина) и некоторых других, штабные работники Главкомата ОВС СНГ, Московского военного округа. И создали представители «крупнейших мировых религий»: человека от православной церкви, человека от католической, от Союза христиан-баптистов. Выступили почти все, кто хотел. Может быть, это и хорошо. Но был только один голос, который призвал задуматься, насколько серьезно вся эта затея. Это дьякон Андрей Кураев задавал почти риторические вопросы: «Зачем армии церковь? И зачем солдату священник?». Странный человек! Хотя, понятно, в армии-то не служил...

Зато военным было все ясно. Вот Борис Лукичев, начальник группы по связям с религиозными организациями, есть такая, оказывается, в Минобороны России, считает так: политорганы отменены? Отменены. Равные им по силе воздействия не созданы? Никак нет! Имеется «эрозия нравственных устоев» и «снижение волевых качеств»? Так точно! Необходимо, значит, заключил Лукичев, «освободить духовное сознание», «организовывать эти отношения» и вообще «повышать уровень». Короче: «Сегодня, товарищи курсанты, изучаем тему «Осенение крестом». Делай «раз». Петров, руку выше. Делай

«два». Иванов, у тебя, что кол в поянице? Кто ж так поклоны отбивает?»

А еще Лукичев пожаловался, что офицеры плохо знают религию, потому и разрабатывается курс религиоведения и в войска направлены книги «Новый Завет». Вот тут встать бы священникам и даже функционерам от религии и уйти. Ну, нельзя же так, с верой-то!

Даже милейший человек Кузнецов, возглавляющий организацию «Военные за духовное возрождение армии», просто насмерть стоял за введение института военных священников в армии чуть ли не завтра. Милейший-то милейший, но советский-советский. Разработан уже им проект некоего соглашения о создании в армии «воинских органов духовного управления», которые называются «Межконфессиональной духовной службой» (МКДС). Кто бы вы думали должен стоять во главе такой «службы»? Конечно, «начальник МКДС ВС РФ», который должен стать первым заместителем Министра обороны. С поиском кандидатуры проблем, видно, не будет, нужно только найти «истинно верующих кадровых офицеров и генералов по рекомендации конфессий... способных возглавить МКДС и имеющих войсковой опыт работы с личным составом». Из документа по-военному однозначно следует, откуда сей духовный отец армии будет брать подчиненных: «Подготовку кадров военного духовенства организовать Министерству обороны... совместно с конфессиями, для чего перепрофилировать часть военных училищ и факультетов военных академий». Вообще чеканность формулировок поражает. Есть там и «комплектование частей и соединений (до полка включительно) священнослужителями... проводить дифференцированно...», и «расчеты комплектования священнослужителями», прямо как про котелки, противотанковые или «белье зимнее».

Наверное, появятся значки «Отличник боевой и религиозной подготовки», конкурсы на лучший конспект «Послания апостола Павла к Римлянам», к приезду начальства, кроме травки вокруг плаца, салаги будут красить и травку вокруг храма.

Вот и нашли, чем занять бывших политработников. В Гуманитарной академии вовсю идет работа. И пол-

ковник, всего два года назад убеждавший меня, что профессиональной армии у нас быть не может, а я-де штатский человек ничего не понимаю, теперь с пеной у рта доказывает мне, как нужен им курс религиозведения. Так же как Нагульнов долбил английский, так же теперь военные бу-

дут — религиозведение.

Боюсь только, испортят у нас и это светлое по сути дело, как загубили в глазах обывателей идею рынка. Что нам их идеи! А то, что в западных армиях есть капелланы, ничего не значит. Что немцу здорово, то русскому смерть?

Михаил ПОЗДНЯЕВ

О СОЛДАТЕ ЧОНКИНЕ, ПОРУЧИКЕ ГРАФЕ ТОЛСТОМ И БЕЗЫМЕННОМ ГЕНЕРАЛЕ

Сперва — вопрос более общего свойства: отчего же это все, что мы именovali отечеством, так скоро и споро развалилось?

Не оттого ли, что были мы братьями и сестрами лишь на словах, до того лишь предела, когда у каждого на шкурке, на той рубашке, что к телу ближе некуда, шерстка восстает дыбом?

Какие бы петли и фортели ни выдавала судьба, как бы и кто из нас ни мнил себя свободным от этого общества, — каждый из нас жил в своей резервации, признаки которой были налицо, разве что выявлены более или менее ярко.

Наши пути никак не пересекались (как не пересекаются параллельные прямые); и сельский подпасок, а затем — рабфаковец, а затем — парторг завода, а затем — второй секретарь обкома, а затем — работник аппарата ЦК, а затем — министр и кандидат в члены Политбюро, а затем — штрафник-посол за океаном, а затем — академик... в свои шестьдесят пять — семьдесят он проживал не одну, но во всемирной, отстреливая каждую следующую, подобно ступени ракеты-носителя, не сожалел, не оглядываясь и подчас не замечая перехода из состояния твердого в газообразное.

Ни одно из сочинений, напечатанных в пору «гласности», не вызвало столько ярости и шума, столько коллективных и персональных писем, как роман Владимира Войновича о солдате Иване Чонкине.

Атаки на Чонкина армейской и проармейской печати (вроде «Молодой гвардии») объясняются не слепой верой авторов в миф о «непобедимой и легендарной», а как раз их переходом из одной резервации в другую. Отношения наших генералов с Чонкиным совсем сродни истории про мужика и двух генералов, изложенной у Щедрина. Генералы убеждены, что они как раз и есть истинный, реальный солдат, а следовательно, народ как таковой. Стало быть, не Чонкин и не

Теркин, а два щедринских генерала — русская армия, ее честь и слава...

Это должно быть принято без сомнения и колебаний — как и то, что народ и партия едины; иначе — придется каким-то образом отвечать, оспаривать совсем противоположное мнение, тоже достаточно резкое и определенное:

«В России, столь могущественной своей материальной силой и силой своего духа, нет войска; есть толпы угнетенных рабов (разрядка моя. — М.П.), повинующихся водам, угнетающим наемникам и грабителям, и в этой толпе нет ни преданности к царю, ни любви к отечеству — слова, которые так часто злоупотребляют, — ни рыцарской чести и отваги, есть с одной стороны дух терпения и подавленного ропота, с другой дух угнетения и лихоимства».

Цитата — не из книги Войновича о русском солдате начала 40-х и не из армейской прозы начала 80-х, где Юрием Поляковым, Олегом Ермаковым и Александром Тереховым сказаны лишь первые слова, лишь первая брешь пробита, а главное — оно ведь не написано доселе... Цитата — из графа Льва Николаевича Толстого, из его «Проекта о реформировании армии», намеченного по выходе в отставку в чине артиллерийского поручика, после Крымской кампании, в 1855 году. Слова сказаны офицером той армии, которая ныне многими радетелями об устройении в подразделенных «ленинских комнатах» храмов и часовен предлагается в качестве вождя идеала.

Толстому, его раздумьям об армии, коя нужна (если вообще нужна) России, посвятил статью в «Независимой газете» (25.09.92) Виталий Уражцев. Допускаю, что я мог и пропустить что-либо из написанного на эту тему, но, смею утверждать, точнее сегодня ответить на вопрос «Что будет с нашей армией?», чем это сделал граф Толстой, — просто нельзя. Во-первых, потому, что, как и полтора столетия назад, наша армия — преступное уч-

реждение, где все, начиная с обязательного забривания лбов в урочный час и кончая сохранившейся (и оберегаемой) системой наказаний, все, буквально все — против человека, против личности, против совести и достоинства. Во-вторых — армия наша такова, каково наше Отечество, и многомиллионные жертвы, принесенные ни за что ни про что за полтора столетия после обороны Севастополя, — цена, заслуженная вообще нашим образом жизни, хозяйствования, отношений меж собой. Нами.

Армия 75 лет была и остается своего рода резервацией. Была таковой (и пока остается) также и Церковь. Их насильственный союз и сотрудничество — увы, примерно то же самое, что и соцсоревнование между двумя подразделениями ГУЛАГа. Обмен опытом несвободы.

Я не против появления священника в казарме. Я не против того, чтобы православный солдат мог исповедаться, и причаститься, и помолиться в ближайшем храме, получив по первому требованию увольнительную от своего командира (не забудем еще живущих в той же казарме баптистов, мусульман, католиков, иудеев и других). Но я — решительно против того, чтобы роль мужика в вечной нашей сказке про двух дармоедов-генералов на сей раз играл священник. Нет, братцы! Пусть генерал прежде накормит солдата, устроит ему жизнь человеческую, а не рабскую, не скотскую, уважит в нем равного себе... пусть затем генерал еще отдаст то, что задолжал, и бьющегося в прежней привычной нужде попу... и уж тогда — порассуждаем, никуда не спеша, что у Армии и Церкви общего, какими делами они могут заниматься сообща.

При согласии с очень многим из того, чем поделился с нашими офицерами американский полковник Коффман, я все же думаю, нам полезнее сегодня вспомнить еще и о другом полковнике — из стихов Лермонтова («...слуга царю, отец солдатам...»); а еще полезнее, быть может, — о безымянном генерале из «Жития преподобного Серафима Саровского». Генерал этот, любитель экзотики, был кем-то привезен в Саров для знакомства со старцем Серафимом. «Едва вступили они в келию, старец, выйдя к ним навстречу, поклонился генералу в ноги. Спутник его сразу вышел, а генерал остался для беседы с отцом Серафимом. Через полчаса он выведен был старцем из келии, как малое дитя: лицо его было залито слезами, он продолжал горько плакать. На нем не было ни фуражки, ни орденов — их вынес следом отец Серафим. Придя в себя, генерал сказал, что он многое повидал, прошел всю Европу, но в первый раз столкнулся с таким смирением и кротостью. (...) Старец раскрыл пред ним всю его жизнь до тайных подробностей, а когда ордена, отшпились, упали с мундира, отец Серафим заметил: «Вот, ты носишь их незаслуженно».

Не такой ли — думаю — и должна стать встреча в конце XX века самонадеянного нашего генерала с теми, кому Бог судил молиться «за Отечество, власти его» и — как возглашается за Литургией — «христоролюбивое воинство»?..

Оля МУЗАЛЕВСКАЯ:

«ВСЕ НАЗЫВАЮТ МЕНЯ УНИКАЛЬНЫМ ЯВЛЕНИЕМ»

Однажды наш фотокорреспондент — большой любитель снимать всякие митинги, — проявляя очередные пленки, обнаружил, что на всех негативах у него неизменно выплывает из проявителя одна и та же симпатичная мордашка.

На пленках, снятых в разных местах и в разное время!

— Что за чертовщина?

— изумился фотокорреспондент и полез в свой архив.

Представьте себе, на снимках полугодовой и даже годовой давности запечатлелась все та же застенчивая улыбка. Эта

девчонка постоянно оказывалась в первых рядах всех мыслимых и немыслимых московских политических сборищ. Конечно, с ней стоило познакомиться.

— Оля, откуда ты, кто ты, как дошла до жизни такой — в общем, расскажи все по порядку.

— Живу я с бабушкой, ей семьдесят пять лет. Папы у меня не было, а мама умерла, когда мне было семь лет. Собственно, я всегда жила с бабушкой, потому что маму дедушка все время заставлял работать... Мне сейчас пятнадцать, но политикой я занялась гораздо раньше.

— А с чего у тебя все это началось?

— С телевидения. Я обожаю телевидение, я смотрела все передачи подряд, а там сплошная политика. Потом Кравченко уволил Миткову, Киселева и Ростова, весной 91-го года. А Миткова вообще моя самая любимая. И я пошла на свой первый митинг — в их защиту.

В дни путча, правда, я к «Белому дому» не ходила. Я тяжело болела и к тому же не знала, где «Белый дом» находится.

А потом закрыли передачу «600 секунд». Я тогда еще к Невзорову хорошо относилась, но дело даже не в этом. Понимаете, нельзя же вообще никакие передачи закрывать! Тогда я и попала к «памятникам».

— Ты и у них успела побывать?

— Да, но быстро в них разочаровалась. Национализм мне ужасно не нравится.

На их митинге ко мне подошла женщина и спросила, почему у меня рваная куртка. А у меня, честно говоря, другой просто не было. И женщина сказала: «Пойдешь продавать газету «День» и заработаешь себе денег». Но я только два номера продала — я

же читала их от корки до корки. А они там про одного человека такое плохое написали, что мне стыдно стало, хотя я этого человека даже не знала. Про Илью Заславского.

А еще до этого, когда был траурный митинг, посвященный сорока дням гибели защитников «Белого дома», я познакомилась с Людой Удаловой, деморосской. Она взрослая женщина, просто позволяет себя Людой называть. Я позвонила Люде и спросила у нее про «День» и про политику. И она рассказала мне, что Заславский — сопредседатель «Демократической России».

Люда взяла меня на собрание, где он должен был выступать, и я, хоть его раньше никогда не видела, сразу узнала. Мне показалось, что он очень хороший, — я и сейчас так думаю. Вот тогда я и перестала ходить на патристические митинги.

— Чем тебя так увлекла «ДемРоссия»?

— Вам программу рассказать?

— Нет, только в общих чертах, как ты понимаешь их задачи.

— Мы хотим построить демократическое общество, чтобы все имели частную собственность, трудились и получали хорошие деньги. Чтобы каждый человек был свободен. В «ДемРоссии» меня поразило то, что они никого не собираются расстреливать, вешать, бить...

— А другие собираются?

— Однажды я попала на «Марш голодных очередей». Притворилась их сторонницей, влезла на машину и все-все рассмотрела и запомнила. Так они, знаете, что скандировали?

«Ельцина на рельсы!» Я не считаю себя ельцинисткой — пусть не Ельцин, пусть другой — но зачем же его на рельсы?

Вот мы, когда VII съезд пикетировали, кричали: «Ельцин! Гайдар!» И мой любимый лозунг: «Коммунизм не пройдет!»

— **Чем же тебе-то успели насолить коммунисты?**

— Да они же сначала рушили храмы, а теперь кричат, что за религию. И все у них так.

После пикетов я уже осознанно вступила в «ДемРоссию». Правда, фактически еще не вступила, потому что мне нет шестнадцати лет. И некоторые вещи меня у них сильно удивляют.

— **Например?**

— Например, их отношение к молодежи. Там есть один человек, он так и говорит: «Вовлекать молодежь в политику — дело преступное».

Ну, когда принудительно вовлекают, мне тоже не нравится. А если человек сам пришел, зачем же его гонять?

— **Тебя все-таки гоняют?**

— Гоняют (*вздыхает*). Но в основном люди там хорошие. Есть, правда, которые пытаются расколоть нас изнутри.

— **Зачем же вы их терпите?**

— (*Хитро*.) А это внутреннее дело нашего движения.

— **Не скучно тебе на собраниях? Ведь там все разговаривают таким занудным, взрослым языком...**

— Думаю, я не понимаю? Я теперь все понимаю. Я только у одного слова не знаю лексического значения: «рационализировать».

— **Скажу тебе откровенно, лексического значения этого слова я тоже не знаю...**

— Вот видите!

— **...и тоже считаю, что у детей есть много гораздо более важных дел, чем политика.**

— Я не люблю политику, потому что она разделяет людей. Это, кстати, не я сказала. Один телеведущий, но я с ним согласна. Просто общество наше сильно политизировано, а молодежи некуда податься.

— **Значит, политика для тебя все-таки способ времяпрепровождения. А цель в жизни у тебя есть?**

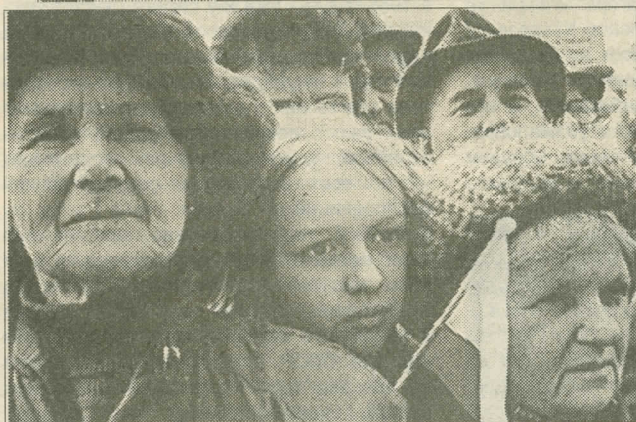
— Стать тележурналистом.

— **Почему именно теле?**

— Ну, чтоб меня все знали, чтоб общаться с народом. Я не люблю толпу, но люблю народ — это опять не мои слова.

— **Оль, скажи мне честно, ты раньше была очень одиноким человеком?**

— Однажды, еще во втором классе, девочки сказали мне: «Раз у тебя нет мамы, ты не должна с нами дру-

жить». Я это хорошо запомнила и с тех пор в подруги ни к кому не набивалась. Тогда я стала вести дневник, в котором размышляла, кто лучше: коммунисты или демократы.

— **Ну вот, опять двадцать пять. А о любви ты не размышляла, как все девочки?**

— Гулять с мальчиком можно, только если он придерживается тех же политических убеждений.

— **Вам с бабушкой трудно живется?**

— Трудно. Иногда есть нечего.

— **Тебе не приходила в голову мысль, что ты уже достаточно большая, чтобы помочь немного бабушке материально?**

— Мне больше нравится тусовать-

ся в мэрии.

— **Да ты действительно уникальное явление.**

— Я же говорила! В моей жизни никто не может разобраться, даже близкие мне демороссы.

— **Скажи напоследок что-нибудь свое.**

— Жизнь прекрасна — ой, это опять чья-то цитата. Надо просто уметь жить. Я — умею.

Вопросы задавала Елена САЛИНА,
фотографировал на митингах
Эдуард
КУДРЯВИЦКИЙ

Генрих АНОХИН

ЛУИС — БРАТ УБИЙЦЫ

В далекой Мексике есть кладбище, где на белом камне, лежащем на одной из могил, высечены серп и молот. А в Москве на Кунцевском кладбище стоит обелиск в форме флага, высеченный из красного гранита. На нем выгравирована звезда, которую вручали Героям Советского Союза...

В июне 1955 года, разжалованный «до нуля» из старших инструкторов альпинизма за катастрофу на Казбеке, я впервые приехал в лагерь «Искра» в ущелье Баксан на Центральном Кавказе.

Меня, как хоть и «бывшего», но бывалого, избрали старостой отделения. Командиром же назначили тоже «бывшего», а его заместителем — еще одного разжалованного. По составленному таким образом триумvirату наше отделение и получило наименование «штрафного батальона».

Составляя список отделения, я сразу обратил внимание на одного новичка: тонкого, с гигантской залысиной, едва обрамленной рыжеватыми волосенками, с высоким женским голосом. Хотя он и говорил абсолютно грамотно, но все же иногда не успевал за скороговоркой собеседников, а ряд слов со смехом переспрашивал, как бы понимая под ними что-то веселое.

— Луис Меркадер! — назвался он, и я подумал: «Еврей из Прибалтики?»

— Вы думаете, что я еврей? — он визгливо засмеялся. — Да нет! Я — каталонец из Барселоны. Не испанец, а именно каталонец!

Ему оказалось тридцать два года. А неулыбчивая и флегматичная женщина, молча или стоявшая рядом, или следовавшая за ним, была Анжеликой, его жена. Но не имя заставило меня настроенно относиться к его спутнице. В первый же день ее соседки по палатке сказали мне, что «молчунья» — дочь Г.М.Маленкова.

Луис, как выяснилось, был одним из тех детей, которых вывезли после 1937 года из Испании во Францию, а затем, в 1939 году, — в СССР.

Симпатии, возникшие в горах, оказались крепкими. Два года подряд я, бывая

в Москве, останавливался у друзей по «штрафбату» — сначала у радиотехника Евгения Чемоданова, сослуживца Луиса, а в 1956 году — уже и у самого Луиса в роскошной квартире на Большой Садовой, рядом с площадью Маяковского. Анжелику тогда я не увидел — она с детьми отдыхала где-то на юге, зато Луис познакомил меня уже с новой спутницей, Галиной — стройной, улыбочливой, очень подвижной, — во всех отношениях очаровательной собеседницей.

В 1957 году посмертно реабилитировали моего отца. И мне наконец-то удалось поступить в аспирантуру Института этнографии Академии наук СССР. Избрал я предметом изучения культуру и быт не народов СССР, а скандинавов. Надеялся на поездки туда. Надежды мои сбылись, правда, только в 1988 году.

В годы моего аспиранства Луис бывал у меня всегда именно с Галиной, и на мое тридцатишестилетие в январе 1961 года они тоже пришли. Когда курящие вышли на лестничную клетку, мы с Луисом оказались вдвоем на кухне.

— Ты член КПСС? — спросил вдруг меня каталонец, будто мучаясь чем-то. Он услышал только что на кухне о моей судьбе — подвалах и камерах СМЕРШа, мокрой угольной шахте, о моем беспартийном отце, расстрелянном НКВД в 1938 году, и об отце жены — дореволюционном политикаторжанине, расстрелянном большевиками же в 1937 году, о смерти ее матери от горя и голода, о шизофрении ее брата от потрясений и голода. Я же, кроме даты приезда его вместе с матерью в СССР и того, что ее звали Каридад и она каталонская коммунистка, больше ничего о нем не знал.

— Ни в этой фашистской партии, ни в каких других никогда не состоял! — ответил я.

Лицо его сморщилось в виноватой гримасе, и он пропихнул:

— Я вот — в этой капэээсэс!.

Больше на моих днях рождения он не бывал. Говорили, что развод с Анжеликой был скандальным, Галя ушла в маникюрши, Луис переселился к ней, то ли в Фили, то ли в Химки, а домашнего телефона там не было. Лишь осенью 1966 года я встретился с ним в издательстве «Наука». Но в очереди за гонораром было не до разспросов.

— Я наконец-то защитил летом кандидатскую, — успел произнести я после рукопожатия.

— О, а я уже много лет кандидат наук, — ответил он. Это был мой последний разговор с ним. Только в прошлом году я поинтересовался в каталоге библиотеки имени В.И.Ленина, что же он опубликовал. Ни одной карточки на его фамилию не было.

В ноябре 1960 года в Институте этнографии появился новый научный сотрудник. У него не было ученой степени, хотя ему уже было сорок семь лет, но держал он себя очень независимо. Впрочем, несколько месяцев спустя он вдруг вообще перестал появляться. Пополз слух, что это был бывший советский резидент, которого после разоблачения в Мексике американцы обменяли на какого-то своего агента. Ходил слух, что его вновь послали, на этот раз в Португалию, но уже на трапе самолета в Лиссабоне ему надели наручники. Впрочем, так как он ничего не успел натворить, все завершилось депортацией в СССР, и летом 1961 года мы вновь увидели этого смуглого, черноволосого и черноглазого толстяка с жирноватыми губами, иногда удостаивавшего своим посещением институт.

А в конце 1962 года в нашем коллективе, и тоже в секторе Америки, появился еще один новичок и «переросток» — сорокашестилетний старший научный сотрудник, пришедший к нам из Института международных отношений. Они дружили, окружающие считали их обоим евреями. Но интересующиеся получили в отделе кадров опровержение. Первый — Иосиф Ромуальдович Григулевич — оказался по анкете караимом, родившимся в Литве, второй — Семен Александрович Гонионский — русским. Несколько лет спустя уже мало кто в коллективе не знал, что Григулевич — это автор популярных книг о Че Геваре, Симоне Боливаре из серии «Жизнь замечательных людей», известный читателям под псевдонимом Лаврецкий. Он в «буржуазной Литве» в 1920-х годах состоял в подпольном комсомоле, был схвачен и приговорен к смертной казни. Его родной дядя, богач из Бразилии, внес тогда выкуп, и юноша оказался в другом полушарии.

Гонионский же в годы войны был в США,

с 1946 года работал первым секретарем советского посольства в Колумбии. Оказавшись в СССР и став у нас в институте секретарем партийной организации, он оказался, подобно мне, бывшему репрессированному и сыну бывшего «врага народа», тоже невыездным.

Замечено, что некоторые тайные агенты спят и видят себя в лучах славы. К старости из них так и прет желание подчеркнуть свой героизм. Я знавал одного такого нашего бывшего военно-морского атташе, на самом деле — разведчика, работавшего в одном из советских посольств в Северной Европе. На старости из него так и валилась информация о былом.

Совершенно то же происходило с Григулевичем, который где-то на седьмом десятке, в конце 70-х потянулся ко мне с откровениями. 2 июня 1988 года он умер. А его самым сногшибательным сообщением мне было то, что он «участвовал» в убийстве Троцкого!

— Мы с матерью подготовленного нами агента ожидали его после того, как тот вошел в резиденцию Троцкого под Мехико...

— Но ведь резиденция охранялась, как крепость!

— Агент втерся в троцкистские круги, вскружил голову секретарше Троцкого — непривлекательной Сильвии Агеловой-Масловой, передавал через нее тому, якобы на отзыв, свои рукописи.

Моя память в тот момент воспроизвела две публикации из газеты «Правда» от 24 августа 1940 года. В одной из них — в заметке «Смерть Троцкого» — в семь строк сообщалось, что «в Мексике в больнице от пролома черепа, полученного во время покушения на него одним из лиц его ближайшего окружения, умер Троцкий». Вторая публикация, большая статья, явно была продиктована Сталиным: его стиль, слог, его повторы с перестановкой слов... все, к чему притерпелись те, которые выросли и получили образование в 30-х годах. Там не было никаких подробностей о покушении и смерти Троцкого, зато названо имя убийцы — очень странное: Жак Мортан Вандендрайш. По этому «ван ден» можно думать, что убийца — голландец или бельгиец, по имени Жак — француз или опять же бельгиец, по второму имени Мортан — вообще неизвестно что... В общем, что-то искусственно накрученное.

— А как же звали убийцу, кто он был по национальности? — спросил я Григулевича тогда.

— Испанец. Хайме Рамон Меркадер дель Рио, — ответил Иосиф Ромуальдович.

На некоторое время я онемел — от одного из названных имен, — но, обретая дар речи, спросил:

— А как звали мать?

— Каридад! Эустасия Мария Каридад дель Рио.

Значит, мой приятель Луис — сын этой Каридад и брат убийцы? А ведь больше пяти лет он молчал, не заикнувшись мне

об этой тайне! Для меня ведь убийца значился до тех пор все под этим же «ван ден»...

— И где же вы с Каридад его ждали? — спросил я Григулевича.

— В машине. Если бы он успел выйти из виллы, мы укатали бы сразу в Калифорнию, а дальше уже парходом из Америки...

— Какое же отношение ко всему этому имела женщина, тем более мать?

— О, это особая женщина. Ни перед чем не останавливалась. Любвеобильная и мужелюбивая! Впрочем, может быть, и лесбиянка! — У Григулевича пылали глаза. Я и прежде на каждой вечеринке в институте замечал, как он оживал, когда, наметив понравившуюся ему женщину, направлялся к ней, чтобы пригласить на танец. Даже ногу не приволакивал, как это было, увя, в последние десять лет его жизни, от шестидесяти пяти до семидесяти пяти. — Каридад была креолкой, продолжал он, — дочь помещика на Кубе, род которого был связан фамильными узами с помещичьим же родом Фиделя Кастро — нынешнего диктатора Кубы. Фанатичная сталинистка! Это она втянула сына Рамона в сети НКВД, которому сама служила.

Рамона забросили в Испанию еще до гражданской войны — там он посидел в тюрьме как коммунист. Республиканцы дали ему в начале гражданской войны чин лейтенанта, шеф матери из НКВД СССР Наум Эйтингон перевел его в Париж, дав авансом звание майора. Наум ведь был заместителем Орлова, начальника советской разведки в Испании, и они оба имели огромное влияние на республиканцев! В Париже наши профессионалы и Наум дали Рамону нужную подготовку. Наум был не просто обожателем, а самым постоянным и долгим любовником Каридад, с 30-х до 50-х годов, а может быть, еще до Испании, до Парижа, затем в Нью-Йорке и в Мехико, а потом — в Москве...

Вот тебе и мама Луиса — спутника моего по альпинистской связке, будто бы каталонца, будто бы из Барселоны! Может быть, он никогда и не был в Барселоне, да и вообще в Испании? А прямо с Кубы — в Париж и оттуда — в Москву?

— Я помню, писали, что Троцкий умер от пролома черепа. Ходили такие слухи: «Троцкого убил ударом бутылки по голове его ближайший помощник, чехословацкий троцкист! Не поделили, мол, любовницу, секретаршу Троцкого!» С Агеловой-Масловой у него ничего не было, в женихи не навязывался. А убил ледорубом. Троцкий ведь был альпинистом. Ледоруб висел на стене его кабинета. Рамон схватил и ткнул. А уйти не смог — Троцкий закричал, ворвалась охрана. Рамона тогда чуть не насмерть забили. Мы с Каридад, когда услышали крики из виллы, дали газ и укатали...

Жалею, что в беседах с Григулевичем я ни разу не догадался спросить, что значит это «мы с Каридад»: «Григулевич и Кари-

дад» или «кто-то, Григулевич и Каридад»?

Я, конечно, не имел допуска в спецхраны. Поэтому впервые смог узнать давно известные всему миру факты только за границей в 1988 году, когда меня наконец «выпустили». Но опровергать или подтверждать слова Григулевича было поздно — он умер за полтора месяца до моего первого выезда за границу.

Напомню известные факты. Убийца значился под многими именами: Жак Мортан, Фрэнк Джексон и другими. А настоящим был Хайме Рамон Меркадер дель Рио. Я увидел в книгах, что на первом же допросе в Мехико он действительно назвал имя, похожее на то, известное мне, — Жак Морнар Вандендрайш, представляя себя бельгийцем.

В 1979 году я попытался найти Луиса, чтобы получить его разъяснения о его брате, убийце Троцкого. Позвонил единственному из нашего отделения альпинистов, с которым у меня сохранилась связь, Евгению Чемоданову. Тот навел сведения через коллег и ошарашил сообщением, что Луис уехал то ли в Испанию, то ли на Кубу, так как нашелся... его брат, который умирает.

В Москве на Кунцевском кладбище стоит обелиск в форме флага, высеченный из красного гранита. На нем выгравирована звезда, которую вручали Героям Советского Союза. А в Мексике есть кладбище, где на белом камне, лежащем на одной из могил, высечены серп и молот...

Вторая могила — могила Троцкого. Первая — его убийцы.

Могила убийцы Л.Д.Троцкого на Кунцевском кладбище в Москве.

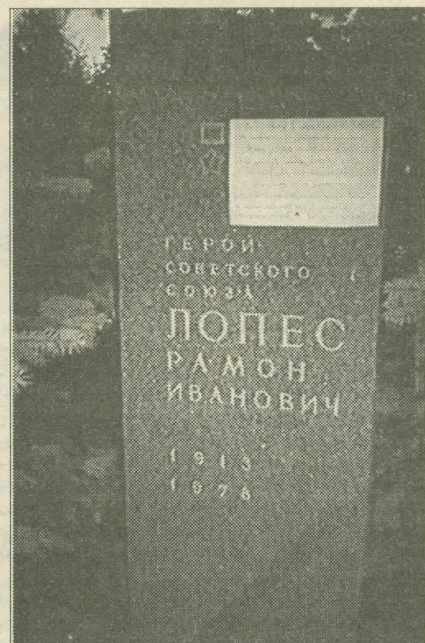

Фото В.Андианова

НАМ ЗДЕСЬ СПАГЕТТИ НЕ ВАРИТЬ

Итальянская фирма «Медилтаффи» совместно с российской фирмой «Бета-фри» открыли в Москве мебельный магазин. Он называется «Итальянский стиль», что и понятно: мебель там итальянская. А цены — в американских долларах. А тот факт, что магазин был открыт в Москве, показывает, что рассчитан он на москвичей (то есть на многих людей, а не на десяток богатейших семей). Но с этим я бы не согласилась.

Вообще, молодым неуравновешенным женщинам вход в подобные места надо запретить. Просто поставить швейцара в дверях, чтобы смотрел: молодая? неуравновешенная? Прощайте. А пропускать внутрь — только при наличии на теле норковой шубы.

Там есть мебель для офисов и кабинетов — со смешными креслицами и встроенными чуть ли не во все выдвижные шкафы барамы. Ну, это не так интересно.

Там есть еще мебель для детских комнат, прихожие, умопомрачительное оборудование для ванн с новомодными кривыми краями (мрамор, дерево. Цена — две-три тысячи «баксов»), спальне гарнитуры с шаловливыми названиями и гарнитуры с шелковой обивкой для гостиных, кресло, которое «легким движением руки» превращается в кровать, светильники и ночники необычайной формы. Все это поражает воображение и будоражит хрупкую психику. Но не так, как кухни!

Из всей мебели женщины обычно более всего неравнодушны к кухонным гарниту-

рам. Что понятно: эта мебель окружает и служит им чаще, чем какая-либо другая в доме.

Кухни в «Итальянском стиле», конечно, роскошные. В шкафах — грили, плита — с программным управлением. Вы спросите: «А зачем гриль, если есть плита и, соответственно, духовка?» Затем, чтобы хозяйка по пустякам не наклонялась к духовке: шкаф с грилем расположен на уровне ее лица. Тут же — холодильник «Филипс», вытяжка и т.д. Мебель сделана из настоящего дерева, кое-где украшена мрамором.

К каждому из этих гарнитуров проникаешься горячей любовью с первого взгляда. Но прекрасно понимаешь, что гарнитуром тебе никогда в жизни не завладеть. По двум основным причинам. Первая: такая мебель не то что в наших кухнях — она в иных странах не разместится. То есть как минимум квадратных метров десять—пятнадцать, пожалуй, хватит, чтобы всю эту красоту расставить. А ведь надо бы еще с дизайном, с дизайном...

Вторая причина, как вы, наверное, догадываетесь, —

цены. Цены не просто большие. Они очень большие. Они, как выяснилось, такие же, как в Италии, только «с маленькой надбавкой за транспортировку». Надо заметить, что в самой Италии мебель покупать весьма невыгодно, поскольку она там безумно дорогая — чуть ли не самая дорогая в Европе. А теперь, по-видимому, самую дорогую в Европе мебель можно обнаружить у нас, в Москве. Зачем, спрашивается, тогда было открывать целый магазин? Для того чтобы эту мебель купили те, кто в состоянии за нее расплатиться, достаточно было устроить выставку-продажу.

Впрочем, как сказали представители «Медилтаффи», мебель рассчитана на покупателя «среднего класса, среднего уровня жизни и чуть выше». Странно: я искренне полагала, что «вписываюсь» именно в этот уровень. Но после посещения магазина обнаружила, что, оказывается, влчу нищенское существование. Потому что самый дорогой гарнитур из выставленных в магазине накануне его открытия — «Фиандра» — стоит 14 693 доллара (что в пересчете на наши деньги в то время соответствовало 7 346 500 рублям), а самый дешевый — «Денди» — стоит 5 172 доллара (соответственно 2 586 000 рублей).

Так как все предлагаемые гарнитуры в магазине не поместились, их можно было выбрать по каталогу. Я долго прикидывала, какой гарнитур роскошнее — «Донна Роза» или «Анжелика», и вспоминала свою соседку. Она, когда смотрит красивые каталоги, всегда приговаривает: «Хочу все — по одной штуке». А я представляю ее, заваленную лифчиками, электродрелями, мужскими ботинками и биде...

Кстати, для справки: в московских мебельных магазинах, торгующих за валюту, цена на приличные кухонные гарнитуры колеблется от полутора до трех с половиной—четыре тысяч долларов.

Ну ничего, скоро «Медилтаффи» откроет парфюмерный магазин, где цены, наверное, тоже будут, как в Италии. Плюс «чуть-чуть» за транспортировку.

Елена АБЕРИНА

ХРОНИКА

Лесорубы встретятся в Ганновере

Крупнейшая в мире ярмарка лесной и деревообрабатывающей промышленности откроется в мае в знаменитом выставочном центре немецкого города Ганновера. И хотя туда съедутся примерно 1300 фирм из разных стран, девиз для ярмарки «ЛИГНА ГАННОВЕР» избран такой: «Россия — страна-партнер». То есть мы как бы станем именинниками. Об этом заявили на пресс-конференции в Москве представители фирмы-организатора «Дойче Messe АГ».

Правда, дела в российской лесной отрасли идут сегодня как никогда трудно. Спад производства за два последних года достиг 27 процентов, экспорт снизился почти наполовину, а износ оборудования уже на критической отметке в 50 процентов. Плюс к тому — полная неразбериха с приватизацией и с управленческими структурами. Но при этом остается главное, что, собственно, нужно для поправки дел, — огромные лесные запасы (почти четверть всех лесов планеты) и квалифицированная рабочая сила. Поэтому западные партнеры готовы вложить средства в российское дерево, не без выгоды для себя, естественно. Речь идет не столько даже о заготовке леса, сколько о производстве готовой продукции из него. Тем более, что в строительстве и дизайне дерево за последнее время сильно потеснило всякие полимерные заменители.

Ярмарка в Ганновере — дорогое удовольствие для ее участников. Для всех, кроме наших: хозяева практически бесплатно предоставляют российским лесовикам, например, выставочные площади. Все это весьма заманчиво. И к началу февраля уже более 150 российских фирм и организаций заявили о своем желании попытать удачи на «ЛИГНЕ» — от крупнейших лесопромхозов и мебельных комбинатов до банков и небольших частных предприятий. Кстати, к последним ожидается особое внимание.

КУДА МЫ ЕДЕМ В КАРЕТЕ ПРОШЛОГО

Рекомендуя перед обедом рюмку-другую «Столового вина № 21». Поступил-таки в Столешников знаменитый напиток, созданный Петром Смирновым во время оно и разгонявший кровь не одному поколению россиян. Водка, произведенная наследником алкогольного короля из отечественного сырья и названная по традиции вином, должна, по его замыслу, наверное, пробудить в покупателях ностальгию по «Яру», тройкам, поросенку с гречневой кашей и твердому рублю. Но забота о собственном кармане довлеет пока над приятными воспоминаниями, а математические навыки в объеме неполной средней школы помогают прикинуть, что на 1600 рублей можно приобрести три бутылки «Русской» и немного пивка.

Да, реалии давно минувших лет трудно приживаются на перестроенной сулеси. Борису Смирнову противостоит фирма «Хьюблайн», залившая мир водкой «Smirnoff». Сергею Ткачеву, похоже, — Минтимер Шаймиев. Потому купцов Стахеевых очень хочется реституции. По этому закону, уверяет он в письме президенту Татарстана, новосибирским родственникам Ткачева вернули имение Стахеевых под Вильнюсом. Правнук главы купеческой династии заявляет права на 71 здание, среди которых торговый дом Стахеевых, конторы, дома, занятые сейчас картинными галереями, музеями, типографиями, горисполкомами. Агентство «Постфактум», сообщив об этих имущественных мечтаниях, не дает прогноза. Но, боюсь, он будет неутешительным.

С ностальгией по прошлому надо быть поскромнее. К примеру, в киргизском городе Нарыне маршрутные такси заменили пролетками, тарантасами, кибитками. С бензином ныне напряженка, и жители южной республики вынуждены передвигаться на конной тяге. А на крупных предприятиях здесь всюю изготавливают телеги, плуги, косилки, полагая, что крестьяне пересядут с трактора на испытанную лошадуку.

Тепло подумали о прошлом в Старом Осколе. Бывший завод автотракторного оборудования, став, по-современному, Староскольским акционерным обществом, не начал гнаться за новейшими достижениями инженерной мысли. Со здешнего конвейера пошли домашние электромаслобойки. Купил агрегат — и сбивай на кухне крестьянское или любительское. А в Рыбинске решили ударить в колокола. Но перед этим отлить их. Взяться за возрождение древней традиции специалисты местного авиационно-технологического института. И так трянули стариной, что, по отзывам специалистов, три колокола, отлитые ими для Спасо-Преображенского собора, качеством не уступают продукции известной когда-то фирмы купцов Оловянишниковых.

Ностальгия по прошлому стучит в сердце, как пепел Клааса. Нынешние деловые люди заботятся, как и предки, о моще. Но плоды с коммерческого древа норовят срывать запретные. Газета «Уральский рабочий» поведала читателям об оригинальном бизнесе. За 10 тысяч деревянных охрана одной

из колоний в Нижнем Тагиле выпустила погулять заключенного с 10-летним сроком. Тот, увы, за колючую поволоку не вернулся, подпортив общие показатели. Оказалось, что прогулка, купленная за деньги, в здешних, не столь отдаленных местах — не редкость. Правда, более сознательные правонарушители, отпущенные на выходные, возвращаются — и сами довольны, и охране — профит.

Чтобы у читателей не сложилось впечатление о попятном движении экономики, приведу успокоительные примеры. В Ташкенте при содействии чешской фирмы «Авиа» пущен конвейер, с которого пошла грузовики, нареченные «Авташ». На Алтае подготовили к испытаниям радиоуправляемый тягелогусеничный трактор — для ликвидации последствий катастроф и тушения нефтяных и газовых скважин. Новгород одним из первых в стране внедрил интегрированную трансконтинентальную систему связи «Спринт» (не путать с популярной игрой). Система разработана Пентагоном и позволяет дозвониться до Нью-Йорка за три-четыре минуты. Система — образец конверсии по-американски — дает возможность заключить деловые соглашения, не выезжая за рубеж, что экономит коммерсантам валюту, но лишит приятных воспоминаний о столь любимых на Руси заграничных вояжах.

И все же веет прошлым. Читаю объявление, подобных которому еще не встречал: «Воспитанный, аккуратный молодой человек готов быть слугою состоятельному человеку на любой срок. Тула. Главпочтамт. Номер паспорта». Фирс да и только...

Александр АГОПОВ

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

ПОИГРАЛ — ПРОДАЙ ДРУГОМУ

Если вы живете в Пскове и ваши дети уронили мишку на пол, при этом оторвав ему лапу, идите прямо в частный магазин «Вилена». Бывшую в употреблении игрушку починят и за символическую цену продадут семье, в которой дети еще не наигрались. Коммерческие структуры становятся все более цивилизованными и отзывчивыми. В «Вилене», к примеру, принимают ношеную детскую одежду, обувь, игрушки, с клиентов не берут комиссионных и рассчитываются сразу. В соседнем государственном магазине «Мальш» подобные товары стоят намного дороже, поэтому покупатель и предпочитает предпринимчивого частника. Но торговля детскими поношенными вещами облагается такими же налогами, как модная одежда в «комках».

КАРАТЕ ПЛЮС ПРАВО

В столице Бурятии Улан-Удэ открылся «Колледж выживания». Ничего, казалось бы, удивительного в этом нет, если бы не одно обстоятельство. Учебное заведение, предназначенное для будущих деловых людей, прививает им навыки не только приемов рукопашного боя, но и учит основам юриспруденции. Юноши и девушки, считают здесь, должны уметь защищать себя не только от преступных посягательств, но быть готовыми дать отпор чиновникам. А в этой жизни не знаешь, что страшнее — ракетир или человек, от которого зависит — дать или нет разрешение на занятие бизнесом. Так что в дальновидности основателям «Колледжа выживания» не откажешь.

ДОНОРЫ — ЭТО ВАМ НЕ ВАМПИРЫ

Действительность отвергла предположение, что самый вид кровопускания способствует увеличению количества доноров. Недавно на французские экраны вышел новый фильм Франсиса Форда Coppola «Дракула». Два кинотеатра в городе Аньен решили, с одной стороны, проявить альтруизм, с другой — помочь сделать бизнес «на крови».

Тем, у кого есть карточка донора, предложили посмотреть на вампиров бесплатно. А местному центру переливания крови подали идею установить у входа в кинотеатры фургоны, оборудованные под донорские лаборатории. Но центр от выгодной коммерческой сделки отказался, опасаясь, наверное, возникновения рискованных аналогий.

БЕЗОРУЖЕН, НО ОЧЕНЬ НАХАЛЕН

Без наглости и умения давать взятки нечего и мечтать об удаче в бизнесе, зато без компетентности и профессионализма вполне можно обойтись. Именно таким оказался собирательный портрет вологодского бизнесмена, составленный региональным центром социально-экономических исследований на основе опросов предпринимателей области. Справедливо ради надо сказать, что участники анкетирования отметили необходимость и таких качеств, как энергичность, стремление к созданию собственного дела, инициативность, умение располагать к себе. В шкале ценностей на первом месте оказалась энергичность, на четвертом — ум, на девятом — честность. Трудолюбие, как это ни странно, расположилось на последнем, пятнадцатом, месте.

Елена ЭРИКССЕН

Когда мы летели в Варшаву, то шутили в самолете — спустя час с небольшим окажемся в «экономическом завтра» России и наконец-то увидим, какой станет наша жизнь через два-три года.

В ПОЛЬШЕ ЕСТЬ ВСЕ, КРОМЕ СНЕГА

Стереотип, будто наша страна повторяет «польский вариант», лично у меня рассеялся сразу же, в аэропорту. Такая чистота и порядок в общественных местах бывают не просто в государствах со здоровой (или выздоравливающей) экономикой, но и при культурных гражданах. Никто не толкался, не орал, не плевал на пол, не ел с газеты, не хватал за рукав, предлагая такси за сумасшедшие деньги... Свободные машины стояли в ряд у кромки тротуара — подходи и садись, оплата по электронному счетчику. Встречающие и отъезжающие проводили время в уютных кафе или бродили по магазинам. В бесплатных туалетах висела розовая туалетная бумага — под цвет кафеля. Словом, ничто не напоминало родину, разве что навьюченная группа «туристов» из СНГ, ожидающая регистрации рейса.

За день до приезда было плюс семнадцать. Потом «похолодало» на десять градусов. Середина января, а снега совсем нет. Поляки смеялись: «Теперь у нас есть все, кроме снега».

Вероятно, преимущество нашей журналистской группы, приглашенной ознакомиться с последствиями «шоковой терапии», состояло в том, что почти все коллеги до этой поездки побывали в странах, где с экономикой уже давно все в порядке. И мы постоянно сравнивали Польшу то с Францией, то с Норвегией, то с Англией. (Господи, кому придет в голову сравнивать Россию, например, с Англией?)

Варшава сегодня — город супермаркетов. Некоторые работают круглосуточно, и можно глубокой ночью приобрести без проблем клубнику, манго, практически любой сорт европейского пива, колготки, сыр, мороженое «Сникерс»... Все — за злотые. Ни долларами, ни марками, ни какой-либо другой валютой расплатиться нельзя. Ее не принимает никто — даже уличные торговцы. Зато повсюду

Международный аэропорт в Варшаве

открыты меняльные конторы. Обменял, скажем, сто долларов, вышел из конторы миллионером. (Средний курс обмена: один доллар — 15700 злотых.) Захотел прикупить долларов — опять без проблем. Хотя курс покупки чуть выше — 15820 злотых за доллар. Заметьте — никаких процентов за обмен не берут.

Мы недоумевали — конторы частные, открыты на каждом шагу, в каждом крупном магазине, гостинице, ресторане, процентов с клиентов не берут, курс практически везде одинаков — и не прогорают!

— Ты еще спроси, куда они девают двадцать нераспроданных сортов сыра и тридцать колбасы, — иронизировала подруга из «Известий».

Потом нам объяснили — конторы процветают благодаря иностранным туристам. Многие отечественные товары в Польше стоят гораздо дешевле, чем в Европе, а по качеству не

уступают западным. К тому же если открывается новый супермаркет, то какое-то время в нем занижают цены, привлекая постоянных покупателей.

Нигде — ни в Америке, ни в Европе — я не видела такого изобилия красивых вещей. И такого «подобострастного» сервиса. На юбке, за которую уже расплатилась, вдруг обнаружилось крохотное пятнышко.

— Момент! — продавщица улыбнулась и исчезла в недрах магазина. Когда момент растянулся на пятнадцать минут, меня успокоили — если пятно не исчезнет, к утру сошьют новую юбку.

— Чему вы удивляетесь? — недоумевали поляки. Продать трудно, а шить легко. У нас в Польше полно частных фабрик, одежду делают изумительную, но некоторых покупателей смущает ярлык «Сделано в Польше».

Тогда поступают так — приобретают у какой-либо французской, немец-

кой или итальянской фирмы «право на ярлык». И раскупают на Западе польские шубы, пальто, костюмы, не ведая, что сделано все это в стране, четыре десятилетия строившей социализм.

Мы измучили поляков однотипными вопросами: «Скажите, а у вас так всегда было?» — и указывали на блестящие витрины, в которых было выставлено все — от японских автомобилей до экзотических фруктов. В ресторанах, кафе мы опять спрашивали — а всегда официанты были такими вежливыми? На городской толкучке, которая в программе была обозначена как посещение «самого большого магазина на свежем воздухе», опять возникал вопрос: «А всегда так хорошо была организована торговля?» Между рядами развезжали тележки с горячим кофе, сосисками, булочками... Вокруг не стреляли, не вырезали кошельков и каждую вещь упаковывали в полиэтиленовый пакет.

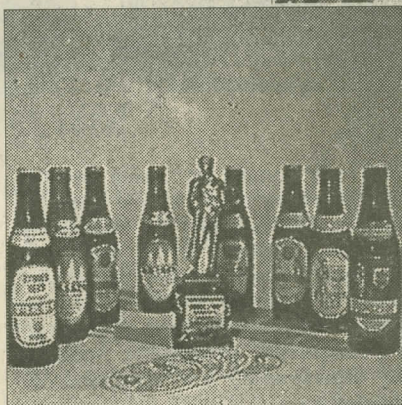
Мне, например, хотелось понять — а насколько их жизнь до реформ напоминала российскую действительность? Не в экономических показателях — по уровню инфляции или темпам приватизации, — а на уровне самосознания общества. Скажем, как поляки отнеслись к социальному расслоению общества? Какие у них богатые — сплошь мафиозные нувориши, как у нас, или же «высший и средний класс»? Есть ли в Польше издание (типа «Дня»), «поливающее» из номера в номер польские реформы? Кто заставляет мыть витрины, чистить улицы, содержать в поразительной чистоте даже самые дешевые уличные кафе? Наконец, куда поляки ходят во фраках и смокингах, которые примеряют так буднично, будто выбирают рубашку?

Ответ банален — поляки не россияне, и никакие похожие друг на друга экономические программы не приведут за одно и то же время к одинаковым результатам. Всегда будет большая разница «в деталях», из которых и состоит повседневная жизнь. Остается лишь вспомнить М.Булгакова — если разруха в голове...

Разумеется, у российских реформ тоже есть определенные достижения — банки, биржи, целый класс предпринимателей... Но дивиденды от этих достижений предназначены тоже для определенной группы людей: банкиров, биржевиков, предпринимателей...

В Польше иначе — прелести и недостатки реформ ощутили практически все. Прежде всего — не хватает денег на жизнь, а товаров слишком много — это раздражает. При сред-

На Варшавской бирже акции пивоваренной фабрики «Zywiec» пользуются большим спросом

ней зарплате в три с лишним миллиона злотых (200—220 долларов) приходится экономить на всем. Во многих семьях отключены холодильники, запасов никто не делает — покупают к ужину три котлетки, несколько кусочков колбаски, пару яиц... Выбор, повторю, большой, но и так же велика разница в ценах. Польские продукты (а их действительно трудно отличить от западных — красиво упакованы, выглядят аппетитно) стоят гораздо дешевле — цена в три и десять раз меньше. Но даже если питаться только польским и носить только польское, то все равно до зарплаты может не хватить денег. Бутылка отечественного пива — 11 тысяч злотых, банка кофе — 35—40 тысяч, пара колготок — 15—40 тысяч, простенькая блузка — 150—200 тысяч, свадебное платье — от трех до пяти миллионов, модная норковая шуба — 10 миллионов. Цены же на импортные товары гораздо выше, чем на Западе. Скажем, немецкую кастрюльку выгоднее покупать в Германии, а не в польском супермаркете.

Другой недостаток, если так уместно выразиться, — это состав парламента и правительства. Резкого противостояния между исполнительной и законодательной властью нет, но постоянно граждан что-то не устраи-

вает: либо принимаемые законопроекты, либо люди, которые их принимают.

Любопытная деталь — более половины поляков скептически воспринимают телевизионные сообщения и не верят тому, что говорят с экрана о положении в стране (это данные польского ЦИОМ). Ряды неверящих медленно, но верно растут — с декабря прошлого года эта группа увеличилась с 49 процентов до 56. Две трети опрошенных считают: телевидение мало информирует об общественных настроениях, о том, что думают люди на самом деле, к чему стремятся, что хотели бы изменить вокруг. На вопрос: правдиво ли телевидение освещает деятельность высших органов власти? — половина респондентов ответили положительно. Зато отметили — телеимидж президента грешит идеализацией. Вот в этом-то, пожалуй, мы похожи! Правда, президенты у нас очень разные.

На встречу с Лехом Валенсой было отведено сорок минут. Он появился с точностью до секунды, начал разговор с шуток, а потом предупредил — все вопросы могут быть заданы, но не все ответы получены. Я решила не воспроизводить текст интервью полностью — оно длилось вопреки протоколу полтора часа. Речь в основном шла о политических и экономических параллелях между Польшей и Россией. Но касету с записью давала слушать коллегам и друзьям. Все в голос недоумевали — неужели он всегда так конкретен и прямо высказывается?!

Не знаю «про всегда», но при этой встрече польский президент нас при-

ятно удивил. И даже в его популизме, присущем любому политику, была последовательность.

Был ли у г-на Валенсы момент, когда казалось, что реформы не получаются? Никогда. У него рабочая закалка, к тому же он не рассчитывает на благодарность. Никто, как правило, не обращает внимания на сделанное, все замечают только просчеты:

А просчеты были? Разумеется. Г-н президент хотел предложить каждому поляку равные шансы при переходе из одной экономической системы в другую. Например, дать каждому желающему в долг для открытия собственного дела 10 тысяч долларов (в стране проживает 38 миллионов граждан). Заработают — вернут. Но никто не предоставил Польше кредитов хотя бы на треть необходимой суммы — не получилось. Значит, Польша стоит столько, за сколько будет продана, заключил президент.

Об отношениях с правительством и о своей собственной роли в польской истории Лех Валенса отзывается иронично. Люди думают — раз они сами избрали президента, уже будет лучше. Президент рассуждает иначе — недостаточно было сформировать непартийное правительство, нужно было получить законное право оперативно влиять на экономику, например, декретами. Когда появилось все — и коалиционный кабинет, и декреты, — возникла другая проблема: как согласовывать документы между партиями. К настоящему моменту, как выразился президент, в Польше уже четыре комплекта бывших министров, с некоторыми Лех Валенса продолжает общение и частенько слышит: «О, если бы я теперь был министром, многое делал иначе!»

Понимаю — ни раскованное интервью, ни афористичные фразы не создают полного представления о первом человеке страны. Судят по результатам. В Польше уже не гадают — выберется страна из кризиса или нет? Спорят только о сроках. И в этом заслуга президента.

Реформы в Польше начались чуть раньше наших — в январе 1990 года. Основные задачи тоже до боли знакомы — стабилизация экономики и переход к рынку. Правда, при формулировке целей была сделана существенная оговорка — переход должен происходить «с применением инструментов хозяйственной политики, аналогичных тем, которые используют в высокоразвитых странах». И никакой идеологии. Никаких рассуждений на тему — стыдно быть богатым или нет, нужна частная собственность или без нее можно обойтись?

Начинали почти как мы (или мы как «они»?) — с либерализации цен. Если

Фото Х.Эрикссена

Пресс-конференция Леха Валенсы

в 1989 году только половина цен были свободными, то в начале 1990 года освободились почти 90 процентов. Во второй половине 91-го либерализация была практически закончена. Чувствуете темпы?! Чтобы либерализация не превратилась в элементарное повышение стоимости товаров, ввели ограничение для предприятий-монополистов.

Следующий шаг — либерализация внешней торговли. Польша отменила практически все ограничения на импорт. Более того — производители имеют полную свободу и в экспорте. Проще говоря, государство не указывает, кому и что продавать, для этого существует рынок. Третью оборота товаров проходит через частные фирмы.

Приватизация на сегодняшний момент затронула полторы тысячи государственных предприятий, из них 400 было отдано на откуп массам. К быстрой продаже было заявлено 165 малых и средних государственных предприятий, а 560 промышленных предприятий согласились приватизироваться путем ликвидации. Много это или мало для Польши? Согласно программе, в 1993 году половина всего государственного имущества перейдет в частные руки.

Когда я читала польскую экономическую программу, у меня возникло твердое убеждение — наши реформаторы «списывали» рецепты оздоровления у польских коллег. А потом вносили поправки, ограничения, делали скидку на специфику промышленности, неподготовленность граждан, популизм парламента, и получилось, увы, то, что имеем сегодня. Коррупция, гиперинфляция, рост преступности и почти полная утрата государством своей основной функции — поддержание безопасности граждан.

Член парламента Марек Домбровский, который был экономическим советником Е.Гайдара, объяснил наши неудачи тремя причинами: не такой парламент, не такое правительство и не такая политика Госбанка России. Но он не знает, где взять грамотных народных избранников и министров, получивших хорошее экономическое образование. Наконец, как изменить психологию людей, никогда, в сущности, не владевших настоящей собственностью.

Мне кажется, у нас тоже будет, как в Польше. Лет через пятьдесят. Как в Америке — лет через сто. А как в Швейцарии — через два-три столетия. Не раньше.

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

МЕНЯЮ ОДЕССУ НА МОСКВУ

Двухкомнатную квартиру 34 кв. м (19 + 15), кухня 7 кв. м, на 1-м этаже каменного 2-этажного дома в районе Молдаванки.

Имеются палисадник и сарай. Нужна жилплощадь в Москве или ближнем Подмоскowie.

Одесса, ул. Индустриальная, 21, кв.4, Куликова М.В.
Москва, тел. 470-56-86.

Редакции требуется квалифицированная машинистка (работа на компьютере). Тел. 921-89-65

Николай ПОПОВ

ШАЛЬНЫЕ ДЕНЬГИ НОМО SOVETICUS

*Нечто вроде продолжения
затронутой темы**

*Нелепо искать глаза
Сквозь стекла солнцезащитных
очков.
Но ночь обостряет зрение
Хищников и кротов...*

К.Кинчев

...И тогда ты согласился. На следующую ночь к твоему вагончику мягко подкатила «девятка», из нее высыпало шестеро парней в кожанках. То и дело воровато оглядываясь, Стас стал на стремя, Мишка, Илюха и Вадик скоренно начали перегружать содержимое ларька в машину. А Борян и Славик занялись тобой: заломали руки, грохнули об твой котелок литруху шведской водки «Абсолют», розочкой процарапали тебе щеку и шею, нунчаками пересчитали твои ребра, связали и уронили тебя на металлический пол лицом в лужицу крови. Ларек поджигать на этот раз не стали. Конечно, ты повалился дома недели три, зализывая раны. Твои кореша за это время быстренько спустили весь награбленный товар, обратили рубли в баксы и, по выздоровлении, вручили тебе твою долю — тысячу долларов сотенными бумажками. Чистая работа!

Так бесславно закончилась служебная карьера моего сменщика в киоске ночной торговли. Наш хозяин — некий Игорь, 28 лет, фамилии которого не знает никто, даже он сам, наверное, вспоминает ее только в ментуре. Игорь, конечно, подозревал, что что-то тут не чисто, но... уж очень сильно налетчики отделали мальчика-продавца. К тому же потеря каких-то трех миллионов рублей для его фирмы, владеющей семнадцатью коммерческими ларьками, не оказалась столь ощутимой, чтобы он начал пристально дознаваться истины. Ведь качки-«дознаватели» тоже дорого берут.

А может, и не так все было. Может, и вру я все. Действительно, наш киоск обворовали, действительно, избил продавец. Конечно, пацана тут же перпли с торговли — да так, что на его репутации стоит теперь жирный крест, и ни одна фирма города больше никогда не возьмет парня на работу. Не повезло ему, но ведь сама жизнь толкает на скользкую дорожку. Не имея теперь возможности зарабатывать легально, мальчик скорее всего переквалифицируется в «штурмовика». Больше ведь он ничего не умеет! Ой, не смешите меня — не токарем же идти батрачить с пэтэушным дипломом в кармане!

Если повезет, продержится он так годик-другой, работая по заказам конкурирующих микроимперий и грабя то, что с трудом было провезено из-за кордона через таможенные перегородки. А дальше — больше. Парень неминуемо залезет в «крим» по уши, уйдет под воду, и даже «перископ» высовывать на поверхность ему будет опасно (поняли, о чем я?).

Если ему, опять же, повезет, мальчик организует бунт в одной из невидимых группировок и возглавит ее, чтобы через полгода быть самому свергнутым. И труп его еще через месяц обнаружат в канализации с обезображенным лицом, а уголовное дело прекратят «за недостаточностью улик».

Перед смертью такой парень, быть может, пожалеет, что ступил на эту сомнительную стежку-дорожку. Да что толку? На каждой ее развилке ведь лежал камень: «Налево пойдешь — красивая жизнь и опасность ожидают тебя, направо пойдешь — бедность и скука ожидают тебя, как и миллионы горбатящихся за кусок хлеба законопослушных россиян». А мальчик ведь молод, силен, смел. Как это романтично — бросить вызов, стать непохожим на быдло... И он выберет «Пепси», а не «Буратино». «Абсолют», а не «Пшеничную». Кокаин, а не «Дымок». Секс, а не любовь. Пистолет, а не дряхлую старость.

Мальчик с легкостью продаст ваучер с надписью «сто лет твоей жизни» за вполне ощутимые материальные блага. Ведь этим он докажет себе и своей подруге собственную, в сущности, мужскую потенцию. Ох, эти бабы, бабы! Не будь их, насколько бы меньше разросся «крим», правда? Но и мужики тогда были бы не мужики, без баб-то... Общество законопослушных гермафродитов — звучит, а?!

Вот о чем неспешно беседовали мы с Игорьком, сидя на продавленном топчане среди сотен разномастных бутылок, блоков сигарет, жвачек и прочей второсортной заморской шелухи внутри коммерческого киоска на одной из оживленных магистралей столицы.

Два часа ночи. Хлипкий калорифер не справляется с потоками немилосердного холода изо всех щелей «кибитки удалой». Ага! Это вам всем со стороны кажется, что торговцы в «комках», как бары расселись. На самом деле наиболее распространенные болезни среди них — элементарное ОРЗ, ишиас, радикулит. А у девочек — и воспаления, извините, придатков.

Не подумайте чего! Их сколько ни кутай — сквозняк найдет. Хотя любовью заниматься под утро девочкам тоже никто особо не запрещает, просто неудобно, в такой-то тесноте, где все полезное пространство по возможности заставлено товаром. А за порченные в порыве нечаянной страсти шмотки надо будет выкладывать сумму из собственного кармана, что неохота. Вот и приходится по привычке садиться на горло собственной девичьей песне.

Вообще же я был несказанно удив-

*См. «Столица» № 2 за этот год. «Шальные деньги young russians».

лен, обнаружив по ту сторону прилавка не столько крутых мальчиков и девочек, сколько совсем не «коммерческие» личности.

— Каждому на плечи с рождения уселась птица счастья, люди через страдания обретают любовь друг к другу. Да хранит тебя Аллах в своих десницах... — не удивляйтесь, это я подсел поболтать к одному из продавцов, худощавому бледному азиатцу. Креза у него поехала, это ясно.

— Допустим, вселенная бесконечна. Допустим, она расширяется. Но в чем «плавают» все эти мириады звезд? Что означают понятия «существует» и «не существует»? Граница между ними стирается, если задуматься в глобальном масштабе. С точки зрения некоего стороннего наблюдателя, наша вселенная и сейчас все та же точка. Но в чем «плавает» он сам?! — бр-р, общаться с очкариком, еще одним продавцом Игоревой фирмы, больше пяти минут вредно для здоровья: сам крезанешься. «Ботаник» с умной книжкой может ночь напролет заниматься мозговым онанизмом.

Ладно, иду дальше.

— Поначалу-то мне боязно было, да и непривычно как-то. Всю жизнь презирала «спекулянтов», а на старости лет и самой пришлось этим заниматься. Мама-покойница, пока жива была, все показывала мне нэповскую сигаретную пачку «Коминтерн» с портретом Зиновьева — она ими тогда торговала.

Вот и запало в память, возникла идея попробовать. Нашла хороших мальчиков — и работаю, как видишь! — старушка, божий одуванчик, победно поблескивает оправой очков.

Правду сказать, я увязался следом за Игорем сам. Его функция — ночью обходить дозором всех своих продавцов. Мне это напомнило армию. Когда усатый командир роты объезжает дальние караулы, наполовину контролируя их, наполовину просто ища собеседников и коротая время до утра. Ночью уставы делятся властью с элементарным, человеческим началом. Ночью любая душа станет откровеннее.

Как приятно, черт возьми, когда можно «внедриться» в зону за семью печатями с открытым забралом, почестному. Да, я репортер «Столицы», да, хочу написать о вашей работе в «комках». А-а, знаем, ты тот самый, который... Ладно, бери себе «точку» на ...проспекте. Только рукопись покажешь. Идет?

— Идет! А сколько, ну, это, э-э-э?

— Для начала, положим, я дам тебе три процента от выручки за ночь. По рукам?

Ясен черт!

И вот я здесь, жмусь от шальных сквозняков и пристраиваю калорифер чуть ли не под задницу. Взял, чтоб не скучно было, магнитофончик с УКВ, но ни скороговорка «М-радио» «мне-хорошо-с-тобой», ни разные там Феде-космонавты с «Радио-максимум», ни даже альбом норвежской «А-хи» меня не развеселили. Слушать Ночь было гораздо интересней. Хорошо бы еще свет потушить, да нельзя: служба.

А народ у нас, оказывается, весьма и весьма денежный. Хорошо берет спиртное, переплачивая по две-три сотни за покупку во «внеурочное» время. Удивительно, но кому-то бывает нужна не только тривиальная «Русская» в пивных бутылках, но и водочка подороже: «Распутин», «Смирнофф» и даже «Борис Ельцин». Хотя, если честно, «Горбачевф» и «Ельцин» по вкусу мало отличаются — лажа и то, и другое. Уважаемых президентов с претензиями прошу обращаться непосредственно в Финляндию, а не ко мне.

За одну только ночь у меня ушло аж сорок две бутылки алкоголя. Ну, это понять можно. За ту же ночь я распродал несколько блоков дорогих сигарет (дешевые не считал). И это понятно: когда едешь на рагу, помимо бухла надо что-то курить.

Но вы можете себе представить человека, которому в полтретьего ночи вдруг до зарезу понадобились женские тампоны «Тампакс»? Я не мог. До тех пор, покуда сам не узрел этого задрипанного дядечку. Не повезло ему с супругой, сказать нечего. Некой девушке-толстушке в четыре утра зачем-то стала нужна компакт-кассета, причем только «Sony». Ей-богу, если б не работа, я бы припустил за ней сломя голову, порасспросил бы... Но положение обязывало сидеть сиднем на рабочем месте в берлоге.

Представляете, сколько захватывающих историй я пропустил? Вот еще одна девушка, стройная и миловидная, подходит через десять минут после той и спрашивает, нет ли у меня презервативов. Есть, голубушка. Есть, елы-палы!

— Спасибо... — краснеет она, отчитывая червонцы.

— Это вам спасибо, сударыня! Заходите еще...

Что вы улыбаетесь? Действительно, вежливость — пожалуй, единственное, что требуется от продавца. Коммерческая фирма стремится отличаться от экс-государственных магазинов-гигантов. Ценами мы уже сравнялись, остается она, вежливость. Я, продавец ларька, никогда не потребую три рубля за обертку бутылки, никогда не сорву на покупате-

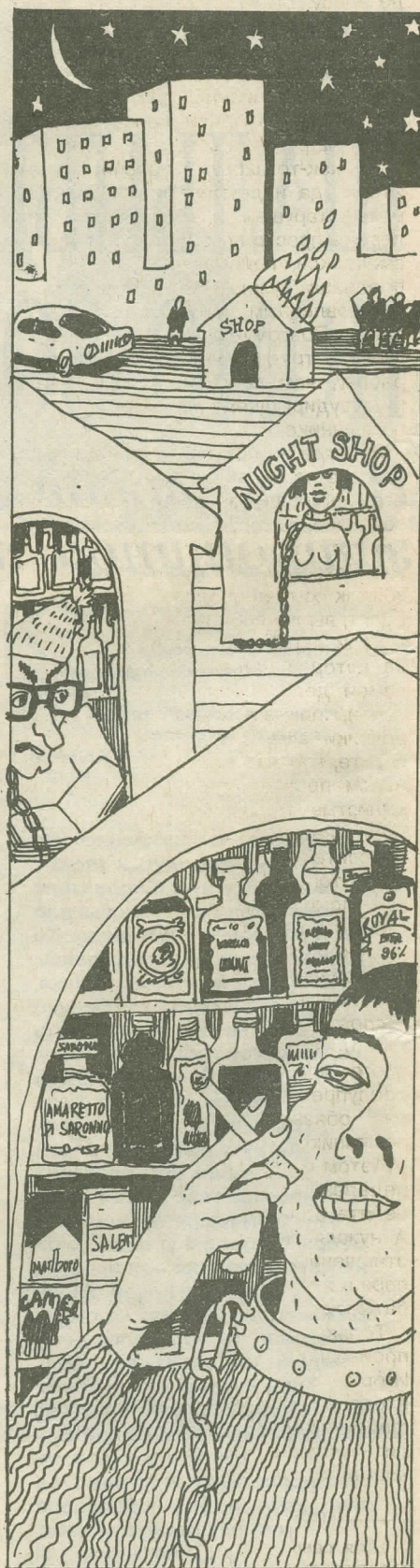

Рис. В.Пасичника

ле злбу. Да и нет ее у меня, злбы-то — чем больше народу через меня пройдет, тем большим будет мой навар. Мой личный, а не ТОО «Семенов ряд» какого-нибудь, где обыкновенное молоко в одном конце продмага стоит 52 рубля, а в другом — уже 53*.

Да, как-то забыл я пояснить, зачем Игорю, да и другим фирмачам, нанимать старушек и «ботаников». Последние просто не обладают рыночной смекалкой, понимаете? Ведь что от продавца нужно? Чтоб торговал по установленному ценам, а не спекулировал. Поэтому-то мальчишке сейчас гораздо труднее устроиться на такую работу, чем пенсионеру или очкарику, штурдирующему по ночам Канта в подлиннике.

Никогда не покупайте товар в «комке», где не висят ценники! Это значит, что продавец запросит надбавку к той цене, которую установила фирма или тот, кто поставил вещь на продажу. Потроговаться можно, но себе в убыток хитрец-продавец работать не будет, вы же понимаете.

Если продавец заявляет, что вещь, на которой написано «400» стоит на самом деле 450, якобы из-за переоценки, причем такой спешной, что ценники еще сменить не успели, — знайте, что вас надувают. Таким бизнесом провальются почти все смекалистые мальчишки. Почему же им лень нарисовать новые цифирьки, спросите? Хозяин поймет. И уволит.

Так-то!

А помимо хозяина и его агентов ларьки по ночам исправно обходят и еще кой-какие личности в кожанках. Спокойненько так подкатывают, интеллигентно улыбаясь в окошечко, говорят немудреный пароль «мы от господина Череззаборногузадирищенского» или что-то вроде того. В ответ предупрежденный хозяином продавец обязан выпустить честную гопкомпанию, предъявить гроссбух с отчетом о продажах и... выплатить определенный процент с выручки. Эти ребята больше, чем надо, не возьмут. А нужны они хозяину для выяснения отношений с конкурирующими корпорациями. Свои деньги парни отрабатывают.

Только недавно в окрестностях произошел такой случай. Фирма Игоря, контролирующая ларьки у входа в метро, крепко поссорилась с фирмой N.N., киоски которой наводняли близлежащий рынок. Игорь установил более низкие цены, что N.N.

было явно не «в кассу». Тот попытался договориться — не получилось. Тогда как-то вечерком вдруг полыхнул один из ларьков у станции... Он был потушен героическими усилиями двух патрульных милиционеров (вай-вай, стыдобища какая!), поливавших пожарище водой из шлангов.

Игорь выплатил им по десять тысяч (чтоб меньше трепались о своем подвиге). А на следующий день рынок проснулся лишь с одним целым киоском «Мороженое». Его не тронули. Вот для этих-то целей всякая уважающая себя фирма и прикармливает целое сборище качков-пофигистов. Тем по фигу кого «давить» — лишь бы с шумом.

Вы никогда не гуляли по Москве часиков в пять утра? Видели, наверное, удивительное зрелище, возможное только у нас в России: коммерческие ларьки возле, скажем, станции метро закрыты, в одном горит свет, но... он тоже закрыт. Если вы подойдете поближе, то обнаружите внутри перебившуюся компанию продавцов со всей округи. Музыка, мат, пьяные визги девочек. Если вам нужно общество — смело подкатывайте! Лишним не будете: и угостят на славу, и выпьете, и потрепаетесь о том о сем. Сие зрелище означает, что обход давно закончен, час, что называется, «мертвый», покупателей мало — вот и догоняются ребята.

«Ботаники» ведут себя по-другому. Либо судорожно дочитывают очередную талмуд с карандашиком в руках, либо пьют в одиночку, тупо уставившись в одну точку. Старушки-пенсионерки — те просто спят, пугая храпом милицейские патрули.

Ничего, они хотя бы свой навар сохраняют. Не в пример целой категории ребят-продавцов, спускающих его за ночь подчистую. На дармовщинку каждого из них хозяин снабжает лишь парой-тройкой гамбургеров, жвачкой в неограниченном количестве (кому она, на хрен, нужна?!), мэнзуркой «Русской» водочки 0,33 л и пачкой, скажем, «Bond Street», чтоб не скучно было. Есть бутылочное пиво — так пол-ящика можешь выдуть без последствий. Хочешь больше — изволь заплатить из своей доли. Так что под утро выясняется, что некоторые горячие головы еще должны хозяину остаются.

Вот это уж прикол так прикол! Игорь рассказал мне об одном таком бухарике. Шутки ради он поставил мальчика на «счетчик». Если сначала продавец был должен после бурной ночи всего каких-то там пять сотен рэ, то за каждый день просрочки долг увеличивался на столик. Через месяц пьянчужка работал

лишь за хлеб да квас. И только одна сказочная ночь накануне Рождества спасла его. Вместо обычных 85—90 тысяч он выручил целых 260! Отдал долг и смылся — ума хватило.

Ба-а, какие люди к нам пожаловали! Не узнаешь? Ох, и похудел ты, Тимоха. Сколько лет прошло, а? Помню-помню твою гримасу, когда на выпускном тебе вместо золотой всучили серебряную медаль. И что, поступил ты на мехмат МГУ? Говоришь, с красным дипломом окончил? М-да, и чем сейчас занимаешься?..

Не удивляйтесь, это обычный треп двух давно не видевшихся людей. И не было бы в нем ничего примечательного, если б Тимур, мой одноклассник, круглый отличник и паинька с рождения, математик милостью Божией, гордость школы и университета, не оказался... моим новым смежником в коммерческом магазинчике! А что, работа прибыльная. В среднем три тысячи за ночь получается, если, конечно, на хавку много не тратить.

Математики в России сейчас не нужны, видимо. Хитроумно высчитывая, как перевести нынешние цены в застойные, наш народ овладел четырьмя математическими действиями. А уж корни извлекать — прерогатива ненашенская.

*...Ой, вы там добалууетесь,
Ох, вы доизвлекаетесь,
Когда сгниет-заплесневет
Картофель на корню!*

Высоцкий точен, как всегда. И нечего добавить.

P.S. Материал писался ночью, прямо в коммерческом ларьке, так что уж извините за некоторую нестройность изложения. В ту ночь мною съедено: четыре бутерброда, два «Сникерса», четыре жвачки. Выпито 200 г «Русской», 2 литра «Жигулевского», 250 г сока гуаявы, выкурено 18 сигарет «Магна».

Я продал товара на 87.542 рубля (по ведомости). Мой навар составил (по той же ведомости) 2626 рублей 26 копеек. Везучий я на «счастливые» числа. Кроме того, нелегально удалось увеличить его (за счет повышения цен) на 1650 рублей.

И последнее: двадцать шесть копеек мне не выдали. В коммерческой торговле не знают, что это такое. Там пятирублевки-то подсчитывать перед сдачей смены — сущее мучение...

*Для самых дотошных сообщу, что оно товарищество владеет несколькими бывшими государственными магазинами в районе м. «Университет» и продавцы там хамоваты по-прежнему.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: САК «ПРИВАТИЗАТОР»

**Руководители
приватизирующихся предприятий,
похоже, теперь могут спать**

спокойно.

К их услугам

**— Система Автоматического
Консультирования по вопросам
приватизации**

— САК «Приватизатор».

**Мы беседуем с одним из ее
создателей, г-ном
С.Р.ХАТАЛАХОМ.**

**— Сергей Рудольфович, что такое
САК и какая от нее польза?**

— Если перекачать в компьютер все знания специалиста экстра-класса, весь его деловой опыт, профессиональные секреты и ноу-хау, то больше не надо бегать за советом к этому человеку — достаточно обратиться к его компьютерному «двойнику» — системе автоконсультирования. Она полезна настолько, насколько могут быть полезны советы консультанта. Однако ценность САК повышается на порядок, когда консультантов вообще нет или их услуги не по карману. Достаточно иметь в своем распоряжении соответствующую САК и обычную «персоналку» — и у вас под рукой личный консультативный совет.

— Значит ли это, что САК «Приватизатор» повышает компетенцию приватизирующихся до уровня консультанта-приватизатора, чьи услуги в последнее время широко рекламируются?

— Именно. Приватизирующимся в первую очередь необходимы качественные консультации. Они рискуют своими деньгами. Само понятие консультирования в этой области профанировано нестабильностью как законов, так и практики приватизации, дейтнотом и аппетитами свежеспеченных «консультантов». Мы попытались создать альтернативу и собрали все ценное в САК «Приватизатор». Эта система создана для самостоятельной приватизации предприятия собственными силами, без привлечения консультантов со стороны...

— А вас не пугает возможная компьютерная неподготовленность ваших пользователей? На кого рассчитан САК «Приватизатор»?

— САК задуман и сделан в духе времени — демократично. Все работы может выполнить человек, вперые столкнувшийся как с проблема-

ми приватизации, так и с компьютером. При этом достаточно буквально на день арендовать простую «персоналку».

Мы рассчитываем на серьезных людей, привыкших во всем полагаться только на себя: в первую очередь — на руководителей и специалистов приватизирующихся предприятий.

Генеральная идея САК «Приватизатор» — эффективная защита именно их интересов. Система знает, как это сделать, при этом ей безразлично, кто перед ней: генеральный директор, менеджер или будущий рядовой акционер. Каждый получит свое, персонально ориентированное решение, максимально отвечающее его интересам.

Для сотрудников комитетов по управлению имуществом, консультантов, юристов, специализирующихся на приватизации, САК «Приватизатор» — просто профессиональный инструмент.

— Нормотворчество, в том числе приватизационное, развивается стремительно. Как вы мыслите угнаться за этим?

— САК «Приватизатор» выпускается поперсионно. Каждая версия соответствует развитию нормативно-правовой базы и практики консультирования по приватизации на дату ее изготовления. Сейчас перед вами версия от 21.01.93 г. Если, скажем, завтра появится новый официальный документ или что-то ценное практического характера, через несколько часов появится новая версия САК «Приватизатор». При этом, обратите внимание, САК останется такой же практичной и удобной, как и сейчас. Людям нужны знания, а не «голая» информация. Поверсионно же будут расширяться и функциональные возможности системы.

Постоянные пользователи смогут обновить свою САК когда угодно: через месяц, через полгода. Достаточно вернуть нам устаревшую версию на наших дискетах, и мы продадим новую с существенной скидкой.

— Что же может ваша система?

— САК воссоздает все консультации, проводимые в реальной жизни. Пользователь получает комплекс решений по приватизации своего предприятия. Это конкретные рекомендации, с исчерпывающей правовой основой и детальными инструкциями. Есть и уникальные функции. Например, наиболее ответственные работы, такие, как выбор стратегий приватизации, включая траст- и холдинг-стратегии, способов акционирования,

проводятся в систематизированном обобщении подходов различных специалистов. Пользователь будет иметь то, что не в состоянии получить от отдельного эксперта-человека.

Естественно, САК предоставляет и более простые услуги, такие, как возможность получения юридических справок из нормативно-правовой базы приватизации, рекомендации по разработке полного пакета необходимых документов, включая перспективный Устав под развитие пользовательской ситуации в нужную ему сторону. Все советы САК взяты из жизни, а не из книг. Многие из них, скорее всего, никогда не будут опубликованы. Они призваны сэкономить пользовательские деньги.

Комплексность подхода, скрупулезный учет пользовательских пожеланий, учет таких «тонких» факторов, как психологический климат коллектива, возможность пресечения нежелательных действий, легализация стратегических интересов пользователя, по-моему, способны свергнуть в смятение иного «консультанта»...

— Кто поделился своими знаниями, вдохнул жизнь в САК?

— Свой опыт передали САК лучшие сотрудники консультационных учреждений, которых нам любезно порекомендовало АКДИ газеты «Экономика и жизнь». Пользователю назовет их имена САК, я же отмечу, что мы стремились охватить проблему всесторонне, поэтому знания экспертов не дублируют, а дополняют друг друга.

— И как же работает САК?

— Система анализирует пользовательскую ситуацию, стремясь найти компромисс между пожеланиями пользователя и допустимыми возможностями как законодательного, так и практического характера. Поэтому решения САК — это буквально то, что НУЖНО этому человеку и МОЖНО в его ситуации.

Для простоты и удобства работы пользователя вся САК «Приватизатор» разбита на отдельные блоки. Каждый блок выполняет конкретную работу по определенной проблематике. Например, один помогает пользователю выбрать вариант акционирования, другой подсказывает, как справедливо распределить льготы среди коллектива, третий показывает движение акций и т.д. Все вместе блоки воссоздают полный объем консультации реальной экспертной команды.

Пользователю, впервые столкнувшемуся с приватизацией, САК предложит автоматический режим работы. Блоки будут выполнены в той последовательности, как это происходит в жизни. Это просто необходимо непосредственно приватизирующимся.

Консультантам же будет удобен выборочный режим работы с блоками.

— А как происходит общение с машиной?

— Диалог при помощи меню. Пользователю предлагаются вопросы, конкретизирующие его пожелания и ситуацию. Каждый вопрос комментируется. Это помогает сориентироваться и дает четкое понимание сути вопроса и его последствий. Пользователь выбирает вариант ответа или вводит числа. На основе этих ответов генерируются возможные гипотезы-догадки. Далее диалог продолжается: САК стремится найти для пользо-

вателя лучшее решение, в полной мере отвечающее пользовательским пожеланиям и не противоречащее требованиям закона и экспертного опыта. Как в реальной жизни, какие-то гипотезы будут отброшены, какие-то станут «самыми-самыми». Кроме того, появятся новые, которые также будут уточняться.

Из проверенных гипотез САК «Приватизатор» сформирует готовые решения. Это и будет то, что нужно. Еще раз подчеркнем, что САК «Приватизатор» стремится найти компромисс между желаемым и объективно-возможным.

— Как можно контролировать работу САК?

— Можно следить за ходом рассуждений системы: узнать, почему она задает именно этот вопрос, с чем он связан, к чему приводит ответ. С человеком такое возможно не всегда, согласны?

— Да, но человек всегда может обо-

снова причины выбора. Как здесь?

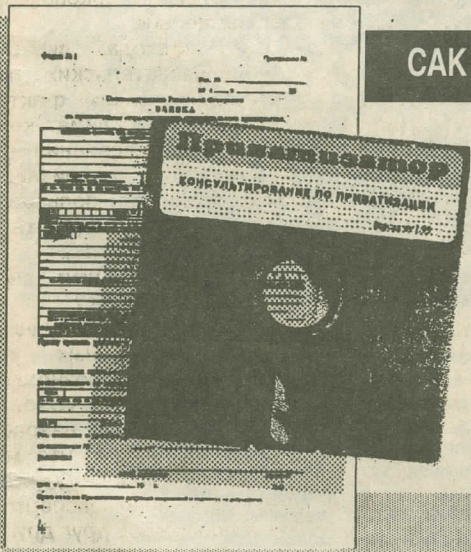
— САК не была бы автоконсультантом, если бы не объясняла свои решения. Пользователь может увидеть, насколько рекомендуемое решение лучше других и почему. По каждому решению можно получить исчерпывающую информацию. Также можно будет ознакомиться со всеми промежуточными соображениями Системы, самостоятельно сгенерированными ею в ходе рассуждений.

Всего этого предостаточно для того, чтобы компетентно отстаивать свое мнение перед другими. Дидактическую ценность таких функций трудно переоценить.

— Словом, иногда САК лучше, чем человек?

— Надеемся, пользователи САК «Приватизатор» в этом убедятся и станут приверженцами систем автоконсультирования.

Влад ДОЛГОВ

САК «Приватизатор» — это самостоятельная приватизация

- Определение схемы приватизации с учетом Ваших стратегических интересов.
- Выбор варианта льгот при акционировании.
- Расчет экономического обоснования.
- Механика справедливого распределения льгот в коллективе.
- Продажа и движение акций.
- Оценка уставного капитала, коррекция легальными способами.
- Справки по законодательству.
- Подготовка пакета документов: план приватизации, устав, акты и т.д.

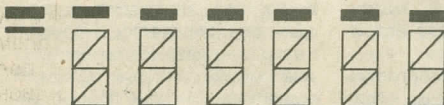
Телефон 928-83-40
Факс 928-70-17

Работает на IBM-совместимых компьютерах от 286 и выше.

ВСЕГО:

56.200

КРОКУ ВЫСЛАТЬ!

Пишите индекс предприятия связи места назначения

Куда _____

Кому _____

Пожалуйста, пошлите этот купон и копию платежных документов по нашему адресу:

101425, Москва, ГСП, К-51, Петровка, 22, «Столица»

ВСЯ СТРАНА — ЭТО НАШ СТАДИОН. В ЛУЖНИКАХ

Когда-то московский «блошинный рынок» походил на цирк-шапито, приехавший в незнакомый город без приглашения: с невероятным шумом кочевал он по центральным улицам, наводя ужас на «коренных» жителей и на милицейских начальников. А теперь — гляди ж ты, как эстрадная суперзвезда дает представления на огромных стадионах. Самый приметный филиал барахолки расположен, конечно же, в Лужниках.

Собственно, «неотъемлемые атрибуты рынка» начинаются прямо у выхода из метро. Я имею в виду грязь, ругань и колоритных конных милиционеров (только нагаек для полноты картины им недостает), надменно разглядывающих толпу.

Вход платный — 25 рублей с носа. Но с очередью на час. У «дилеров»-участников (а куда без них?) свободно, но по полста. Контролеры, впрочем, тоже не прочь подзаработать. Дядя с красной повязкой на рукаве в ответ на мой вопрос: «Где касса?» — указал на полукруглое здание, но тут же добавил тихо: «И у меня касса!» Сунув четвертак в карман, он деловито взял меня за локоть и протолкнул мимо своих коллег — на территорию рынка.

Мамочка! Откуда столько народу берется? Защитников «Белого дома», полагаю, было раз в десять меньше.

Толкнули, пихнули, сжали — уже никуда не деться. Вместе с толпой движешься маленькими шажками по живому коридору, вертишь головой направо и налево в поисках нужной вещи. М-да. Не та уж теперь барахолка, не та... На заре гайдаровской реформы народ распродал все, чем успел запастись до либерализации цен, — вот ассортимент был! Теперь — иное. Толкучка превратилась в громадную мелкооптовую базу, где товар продается ящиками, упаковками, тюками, рулонами. И что за товар? Три-четыре наименования турецкой дряни, пять-шесть — дряни китайской плюс что-то из Таиланда, что-то из Тайваня, что-то из Польши. И еще кукла Барби. И шоколадки «Сникерс». И лежалые штатовские сигареты, выкупленные по дешевке с московского же склада. Насчет цен тоже не обольщайтесь. Стеснительные бабушки, предлагающие фамильные драгоценности за смехотворную сумму, либо вымерли, либо превратились в прожженных деляг. А поскольку «отовариваются» на барахолке главным образом привыкшие к голым зауральским прилавкам гости столицы (причем в основном с целью дальнейшей перепродажи товара в родных пенатах), цены тут почти такие же, как в коммерческих ларьках. Если клиент спешит, то и выше.

Но все эти мысли приходят позже. А пока путешествуешь

Фото В. Шишова

по барахолке, поражаешься главным образом ее многоликости и непредсказуемости. Базар, вокзал, переселение народов — все тут. Тут и улыбчивые вьетнамцы, тут и сумрачные кавказцы, тут и поляки, и цыгане, и Бог знает кто еще. Тут и костры для сугреву, и «места для отдыха» (то бишь лежбища на нераспакованных тюках), и дорожные обжираловки, и даже маленький духовой оркестр, наяривающий «Морячку». Монополии оркестрика ломают мощные динамики радиотрансляционной установки: та же «Морячка», только намного громче и в оригинальном исполнении О.Газманова. Над морем голов возвышается утесом каменный Ильич — главный ориентир в многотысячной толпе, место встречи всех потерявшихся.

Удовольствие поторговать под открытым небом стоит 500 рублей. Торговое место в «элитарном» секторе «С» оценивается в полторы тысячи, а в секторе «А», удаленном от «бойкого места» — в 800 целковых. Да еще входные билеты — сто тысяч

штук за выходной день. Доходы «Лужников», скоренко превратившихся в акционерное общество, исчисляются громадными суммами. «Эти деньги, — уверяет руководство стадиона, — идут главным образом на благие цели. Ежедневно убираем территорию (сто человек и техника) — это раз. Оборудовали полсотни теннисных кортов — два. Заливаем катки — три, ремонтируем спортзалы — четыре. И вообще, если не «блошинный рынок», капитально реконструировать спортивное сердце России не удастся».

Замечательно! Просто здорово! У меня, кстати, на примете есть еще несколько жемчужин, которые можно было бы «возродить», открыв там барахолку. Большой театр — раз. Политехнический музей — два. Донской монастырь — три. И так далее. Дело хорошее. У нас ведь теперь вся страна — большой стадион. Большая мелкооптовая база. Большие «Лужники».

Наталья АЛЯКРИНСКАЯ

Фото Э. Кудрявицкого

**ИМЕНИ
ПРЕЗИДЕНТА...**

В екатеринбургской розничной торговле появился новый сорт водки производства Финляндии. Называется «Борис Ельцин». Был ли данный акт попыткой дезориентации уральских демократов или коммерсанты ставили перед собой какие-то другие цели, трудно сказать. Только спроса на политизированный напиток пока нет. Несмотря на то, что «Ельцин» стоит примерно столько же, сколько и «Распутин» (около двух тысяч рублей), «провидец Гришка» намного популярнее «первого президента».

Олег ДУЛЕНИН

**ВСЮДУ ДЕНЬГИ,
ДЕНЬГИ, ДЕНЬГИ.
ОЧЕНЬ РАЗНЫЕ**

Русский коммерсант — самый находчивый коммерсант в мире! Эту истину подтвердил недавно некий предприниматель, выдавший при покупке товара в Китае пачку ваучеров за новые российские деньги. Другой российский турист тоже оставил ки-

тайцев безутешными, оплатив партию пуховиков польскими золотыми. А что — на первый взгляд очень выгодные деньги: вон сколько нулей!

Впрочем, в Комсомольске-на-Амуре китайцы взяли реванш — опять же золотыми они расплатились с проститутками.

Сергей ТЕПЛЯКОВ

**КТО СТУЧИТСЯ В
ДВЕРЬ КО МНЕ?
НИКТО**

Более двадцати лет ждал пермский поэт-метафорист Владислав Дрожачих выход в свет хотя бы одного своего сборника. И вот — о, радость! — в местном издательстве вышло сразу два — одной книжкой, под общим названием «Блупон». Что такое «Блупон», знает только сам автор, но не об этом речь.

Счастливый поэт отправился на почту, чтоб выслать несколько экземпляров книжки доброму канадскому бизнесмену, спонсировавшему издание. «Мы только художественную литературу отправляем!» — предупре-

дили его на главпочтамте. «А у меня как раз художественная литература!» — уверил Дрожачих и отдал «Блупон» на предмет экспертизы. Пожилая тетя с законспирированной фамилией полистала книжку и вернула: «Нет, это не художественная литература!»

Поэт уже несколько недель безуспешно ходит по инстанциям и умоляет признать его книжку литературой. Тщетно. Нет пророка на почтамте...

Юрий БЕЛИКОВ

**ДОЧКА У ПАПЫ
ПРОСИЛА...**

Уже не в первый раз находчивые детки радуют родителей довольно необычными шалостями. Известны случаи «самопохищения» с жуткими угрозами по телефону и требованием выкупа в размере нескольких десятков тысяч рублей (об этом «Столица» писала в прошлом году).

Но семнадцатилетняя студентка Красноярского политехникума не стала мелочиться: умело разыграв «киднеппинг», затребовала с собственного папаши ни мно-

го ни мало — миллион рублей наличными в мелких купюрах. Несчастный отец в кратчайшие сроки собрал требуемую сумму, но милиция вовремя успела «расколоть» авантюристку. Девушку торжественно доставили домой. Подробности последующей беседы отца и дочери редакции неизвестны.

Борис ЯРОВО

**ПОЛУЧИМ
СТРАХОВКУ В
ТЕМНИЦЕ СЫРОЙ!**

Не успели еще новоявленные страховые фирмы охватить своей заботой вольных людей, как компания «Сервис-резерв — Кузбасс» принялась страховать осужденных. Пока для них предусмотрено два вида страховки: на случай задержки освобождения и от несчастного случая. Есть и своя специфика: страховка от несчастного случая не выплачивается, если травма получена при побеге или при участии в массовых беспорядках.

Тимофей СЕРГЕЕВ

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Юрий ОРЕХОВ

**ТЫ МЕНЯ
УВАЖАЕШЬ?**

— А за что, скажи на милость, и когда? За то, что всем видам человеческой деятельности ты предпочитаешь выпивку, или тогда, когда ты без единой мысли или чувства лежишь в луже собственного изготовления? Или когда в вагоне метро ты бросаешься на свободное место и устраиваешься там, вытянув ноги поперек прохода? За то, что на работе ты норовишь поменьше сделать и побольше стащить? Когда ты продавщица, твой покупатель не ждет от тебя ничего, кроме хамства, а когда ты покупатель, это хамство ты принимаешь как должное.

Когда ты депутат... Скажи, ты «был выпимши», когда навывирал себе этих депутатов? Этого спикера, понятно, они выбрали себе уже сами. Когда ты бывший коммунист, ты так и не понял, что твоя деятельность запросто могла

кончиться так, как она кончилась для многих коммунистов на улицах Будапешта осенью 1956 года. Когда ты политик, почему тебе не приходит в голову с одной меркой подходить, скажем, к «развалу СССР» и к «развалу» его частей — Грузии или Молдавии?

Когда ты новый коммерсант, почему ты занят только перепродажей и не занимаешься ИЗГОТОВЛЕНИЕМ чего-нибудь нужного людям? Неужели здравый смысл не говорит тебе, что если ниче-

го не производить, то ничего и не будет? Почему ты вообще предпочитаешь не пользоваться здравым смыслом?

Когда ты ученый, почему ты как в рот воды набрал насчет мутного потока невежества и суеверий, льющегося со страниц прессы и с экрана телевизора, — всех этих астрологических прогнозов, кашпировских с чумаками, рамочек и летающих тарелок? Ведь у тебя на глазах страна из хотя бы декларативно «страны мечтателей, страны ученых» превращае-

тся в страну самого темного невежества и самых гнусных инстинктов.

Или я должен уважать тебя за твой язык: «Вы не подскажите, сколько время?», «Давайте определяться»? Где ты набрался этого языка и что у тебя было в школе по русскому? И как ты смел занимать генсексовско-президентские должности с таким кособождением?

И все-таки, знаешь, я тебя уважаю. Нет, вовсе не потому, что ты — это я, хотя ты — это я. А потому, что на этой земле, кроме такого дерьма, как ты, сейчас ничего больше нет. Уважаю, потому что знаю, как знала Ахматова, что цветы растут из дерьма. Уважаю и с нетерпением жду, когда и ты начнешь себя уважать.

— Анатолий Игнатьевич, какова история комиссии, которую вы возглавляете?

— Нашей комиссии столько же лет, сколько и советской власти. Была она и при Сталине. И вообще такого рода комиссии существуют во всех странах, при всех режимах. Где-то милуют президенты, где-то — короли, где-то — диктаторы. Традиционно советскую комиссию возглавлял Председатель Президиума Верховного Совета (страны, республики — в зависимости от ранга комиссии). Входили в нее министры и важные чиновники министерств внутренних дел, юстиции и т.д., то есть все те, кто сам же и вел судопроизводство и посадкой людей. В последнее время комиссию при Верховном Совете республики курировала С.П.Горячева, которая буквально свела на нет ее работу, заявляя при этом: «Зачем нужны какие-то комиссии по помилованию, когда есть суды и прокуратура?» Словом, комиссии были, но вот вопрос — в чьих интересах, как и сколько дел они рассматривали?

После того как Ельцин был избран президентом, возникла идея сделать эту комиссию совершенно иной по составу и, главное, общественно значимой. С просьбой помочь в подборе ее членов Ельцин обратился к председателю Комитета ВС по правам человека С.А.Ковалеву.

— А почему выбор Ковалева пал на вас?

— Я тоже спросил его об этом. Он ответил, что читал мои вещи, и, если бы я не написал «Ночевала тучка золотая», он не стал бы предлагать мне ничего подобного.

Я долго отказывался — это же колоссальная ответственность. Не дай Бог ошибиться, ведь тогда я сам рискую превратиться в преступника перед людьми, обществом и президентом, который подписывает указы по нашему представлению.

— Президент доверяет комиссии?

— Безусловно. Если он перестанет нам доверять, комиссию надо распустить. Это ведь такое место, где в одночасье любой корыстный человек может стать миллионером и даже более. Но, уверен, в нашем случае есть гарантия, что ни один не скурвится.

— Кто дал согласие стать членом комиссии?

— Весьма достойные люди, но имен называть не буду. По ряду весьма серьезных причин. Во-первых, угроз не так уж мало, да и опасность для жизни весьма реальна. Во-вторых, все они — люди очень занятые, и необходимо оградить их от того шквала просьб, который может на них обрушиться. Могут только сказать, что

...И МИЛОСТЬ К ПАДШИМ ПРИЗЫВАЛ

Указом
Б.Н.Ельцина
год назад
писатель
Анатолий
ПРИСТАВКИН
был назначен
председателем
Комиссии по
вопросам
помилования при
президенте
России. С ним
беседует наш
корреспондент
Александр
НИКОЛАЕВ.

это писатели, ученые, психологи, психиатры, один из старейших наших политкаторжан, 20 лет просидевший в сталинских лагерях, юристы высочайшего класса (их четверо), журналист. Всего тринадцать человек. Мы полностью доверяем друг другу. Мне кажется, что удалось создать комиссию не только интеллектуальную, но и в прямом смысле независимую и в своих внутренних убеждениях и в своих делах. Входящие в нее люди не получают никаких денег, за исключением меня и моего заместителя — это должности штатные. Кроме того, при комиссии существует целый отдел из 60 человек, опытных юристов, которые обрабатывают для нас материалы.

— У членов комиссии полное единодушие?

— Единодушие быть не может, ибо каждый — личность, имеющая свои этические нормы. Иногда такие жесточайшие споры разгораются, что по нескольку дней одно дело рассматриваем.

— В чем вы видите свою основную миссию?

— Идти вверх по лестнице, ведущей вниз. В нашем ожесточенном обществе, где забыли, что такое жалость к людям, наша комиссия в какой-то степени исполняет роль островка милосердия в океане жестокости.

Мы рассматриваем в неделю примерно 150—200 дел людей, имеющих различные сроки заключения, собираемся на заседание один раз, а до этого каждый из членов комиссии обязательно сам изучает все материалы.

Мы не ставим под сомнение решения суда и не заменяем его, мы обязаны принять во внимание и проанализировать все человеческие факторы — мотивы преступления, поведение человека до и после свершившегося, выяснить, какая у него семья, поддерживает ли он с нею отношения, переписку, здоров ли он и многое, многое другое. Особенно важны все эти моменты при рассмотрении дел приговоренных к смертной казни. Все они, независимо от того, подавал ли человек прошение или нет, в обязательном порядке проходят через нашу комиссию.

— Вы против смертной казни?

— Категорически. Иначе не согласился бы возглавлять комиссию. Кто-то мудро сказал, что есть разные меры наказания — пять, десять, пятнадцать, двадцать лет, но казнь, т.е. лишение человека жизни, очередной ступенькой наказания считать нельзя — это уже пропасть, в которую падает все общество. Ибо казнь — есть узаконенное обществом убийство.

Случаи, с которыми нам приходится сталкиваться, различны, но на 90 процентов с лишком это так называемая бытовуха. Тип преступлений, кстати, почти отсутствующий на Западе. Читая дела, погружаешься в трагическую систему жизни России, которая — создается впечатление — погрязла в глобальном воровстве, изнасилованиях, убийствах по пьянке. Как правило, это не матерые убийцы и рецидивисты, а затюканные жизнью люди, потерявшие ориентацию, озлобленные, ожесточенные. Вот и убивает отец сына, муж жену, прохожий первого случайного встречного и т.д. И большинство из них ранее ничего подобного не совершали, да и потом никогда не совершат.

Конечно, есть уникальные убийцы вроде Чикатило. Хотя здесь неизбежно возникает вопрос о состоянии его психики. Мы-то ведь знаем немало о нашей судебно-психиатрической экспертизе и ее объективности...

А сколько мы имеем примеров судебных ошибок — каталог можно составлять! Тот же Чикатило. В свое время за совершенное им преступление был расстрелян другой человек. А вот если бы действовавшая тогда комиссия заменила бы ему казнь 20-летним заключением, он сейчас был бы жив и предьявленное ему обвинение было бы пересмотрено. А что остается сегодня? Принести извинения родителям? Надо ясно давать себе отчет в том, что, когда мы хотя бы одного человека казним ошибочно, все общество несет непоправимый моральный урон. Именно так, но, к сожалению, оно об этом не всегда задумывается.

— Мне кажется, что мы, как люди и как граждане, в большинстве своем не готовы к отмене смертной казни.

— Я думаю, что это прямое следствие длительного воспитания в нас привычки к убийству, точнее, к массовым убийствам. Более того, в нашей стране был создан не только ГУЛАГ реальный, вроде бы далекий и внешний, но и ГУЛАГ внутренний, который коренится в душах большинства из нас. Я имею в виду то, что утрачено понятие единственности и самоценности человеческой жизни. Если человека забирают и в чем-то обвиняют, он сразу считается виновным, от него легко отворачиваются и родные, и общество.

К сожалению, естественны у нас ситуации, когда звонят мне из мест, где содержатся те, чьи дела рассматривает комиссия, и требовательно спрашивают: «Когда же, наконец, вы их казните?» Значит, они нашу основную роль видят в том, чтобы казнить. А когда я отвечаю, что казнь заменена

20-летним сроком, слышу: «Добренькие вы там, в Москве, добренькие». Был недавно у меня такой разговор с главой пензенской администрации. Или вдруг слышу от своего приятеля, образованного человека, пишущего книги: «Иди милуй своих насильников». Или в деле приговоренного за убийство к смерти (весьма сомнительный, впрочем, случай) вижу 10 тысяч подписей жителей города, требующих его казнить. Не вдруг ведь эти подписи возникли, кто-то же их организует. Кстати, в данной ситуации их организовал бывший горком комсомола. Словом, система милосердия отринута обществом полностью. Это понятие, именуемое «абстрактным гуманизмом» и заклеенное некогда партийными вождями, воспринимается чуть ли не как ругательство. Слишком многие до сих пор не понимают или не хотят понимать этого.

Когда нам пишут учителя, мол, чему мы научим детей, если такие преступники будут жить, я думаю, чему они научат детей, если людей будут продолжать убивать. Дети ведь могут вырасти нормальными, только если их учить милосердию и состраданию. Кстати, некоторое время назад был юбилей доктора Ф.П.Гааза, великого русского подвижника, который, будучи городским врачом Москвы, организовывал медицинскую помощь заключенным и провозжал все партии осужденных, отправляемых на каторгу. Спрашивал я и у взрослых, и у школьников — не знают, кто такой...

— Вы не допускаете мысли, что многими людьми, которые настаивают на сохранении смертной казни, движет скорее не жестокость, а страх за свою жизнь и жизни своих близких?

— Вполне допускаю и вижу, что для подобных опасений становится все больше оснований. Но для того, чтобы обеспечить безопасность граждан, существует закон и правоохранительные органы. Разве можно решить эти проблемы путем лишения человека жизни?

Вообще, я считаю, что вся эта шумиха вокруг смертных приговоров сознательно организуется, чтобы создать видимость деятельности и отвлечь внимание людей от главных вопросов.

Прекрасно сознавая, что общая ситуация в стране и уровень общественного сознания не позволяют сегодня добиваться отмены смертной казни, мы, наша комиссия совместно с Комитетом Верховного Совета по законодательству, подготовили проект о внесении такой меры наказания, как пожизненное заключение (при сохранении смертной казни), и президент уже подписал указ.

Я был на приеме у Ельцина по этому вопросу, и меня поразило, как быстро он схватил самую суть проблемы — с одной стороны, общество ограждено от преступника, с другой — если произошла судебная ошибка, ее всегда можно исправить. Он тогда сказал мне, что это верное предложение. Ведь, как правило, когда суд приговаривает человека к смертной казни, он находится под давлением различных факторов — тут и письма трудящихся, и пресса, и руководящие органы, и т.д. А потом, когда страсти утихнут, оказывается, что очень часто столь страшный приговор и не был необходим.

— А как складываются ваши взаимоотношения с парламентом?

— В основном, с депутатами работаем неплохо. У нас существует неписаное правило, что депутатские запросы рассматриваются вне очереди и очень быстро. За это время их было около двухсот.

— Наверное, в связи с принятием нового указа возникает немало практических проблем, в том числе и материальных?

— Американцы, которые все считают, утверждают, что пожизненное содержание человека обходится в миллион долларов, тогда как смертная казнь — в полтора миллиона. Это мы думаем, что цена казни — цена пули. Они же учитывают массу вещей — и процессуальные, и врачебные, и нервные затраты.

В Италии, например, пожизненно заключенные имеют возможность сходиться в церковь, на стадион, могут посещать друг друга, т.к. днем двери камер открыты. Человек, просидевший без всяких эксцессов 23 года, выпускается на свободу.

А у нас для содержания пожизненно заключенных нет никаких условий (все тюрьмы-то выстроены чуть ли не в начале века). Так что находиться в них опасно как заключенным, так и охране. Кстати, по существующей статистике, если у заключенных психические отклонения наблюдаются после 7—10 лет тюрьмы, то у охранников после 5—7.

Именно поэтому буквально на днях Ковалев и председатель Комитета ВС по законодательству М.Митюков написали письмо на имя В.Черномырдина с просьбой выделить 1,5 млрд. рублей на строительство тюрьмы для заключенных пожизненно и благоустроенного жилья для служащих в охране.

Во всяком случае, могу сказать только одно — наша комиссия создала прецедент, и теперь, что бы ни произошло, в том числе и с нами, к прежнему, надеюсь, возврата не будет.

Повели как-то школьников на экскурсию на стройку.

— Дети! — говорит учительница. — Обязательно все наденьте каски! А то в прошлом году был такой случай: класс пришел сюда на экскурсию — и одна девочка надела каску, а один мальчик не надел. И им на голову упало по кирпичу. И вот мальчик упал замертво, а девочка только засмеялась и убежала.

— А! — говорит Вовочка. — Я знаю ту девочку: она до сих пор бегаёт в каске и смеётся.

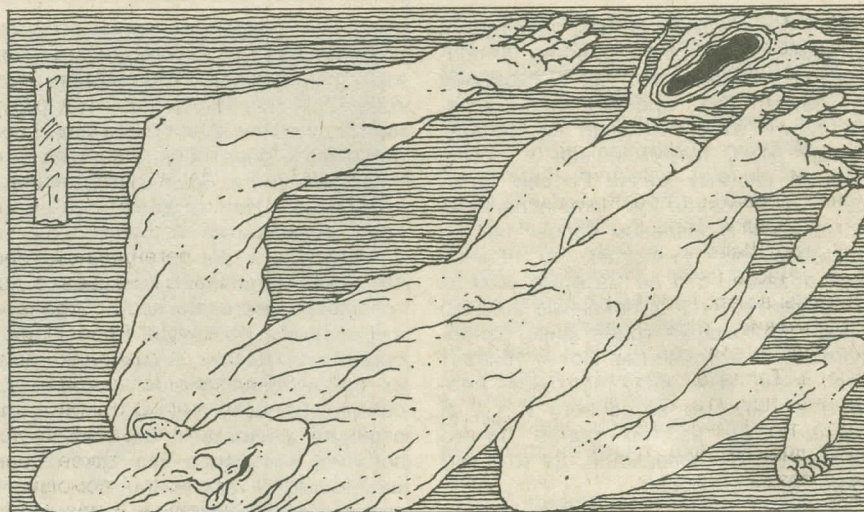

Рис. П. Стюенко

Алексей ЕРОХИН

Трощай, анекдот

Жаль-жаль, но что касается чувства юмора — мы ужасно похожи на ту самую девочку. Получив по кумполу — бегали и смеялись. Юмор играл роль защитной каски: уберегал менталитет от летального исхода при попадании по маковке увесистыми кирпичами действительности, но некий сдвиг по фазе был все же неизбежен. Вот и бегаем, вот и смеемся до сих пор — но все машинальнее, все тише и тише, просто по старой привычке ухмыляясь из-под треснутой каски.

Видать, уже не время надрывать животики от смеха — пришла пора рвать пуп во имя более-менее сносного прожития. Не смеяться до упаду — а до упаду вкалывать. Что ж, так-то селяви, как говорят в народе.

Вы ведь теперь знаете, что такое свобода: это когда тебя посылают ясно куда, а ты идешь, куда захочешь. Однако в результате чаще оказываешься именно по обозначенному адресу. Интересная закономерность, не правда ли?

И вот, оказавшись в том самом месте, поневоле задумываешься: что ж такое случилось с нашим юмором, отчего он так полинял и скукожился? Кинули веселые времена?

Вы же помните ту пору, когда ни дня не обходилось без нового анекдота и зубастая молва ехидно комментировала политическую и прочую текучку оперативнее всякого Рейтера. Да и куда точнее по сути. И не угнаться было всяческим «голосам» за ар-

мянским радио.

— У вас ситчик веселенький есть?

— Да уж — обхохочетесь.

Вот и обхохотывались.

Я другой такой страны не знаю, где смешно так жил бы человек.

Коротали фиговые времена в прелестной компании: тут и Василь Иванович с Петькой, и поручик Ржевский, и Рабинович, и маленький похабник Вовочка, и чукча, и Штирлиц... И чем густопсовей становился советский офицоз, тем отвязанней шустрили и скалили зубы собачки острот.

Видимо, юмор — это такое прихотливое вещество, которое вырабатывается в процессе давления — как сок из апельсина. Или при трении — как искры на рельсах из-под тормозящих колес. Действие рождает противодействие, пропаганда — контрпропаганду, и под масками советских людей мы корчили уморительные рожицы. И в карманах было щекотно от набитых туда фиг. Потому и не превратились в социалистических идиотов — но, тем не менее, малость все же крейзнулись, ведь натаскали себя настолько, что все и вся готовы были поднять на смех: от заголовков на первой полосе «Правды» (помните небось этот способ: к ним нужно было мысленно присобачить фотографию интимного акта) до Александра Сергеевича Пушкина, не считая уж всяческих Ильичей. Бормотуха-Пять-Звездочек, он же Бровеносец-В-Потемках, и впрямь стал народным героем — хоть и не с того конца,

с которого рассчитывал.

И историю СССР знали назубок — правда, далеко не в официальной трактовке: «Нет, батенька, больше не пью. Помню, нализились как-то в аггеле, занесло нас на Финляндский вокзал, взобглся я на бгоневичок и такую хегню понес — до сих пор стыдно вспоминать».

Вот с историей России досоветской было похуже: тут гидом выступал только поручик Ржевский («...но чаще впендиуриваю»), этот русский Геракл мужской мифологии, — м-да, мы знали делать жизнь с кого.

И в результате всяческие анекдоты и баечки складывались в историю души народной, со всеми ее пороками и достоинствами, и понатыканный всюду «Моральный кодекс строителя коммунизма» смотрелся попросту очередной хохмой, причем не самой остроумной.

Сплошной был какой-то советский цирк, где один лидер смешнее другого с их комичными мордами и забавным произношением, где каждая экономическая или политическая новация выглядит как потешный аттракцион. Маразм крепчал — в ответ крепчал и юмор, становясь все ядренее и раскованней.

Когда-нибудь веселые умные люди создадут Музей Советского Анекдота — и побледнеют Лувр с Эрмитажем. Так и видятся тематические фрески по стенам: Фурманов, натягивающий антенну; Анка в мужской бане; Штирлиц, вытаски-

вающий из шкафа записку Мюллера... Найдется место и поленице Рабиновича (в которой бриллианты), и известной луже в форме СССР (в которой — «живу я здесь»), и чукча с Вовочкой будут ходить во плоти по залам, и новые мультики будут демонстрироваться про Крокодила Гену и Чебурашку, Пятачка и Винни-Пуха, Красную Шапочку и Серого Волка — про ту часть их походов, что запечатлены в народной молве.

Возможно, отведут в том музее зальчик и для легального советского юмора. Такая экспозиция будет тоже вполне поучительна. И главной фигурой тут станет, конечно же, Водопроводчик, чей глобальный образ был создан истовыми трудами множества подцензурных остроумцев. Помнится, особенно преуспевала в этой деятельности шестнадцатая полоса «Литературной газеты», словно бы борясь за переименование в «Вестник сантехника». Водопроводчик был превращен в персону поистине эпическую, уровня Ахилла или Патрокла. Ему были посвящены километры строк, из которых в пору сложить целую «Илиаду». А если перевести этот метраж в водопроводные трубы — явно хватит на систему водоснабжения крупного промышленного города типа Ростова-на-Дону. В inferнальном образе Водопроводчика popisывающая интеллигенция сублимировала свои страхи по поводу Грядущего Хама, опошляющего своим появлением их белокафельный совмещенный алтарь. Эдакий Князь Тьмы. И убей Бог — не вспомнить теперь ни одного из сонма тех рассказиков, а вот единственный, кажется, вольный анекдот о сантехнике, недоумевающим перед унитазами: «Да что вы туда — ... что ли?» — гвоздем сидит в памяти.

Наряду с этим козлом отпущения дозволенными мальчиками и девочками для битвы были сотрудники НИИ, отменно умеющие kloпа давить в рабочее время. На такую отчаянную крамолу цензура также смотрела благосклонно: ништяк тема не только не подрывала устоев, а даже наоборот — подкрепляла их, являясь своеобразной рекламой советского образа жизни, — вот, дескать, до чего у нас мощное и щедрое государство, коли может себе позволить содержать такую уйму интеллигентешек-дармоедов.

Да, не шибко веселый будет зальчик, но — кушайте, господа, все ваше...

А под потолком одного из залов Музея Анекдота будут, конечно, лететь два крокодила — один красный, другой в Африку, — ибо поэтика абсурда славно повоевала в те годы на наших кухнях и в курилках. Подобный

юмор не случайно был у властей не в чести: государственный абсурд изо всех сил старался придать себе черты эпической целесообразности и разумности — и чурался меньших своих аналогов (напрасно, впрочем, поскольку был он — вне конкуренции).

Действительность двоилась в противоречивой ее интерпретации. С одной стороны — легендарный герой гражданской войны В.И. Чапаев, с другой — «Петька, гони козу с кровати!» С одной — «Товарищи! Революция, о которой так много говорили большевики, свершилась!», с другой — «...а теперь — дискотека!» С одной — помощь братской Чехословакии, с другой — уточнение: «Что такое танк? Карета братской скорой помощи». С одной — дальнейшее повышение благосостояния, с другой — маленькое, зелененькое, хрустит, но не деньги. С одной — об очередных мерах по борьбе с пьянством и алкоголизмом, с другой — Минеральный секретарь. С одной — «вся страна в трауре», с другой — «Товарищи, вы будете смеяться, но нас постигла очередная тяжелая утрата». С одной — дедушка Ленин, с другой — «поколоть и отдать эсегам». Ну и т.д. и т.п.

Двоилось и наше сознание: не так уж и весело, коли все вокруг годится для высмеивания. И каково быть в натуре кривым человеком, ковыляющим по кривой дорожке, как в известном детском стихе...

А затем наступила, извините за выражение, гласность, и — странное дело — начали исчезать анекдоты. Жиденько пошучивали над Горбачевым: Лимонадный Джо. Или вот еще винные очереди называли — Мишкин хвост. В ход шли ремэйки: в старые баечки про Брежнева подставлялась механически фамилия нового генсека. Кризис смеховой культуры налицо. И напоминали мы тех зков, что, сидя в тюрюге, уже выучили все известные им анекдоты назубок и теперь только их порядковые номера называют. Например, 527 — и все валятся от хохота.

А с появлением на политической арене советского цирка Ельцина произошло и вовсе нечто невообразимое: народились анекдоты комплиментарные.

Один из первых — когда террорист с автоматом врывается на съезд и орет: «Где тут Ельцин?! Все испуганно показывают: «Вот он, вот он». А террорист: «Ну-ка, Боря, пригнись!»

Или вот такой: Ельцин и Полозков встречаются в узком коридоре. Полозков вызывающе встает в проходе:

— Я никогда не уступаю дорогу проходившим, имеющим дешевый успех у низкопробной публики!

— А я наоборот, — отвечает Ель-

цин и отходит в сторону.

Явление по-своему феноменальное, напрочь ломающее традицию высмеивания высших чинов государства. Сроду не существовало в анекдотах положительных героев — и даже милейшие Чебурашка или Винни-Пух представляли в устной интерпретации канальями и безобразниками. А тут вдруг — такой нескрываемый пиетет.

Что же — Ельцин так хорош? Ой, сомневаюсь. Да и поводы для хохмочек он и сам волей-неволей подкидывает: то мокрая какая-то история с мостом, то насчет киряния звучат инсинуации, то на рельсы лечь грозит. Сам, можно сказать, подставляется, а анекдотов, тем не менее, шаром покати. Один только «День» испражняется в мрачном зубоскальстве, сочиняя про Ельцина и Бурбулиса баечки как бы хармсовского толка, от которых, впрочем, разит изрядным дурновкусием. Хотя порой встречаются там действительно смешные каламбуры — например: Рельсын. Но это ведь — отнюдь не народное творчество, а профессиональная журналистская работа.

А народ — безмолвствует. Сочинялка, что ли, поломалась?

Газетные лотки пестрят разнообразными сборничками анекдотов — но это же все старье, абсолютное бз-у. Все сусеки выметены до зернышка, а нового смехового урожая в закрома не поступает. Абзац, господа: не до смеха.

Впору взгрустнуть.

Но если пошевелить мозгами, то с неохотой понимаешь: а ведь все верно, так оно и должно быть. Сарказм, ерничество, хохмачество — порождены несвободой. Наш организм выделял их как защитное средство, потаенным — из уст в уста — юмором мы оттягивались от гнусностей родимой действительности. Гнусностей, впрочем, и нынче с лихвой хватает — но язык свободен, как никогда, возможность говорить открытым текстом — к вашим услугам, и бесполезно уже валять дурака, чтобы сойти за умного.

Оказывается, с приходом такой ли, сякой ли демократии идет перераспределение не только материальных ценностей. Вот и юмор становится предметом элитарным. Или, скажем мягче, переходит из любительского разряда в общедоступности в категорию профессионального инструментария. И тот борзой стеб, с помощью которого ломали мы несколько лет нелепый совдеповский сарайце, уже не в жилу: он свое дело сделал. И останется просто одной из многих красочек на палитре записных стилистов.

А анекдоту — спасибо. Мавр сделал свое дело — так иди-ка ты на фиг, мавр.

Кирилл РЫБАК

ПРОВЕРЕНО. МИН НЕТ?

Вспыльчивый государь Петр Алексеевич (Великий) собственной своей царственной тяжелой ручкой частенько бивал недобросовестных поставщиков по казенным надобностям и бракоделов-производителей. Даже князю Меншикову, утверждают, как-то раз нос расквасил — за то, что «полудержавный властелин» и ближайший сподвижник осмелился снабдить армию гнилым сукном на мундиры. Так император «перестройщик» прививал подданным уважение к правам потребителя.

В лаборатории «Ростеста»

Фото В. Шишова

Потребитель — что ребенок: существо нежное, беззащитное. Всяк кому не лень может его обидеть, обмануть, всучить дрянь в яркой обертке. Нынешние просвещенные правители понимают это ничуть не хуже Петра Первого. Действуют, впрочем, не кулаками. Есть руководящие принципы Генеральной Ассамблеи ООН, издаются умные законы, призванные защитить, уберечь, спасти потребителя от всевозможных напастей. Важнейшая статья в этих законах гласит: «Потребитель имеет право на то, чтобы товары (работы, услуги)... были безопасны для его жизни, здоровья, окружающей среды, а также не причиняли вреда его имуществу». Клиент вправе требовать гарантий, что покупаемая им колбаса приготовлена не из стрихнина, а электробритва не сбредет вместе с бородой и кожу. Продавец обязан по первому требованию показать бумажку-сертификат: проверено, дескать, мин нет. Так принято во всем мире. Так, в принципе, должно быть и у нас. Весной прошлого года вступил в силу Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей», следом появилось постановление правительства «О поэтапном введении в 1992 г. обязательной сертификации товаров (работ, услуг)». С января нынешнего года ни одну вот такую запонку или пуговку нельзя продавать без сертификата, подтверждающего ее — запонки, пуговки — безопасность.

Товаров в России много — иногда хороших, чаще разных. Соответственно, на nive сертификации трудится громадное количество учреждений — сотня региональных центров стандартизации и метрологии, три сотни аккредитованных лабораторий. Есть и весьма экзотичные заведения: например, «Испытательный центр башенных кранов», или «Испытательный центр средств письма», или даже «Испытательный центр по испытаниям чистящих, отбеливающих, подсинивающих, дезодорирующих и пятновыводящих средств». Заметьте: средства письма и подсинивания не просто проверяют — их ИСПЫТЫВАЮТ, как сверхзвуковые истребители. Потому что партия токсичной синьки может принести бед никак не меньше, чем ненадежный самолет.

Простите, это действительно Российский центр испытаний и сертификации «Ростест-Москва»? А я уж думал — прачечная. Дух такой характерный: пахнет мокрым бельем и хорошим стиральным порошком. А еще этот звук... Источник звука и запаха обнаружился за ближайшей дверью: большой зал, длинные шеренги стиральных машин. Австрийские, немецкие, итальянские, британские. Шестьдесят шесть штук, двадцать две модели. Все крутятся, крутятся, что-то полощут, отжимают. Уже два месяца крутятся почти без перерывов — «отдыхать» машинам

положено не более полутора часов в сутки. Через полгода их, наконец, выключат. Составят заключение: по результатам восьмимесячных ресурсных рейтинговых испытаний агрегат А оценивается на три с плюсом, агрегат Б — на пять с минусом... Заказал эти испытания немецкий испытательный центр «Варинтест», заплатил в валюте. Немцы привезли машины, свое тряпье, свой стиральный порошок (вот отчего запах такой приятный). Вода, впрочем, используется вполне отечественная: московская, водопроводная.

А в прошлом году «Варинтест» и «Ростест-Москва» проводили совместные сравнительные испытания холодильников — на воспроизводимость результатов. Наш «Зил», кстати, получил в Германии оценку «хорошо». Но вообще-то специалисты «Ростеста» советуют с отечественными холодильниками быть поосторожнее — в последнее время они проявляют склонность к самовозгоранию. Почему раньше не горели? Так ведь внутренняя отделка выполнялась с использованием импортных полимеров. Теперь с импортом сами знаете как. А наши материалы — совсем не то. Что значит «не то» — показали в лаборатории пожаробезопасности. Две абсолютно одинаковые полоски одного и того же полимера (по крайней мере, завод-изготовитель утверждает, что материал один и тот же) вели себя совсем по-разному: первая сгорела дотла за двенадцать секунд, вторая — за во-

семь. Причем и тот и другой результат — явно неудовлетворительные.

«Этот холодильник вы тоже испытываете?» — «Уже испытали — годится. А пока его назад на завод не забрали — пользуемся. Проверенная машина». С точки зрения среднестатистического, измученного реформой гражданина, над этим весьма дорогостоящим изделием в лаборатории электробезопасности в последние дни попросту измывались: опрокидывали, «гоняли» на повышенном напряжении, засовывали в климатическую камеру, где доводили влажность до девяноста пяти процентов, имитировали всевозможные поломки, вырезали из несчастного агрегата элементы — всего провели шестьдесят пять тестов. Примерно такую же экзекуцию — в пятьдесят и более тестов — приходится выдерживать любой электросковородке и шашлычнице, любому уюту и тостеру.

В той же комнате, где обиходно учит сертифицированный холодильник, я приметил роскошную люстру в десять рожков. Опыты над ней только-только начались. Сперва поработает на износ — десять циклов по двадцать часов. Потом будут проверять сопротивление изоляции: на утечку тока, на пробой и Бог знает на что еще.

А вот электрофен. Где у него слабое место? Правильно — кабель (особенно в местах соединения с корпусом и с вилок). Соответственно, рвать надо, где тонко: к проводу подвешивают груз, сам фен крепят в специальном станке — и начинают раскачивать. Если после десяти тысяч колебаний кабель начнет «искрить» — забракуют.

Игрушки — это вам не игрушки. К ним вообще особый подход нужен. Наверное, поэтому в лаборатории по испытаниям игрушек работают исключительно женщины. Знаете, сколько требованиям должен отвечать вон тот заводной автомобильчик? Должен, но не отвечает. Его всего-то пять раз сбросили с высоты 85 сантиметров на твердую поверхность — а он и разбился. «Движущиеся части» перестали быть «труднодоступными» — не ровен час ребенок поранится. В выдаче сертификата отказано. Эта симпатичная на вид кукла тоже не годится — загорелась «под прямым воздействием огня». В углу — целая свалка бывших надувных кругов и мячиков — ни один из них не выдержал контрольного груза. Качели тоже не выдержали — оборвались. Родители, будьте бдительны! Простейшее испытание резинового пупсика, в принципе, любая мамаша может произвести, не выходя из магазина. Значит, так: берете пупсика и смотрите — есть у него свистулька в попке или нет. Если есть, пытаясь выковырнуть свистульку ногтями. Получилось? Брак. Свистульку выбрасываете от греха подальше, пупсика отдаете дитю — теперь, по крайней мере, у вас есть гарантия, что отпрыск не проглотит то, что ему полагается.

Сотрудников отдела испытаний пищевой продукции я застал за откупориванием бутылки спирта «Royal». Да нет, вы неправильно поняли. Испытывают печально знаменитый напиток, испытывают! Проверяют концентрацию, цветность, полноту налива. Вкусные качества тоже исследуют — куда ж без этого. Но главные тесты — на отсутствие вредных примесей.

Что интересно — химический состав определяется по степени прозрачности жидкости. А эталон в этом опыте — дистиллированная вода... С данной бутылочкой, похоже, все в ажуре: метанол отсутствует, сивушные масла — в пределах нормы. Значит, разлив не урюпинский. Можно пить.

В соседнем кабинете колдуют над индийским чаем польской расфасовки (фирма-посредник усомнилась в его качестве). Чай предстоит проверить по двадцати восьми позициям. Еще больше тестов должно выдержать молоко. Чрезвычайно жесткие стандарты — для овощей, хлеба...

Но тут меня, чувствуя, уже останавливают, уже хватают за отвороты пиджака и требовательно заглядывают в лицо. Послушайте, кричат, если этот «Ростест» проводит такие скрупулезные исследования, если там такая совершенная аппаратура, отчего же мы по-прежнему травимся творогом и спиртом, отчего нам продают мины замедленного действия под видом телевизоров? Объясните!

Объясняя. Сертификация по безопасности у нас, как и многое-многое другое, — процедура по закону строго обязательная, но по жизни — отчасти как бы и добровольная. (При этом отнюдь не бесплатная и не дешевая. Проверка на наличие восьми солей тяжелых металлов обходится заказчику в восемь—десять тысяч рублей, полная «обкатка» стиральной машины — в сто пятьдесят—двести тысяч.) Производители и посредники не слишком спешат выполнять правительственные распоряжения. Зачем? Зачем платить кому-то деньги, посылать куда-то образцы да при этом еще и рисковать, что продукцию твою забракуют? Вот, скажем, рейтинговые испытания стиральных машин, о которых говорилось выше... Ни один отечественный завод не согласился выставить свои агрегаты для сравнения с зарубежными. Даже бесплатно. Нам эти ихние рейтинги, дескать, без надобности — наши гробы родной покупатель и так с руками оторвет. Мы лучше медленно-медленно будем запрягать — может, через годик-другой уже никуда и ехать не придется.

«На Западе механизм выдачи сертификатов во многом определяется условиями конкуренции, — говорит заместитель генерального директора центра «Ростест-Москва» Борис Петрович Чумаков, — там производитель стремится завоевать рынок при избытии товаров. Поэтому фирма двадцать раз сама проверит свою новинку, прежде чем отправит ее на экспертизу в независимую лабораторию. Сертификат, подтверждающий безопасность, рассматривается как дополнительная реклама — на него не жаль денег потратить. Ответственность же за каждое изделие возлагается именно на производителя. А у нас...»

В российской экономике царят нравы Сухаревского рынка: «Не обманешь — не продашь», «Доход — на грош пятаков», «Проданный товар обмену и возврату не подлежит».

«Ростест-Москва», конечно, выполняет еще и контрольные функции. На то есть в структуре центра специальное подразделение — госнадзор. Аж пятьдесят человек трудятся в госнадзоре — на всю де-

ватимиллионную столицу, на весь московский регион. А надо бы — батальон десантников и пару БТРов. Насчет десантников — это, конечно, шутка. Но вот, скажем, госнадзорская дама прибывает на какую-нибудь спешно приватизированную оптовую базу — чтобы надзирать за безопасностью складированных на базе товаров. А навстречу одинокой даме выходит дюжина штатных амбалов с монтируемыми в руках... Тут уж не до смеха.

Возьмем другой вариант — без вышибал. Директор такого-то мясокомбината — цивилизованный законопослушный человек. Сам обратился в «Ростест», представил образцы. И центр таки выдал ему сертификат: колбаса «Останкинская» отвечает медико-биологическим требованиям. Но где гарантия, что завтра под тем же названием тот же комбинат не начнет гнать нечто совсем-совсем иное? Конечно, в договоре обозначено, что «Ростест-Москва» время от времени устраивает выборочные проверки. Но ведь все батоны до одного не проверишь! И как прикажете следить за графиком заповей технолога Сидорова?

У пожарных беда: отечественные огнетушители отказываются работать. Человек идет в огонь, но ничего, кроме свиста, извлечь из «пенгона» ему не удастся. Причем нет никакой возможности определить заранее, какая штукovina сработает, а какая нет: огнетушитель — изделие одноразового пользования. Тут требуется проверка всего производственного цикла. В развитых странах, кстати, принято испытывать и сертифицировать не только и не столько саму продукцию, сколько контрольное оборудование на предприятии. У нас же такого оборудования практически нет. В Москве — чуть ли не единственная импортная линия по производству пирожных, на которой ни один уважающий себя кондитер не соглашается работать: глупая железка категорически отказывается принимать маргарин за масло и мгновенно стопорится при малейшем изменении технологии. Где вы, неподкупные железки? Нет ответа. Нет у предприятий денег на такую роскошь. На то, чтоб каждую партию пирожных сертифицировать, впрочем, тоже денег нет...

Расстроил я вас, уважаемый потребитель? Извините, так получилось. В утешение — совет (у нас ведь по-прежнему — страна советов). Надо быть по-хорошему злым. В нашей общей зоне требуется усвоить главное правило опытного эзика: «Не верь, не бойся, не проси». Не верьте торговле, не бойтесь ее. Ничего у нее не просите — только требуйте. Требуйте, чтобы безопасность любой бездельницы продавец подтверждал сертификатом. Кое-где вас будут принимать за идиота — поначалу. Потом задумаются. И сами начнут требовать. Продавцы — от поставщиков, поставщики — от производителей. Тогда, глядишь, что-то изменится. И качество продукции будет такое же, как в известном рассказе Михаила Зощенко: «Вот это достижение! Это, действительно, не переплюнешь товар. Хочешь морду пудри, хочешь блох посыпай! На все годится».

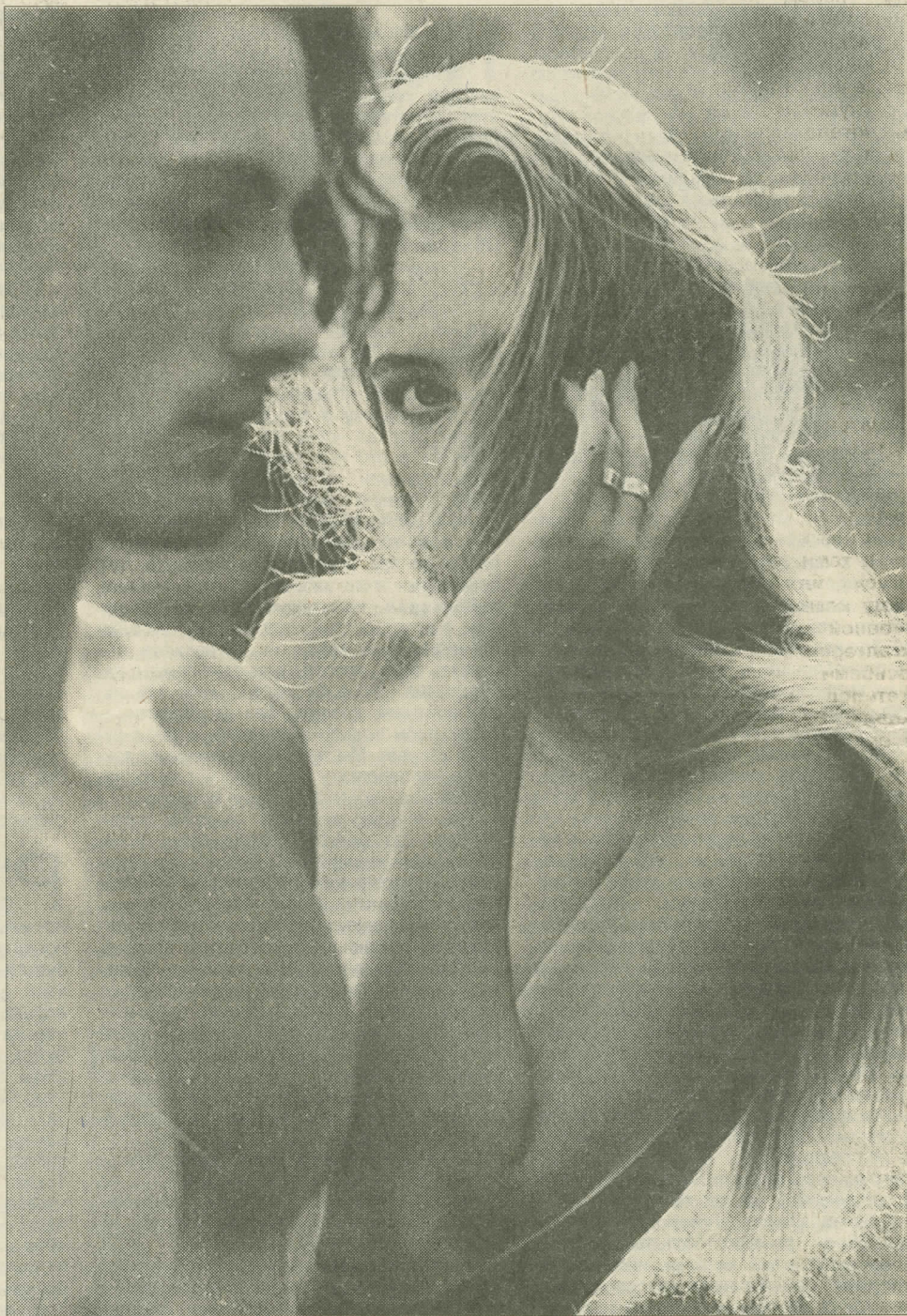
А на государство особенно рассчитывать не стоит — методы контроля, которые применял Петр Великий, давно устарели. ■

Ксения КЛИМОВА

ТЫ МЕНЯ — ЗА РУКУ, А Я ТЕБЯ — ЗА СЕРДЦЕ

— Ты не представляешь, какая запись на вечера одиноких! Позвонила туда утром. Отвечают: женские билеты распроданы до будущего года!
— Врут! И не продавали! Уверена: распределили по знакомым. Представляешь, что будет, если организуются брачные объявления. Туда тотчас сбегутся люди из торговли.

Э.Радзинский. Она в отсутствии любви и смерти. 1982 г.

Мы живем в эпоху, жестокою к сердцам, сказал драматург. С тех пор нравы стали еще жестче, юбки и цены еще выше, запросы и бюсты еще обнаженней. Но из-за дефицита на брачные объявления. И если бы историку грядущих времен пришлось в голову написать достойный диссер о нашем с вами современнике в период гибели морального кодекса строителей коммунизма, то лучшего материала ему не найти. Вот он сидит, умник, перед своим суперкомпьютером, перебирает пальцами клавиши, расслабился совсем, хихикает, почитывая трех-четырёхстрочные обращения из прошлого и вдруг...

Дрогнули и задымились схемы компьютера, и в недрах его родился и затих визг. А в череполое белиберды, замелькавшей на экране, вдруг высветилось неожиданное, непредусмотренное могучей программой: «Сударь! Если ваши достоинства и продажная любовь несовместимы...»

Это возник одинокий голос женщины, сделавшей узкое поле брачного объявления полем самоутверждения. Профессия у нее такая — сваха. Дальнейшее можно рассматривать как материал к диссертации, посвященной свахе, то есть ей, Антонине.

Она живет на переднем крае — между теми, кто «надеется на встречу», «станет верной женой и другом», и теми, кто «предлагает куннингус» или «ищет лесбиянок». Между коммерческими расчетами и любовной ворожкой, мольбой и бухгалтерским бланком. Между пресбыми одиноких и явлениями рэкетиров и аферистов. Бедный историк! Бедный компьютер! Бедное время?

Ненавижу мужчин, сообщает Антонина, порхнув к захлапленному редакционному столу. А внутри у меня все холодеет: опять сумасшедшая явилась! Как можно держать брачную контору и ненавидеть клиентов, тем более клиентов-мужчин? Но, на секунду поникнув белокурой по-мальчишески стриженной головкой, она так же интимно продолжает:

— ...покупающих женщину, как котлету. Представляют, они все приходят и полагают, что если женщина оставила свою фотографию и телефон в службе знакомств, то она уже им чем-то обязана. И бывают очень разочарованы, когда выясняется, что не обязана.

Первую истину, которую выяснила Антонина, сунувшись в тонкую область интимно-газетных отношений, можно высечь на мраморе золотыми буквами и возлагать сюда цветы или зажечь вечный огонь. «Мы живем в стране сексуально озабоченных мужчин и одиноких женщин. Причем насчет озабоченности — это она поз-

нала сама, давая в газетах различные объявления, в том числе и о знакомствах. Но это недолго. После визита юного атлета из Абакана, убеждавшего, что только она, Антонина, ему и нужна, и несогласного покинуть помещение, знакомиться с суженым-ряженым с помощью типографских значков она зареклась.

Но жизнь катилась дальше и совсем не так, как были проложены рельсы. Имея опыт работы манекенщицей и продавщицей с лотка, а также маленькую дочь и свидетельство о разводе, она вновь обратилась к рубрике «частные объявления», на этот раз с целью найти дело. Работу. Партнеров. Судьбу? Она писала сама и звонила. Звонили и ей. И все предложения сводились к одному, постыльному варианту. Она сообщала о том, что умеет, а ей предлагали проверить деловые качества там же — в койке. Так же, как знание английского, контактность, общительность и искусство печатать на машинке.

Не нужно быть большим специалистом по маркетингу, чтобы понять, в каких именно услугах нуждается человечество, и применить все свои качества, открыв очередную контору. Историк, бедолага, починил компьютер? Врубай! О-о-о!

«Симпатичный мужчина ищет рабыню-эксгибиционистку». «Молодая волшебница подарит сказочную ночь богатому господину». «Познакомлюсь с бисексуалом». «Привлекательные супруги ждут звонка от супружеской пары». «Очаровательные массажистки». «Куннингус для дам». «Казанова». «Девушки без комплексов...» «...без комплексов...» «без комплексов...»

С этой дискетой все понятно. А на другой?

«Надеюсь встретить доброго, непыщего...» «Стройная симпатичная, ласковая, Рак, ответит одинокому мужчине». «Холостяк, украинец, материально и жильем обеспечен, познакомится с целью создания семьи. Ребенок не помеха». «Отвечу на письма женщинам, занимающимся восточными единоборствами. С серьезными намерениями». «Надеюсь на встречу с...». «Надеюсь на встречу...»

Расчеты прилегают. За информационными сообщениями первого типа стоят услуги, оцениваемые в тысячи и десятки тысяч. Фирмы, имеющие дело с информацией второго типа, обречены на коммерческий неуспех.

Ну, это в грядущем столетии отделят зерна от плевел. В нашем веке все путают. И за сообщение в газете о маленьком брачном агентстве, которое Антонина все же решила открыть, ей предложили заплатить... натурой.

«Люди все путают», — сказал Ма-

ленький Принц. И Лис был с ним согласен. Что же сделать, чтобы они встретились и приручили друг друга?

— Действуй, — сказал Антонине печальный Лис в облике современного бизнесмена, торговца лесом и рыбой. — У тебя получится — ты всем как подружка. Может, к тебе валом повалит народ, которому, как мне, и поговорить не с кем, а найти — некогда. Денег я тебе дам, разбогатеешь — отдашь.

Так был разрушен первый миф — миф о счастье и удачах в личной жизни процветающих бизнесменов. В дальнейшем разрушение стереотипов происходило по одному в день. И по несколько раз в рабочий день случалась путаница. То по телефону требовали девушек на ночь, то обещали прижечь ноги уютом — полагали, что Антонина разбогатела.

А тем, кто пришел по адресу с серьезными намерениями — «налево, за углом, в помещении ГАИ, вход рядом», — стоило действительно стать подружкой. Болтать с ними по телефону и пить чай. Но как же ты будешь дружить с...

Он явился тоже с намерениями и тоже представился бизнесменом. Главой фирмы, имеющей печать. Печать оказалась чужая. Вот и пусть его теперь ищут люди, у которых он эту печать свистнул. Но что ответить женщине, дважды встречавшейся с ним и утратившей в результате его визита пару дорогих кожаных перчаток? Что он с ними сделает? Подарит новой возлюбленной?

Антонина приняла нестандартное решение: при обращении в фирму клиент вносит залог, равный стоимости полукилограмма сосисок, а если знакомство оказалось неудачным, залог возвращается. И еще — клиенты предъявляют паспорт. А если клиент — женат? Может ли он рассчитывать на помощь Антонины? Может. Но ему не разрешается выбирать — он поставлен в такие условия, что выбирают его.

А что у нас с выбором? Антонина разворачивает альбомы фирмы, над которыми трудился фотограф-профессионал. Батюшки, как эти красавицы ухитрились оказаться не замужем? И куда только мужики смотрят? Вот эту, американского типа, юную и пышущую здоровьем, в шортах модных, как выяснилось, мужики вообще узреть могут с трудом. Она работает в золотошвейной мастерской при церкви, верующая, но не зануда, очень милый и нескучный человек. Бегите, берите, обрывайте телефон. Но... что вы ей сможете предложить? Темноглазой мадонне, прижавшей к себе годовалого младенца, муж, больной и ревнивый, предложил поступить в сферу интим-услуг. Хорошо, что не отправил на панель. Мотивировал просто: ты все равно будешь мне изменять, коварная, так уж лучше

изменяй за деньги. Но не хочет она ни коварства, ни денег. Хочет быть любящей и любимой. А где она сможет встретить своего единственного и как он с ней обойдется — ответственна Антонина.

Историк, кажется, всерьез заинтересовался темой брачных знакомств.

«Давай выдадим меня замуж. Я никогда не была замужем. Я веселая! Меня в больнице зовут колокольчиком. Говорят: чем больше бьют, тем больше звенишь!» «Значит, пришла я на вечер знакомств. Массовик орет в микрофон счастливым голосом: товарищи после тридцати! Наконец мы собрались вместе, желаем вам приятного вечера и веселых встреч!» «Вера, я нашла тебе жениха. Но, главное, отгадай где. На кладбище! Ну и что? А одна моя знакомая нашла себе мужа на лестничной клетке. И счастлива».

В диссертации используется материал пьесы современного изучаемому периоду автора.

МИД всегда считался прибежищем

завидных невест. И пришла она — невеста из МИДа, этого Эдема, райского сада, куда пристраивали дочерей, лишь бы только вышли замуж за дипломатов. И с порога заявила: согласна. На все — на лимитчика, лысого и даже если из мест лишения свободы — был бы человек. Но только не знакомьте меня с этими, из МИДа. Знаю как облупленных. Угостят тебя чашкой кофе и думают, что ты уже им должна.

Самое смешное, что обратился в службу и сотрудник МИДа. Пятидесятилетний, обеспеченный, вежливый. Они должны были подойти друг другу — он и моложавая вдова, недавно отправившая в армию сына. И подошла бы. Не начни он уже после первой встречи звонить Антонине и интересоваться: «Ну, как вы думаете, с ней — можно? Ну, вы меня понимаете, — можно с ней?» Откуда она знает, что нельзя и что можно, когда даль никому не ясна, осторожна, тревожна. Стихи бы читал. Но люди не только все путают. Они еще и собственное счастье готовы не узнать, запутать, засунуть подальше или отравить ло-

жью и пошлостью.

Вот оно — что ни страница в альбоме, то чудо. Мастер спорта, была членом сборной. Ее обокрали по объявлению о знакомстве, теперь хочет знакомиться только с иностранцами — им наши шмотки ни к чему.

Или вот девушка — стихи пишет. Про мятый цветок что-то. А работала секретарем в той самой интим-службе, заказы принимала. И видела, какими девушки уезжают и какими возвращаются.

Или художница, всю жизнь провела в богеме, теперь молит: только бы не художник и не актер.

Девушка из иностранной фирмы — заигрывать с клиентами запрещено.

А вот эта, 26 лет, мастер на швейном производстве. От безнадёги вызвала к себе из фирмы «секс-услуги для женщин». Приехали три амбала. Заплатила, чтобы уехали. Без услуг.

Есть невеста, которая содержит салон свадебной одежды и отпуск проводит за границей — пойдя такой найди пару. «Я нравлюсь тем, которым от меня что-то нужно», — говорит с тоской. Господи, что от нее может быть нужно, смотреть бы на нее и замирать от любви!

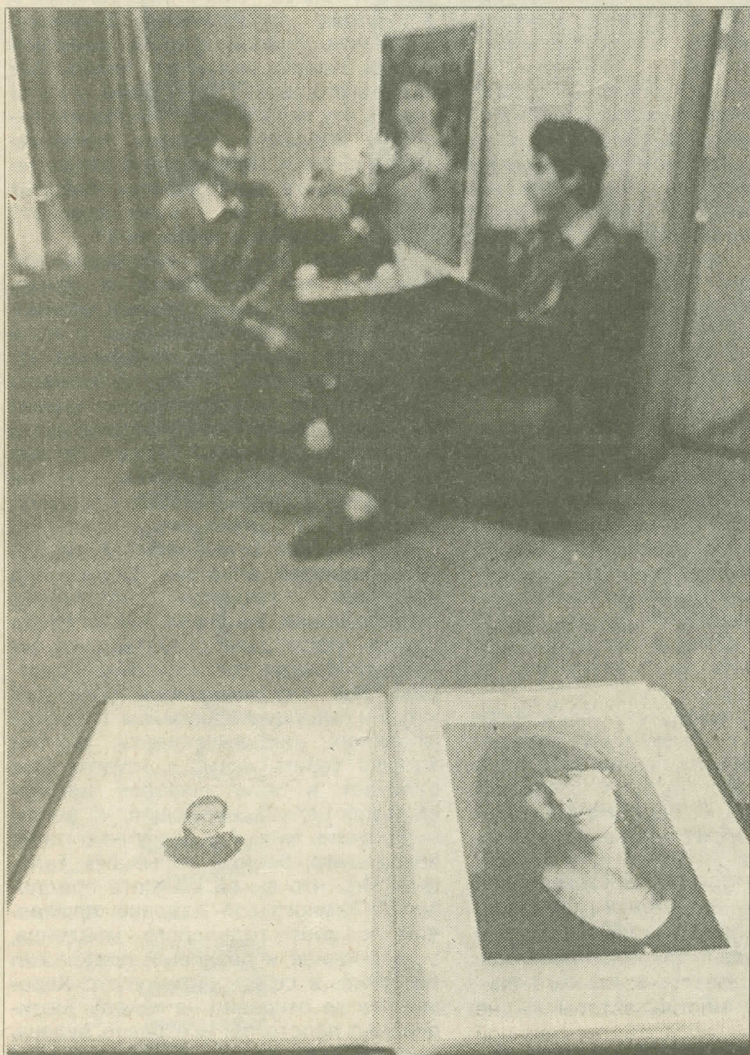
Пришел один деятель, вроде нашел себе невесту, потом говорит: «А у нее ребенок, это ж ему шубу надо будет к зиме покупать...» Дело было в ноябре. Так и ушел думать до весны.

Или пришел директор предприятия и все дрожал: а на работе не узнают, что я к вам обратился, там же все думают, что у меня все о кей? Не дай Бог, подумают, что не о кей!

Смешной случай был с замечательным парнем, шахматистом. Он часто играет за границей и, когда дома, старается выбраться на природу. Что ему рестораны наши? Пригласил девушку в лес съездить, а она испугалась, не пришла. Думала — насильник. А он хрупкий и интеллигентный.

Слушай, историк, ты сам-то женат? А что там у нас на дисплее? «Более щадящим в народе считается привораживание с помощью четверговой нити. В чистый четверг на рассвете надо спрятать льняную нить, незаметно обвязать ее вокруг пояса милого (милый) и спрятать нитку у себя. Пока она цела, сердечный друг не покинет вас». «Эффективен заговор: «Млад месяц, увивай около меня, как я увиваюсь около тебя». Заговор производится ночью, как взойдет молодой месяц. При этом нужно обернуться на пятке правой ноги через левое плечо». «Когда он возьмет вас за руку, скажите мысленно: ты меня — за руку, а я тебя — за сердце». О-о-о!

Фото Ю.Владимирова

Н.А.Бонк многие люди принимают за мужчину. Они говорят: «Учиться по Бонку» или «Бонк — прекрасный знаток английского языка». «И вообще, — говорят они, — хорошие этот Бонк пишет учебники». И вот толпы студентов и абитуриентов, бывает, даже после сдачи самого-самого последнего экзамена по английскому языку так и не узнают, что Бонк Наталья Александровна на самом деле обаятельнейшая женщина. Она уже не молода, но выглядит фантастически хорошо — на «чуть больше сорока». Преподает сорок шесть лет, из них последние тридцать — во Всероссийской академии внешней торговли. До сих пор пишет учебники. Последние работы — «English. Coursebook for Beginners» — в соавторстве с И.И. Левиной и «Английский

Фото Э. Куарьявского

язык для международного сотрудничества», написанный без соавторов. Впрочем, до недавнего времени наиболее известным был двухтомник, написанный более тридцати лет назад молодой «командой» — Н.А.Бонк, Г.А.Котий, Н.А.Лукьяновой и Л.Г.Памухиной. До сих пор он прочно удерживает первенство на рынке, в чем можно легко убедиться, подойдя к любому московскому книжному лотку. По причине столь редкой популярности можно было бы поздравить Наталью Александровну и ее соавторов с заработанными на переиздании учебников миллионами. Но, увы: их миллионы тратит кто-то другой. А сама Бонк и ее коллеги имеют шанс попасть в Книгу Гиннеса как авторы наибольшего количества незаконно изданных книг.

АНГЛИЙСКИЙ — НА ЗАВТРАК, АНГЛИЙСКИЙ — НА ОБЕД

— Наталья Александровна, а сколько все-таки издано пиратских экземпляров ваших учебников?

— Подсчитать трудно. Миллионов пять-шесть. Мне постоянно рассказывают, что то или иное издательство выпустило наш учебник. В последнее время наши книги вышли в Барнауле, Новосибирске. К тому же книжное пиратство стало приобретать, так сказать, международные масштабы: недавно большую партию двухтомника напечатало бакинское издательство «Азербайджан» — разумеется, без ведома авторов и без указания на их авторское право (copyright). Учебник «English. Coursebook for Beginners» таким же образом опубликовало и распродало киевское издательство Сельхозакадемии Украины...

Вообще, если не принимать во внимание морального аспекта этой проблемы и пренебрежительного отношения к авторам (хотя, конечно, отвлечься от этого трудно), может сложиться впечатление, что пи-

ратство — это, с определенной стороны, даже хорошо: книг выпущено так много, что каждый желающий может их купить. Но ведь при незаконном переиздании учебников не обращают внимания на очень важные вещи. Например, на год издания книги, с которой сделана перепечатка, что может подумывать об авторах читатель, если он, купив книгу и придя на занятия, обнаружит, что приобрел учебник тридцатилетней давности? Видимо, издатели решили напечатать абсолютно все, что у них было за душой.

— Как, на ваш взгляд, «светит» ли нашему рынку учебной литературы что-нибудь хорошее?

— По-моему, если в ближайшее время не появится закон, охраняющий права авторов, то учебники будут писать лишь немногочисленные энтузиасты. Наше законодательство позволяет делать то, из-за чего сейчас страдают многие авторы — не только учебной, но и художественной литературы. Интеллектуальная

собственность у нас никак не защищена. Если у человека угоняют машину, возбуждается уголовное дело. А если без ведома автора издадут его книгу (то есть крадут интеллектуальную собственность, а потом по всей стране торгуют краденым), ничего не происходит. Ну что может автор? В газету пожаловаться? Кстати, нам пираты в последнее время стали звонить, «налаживать отношения». И знаете, как они Галине Акимовне Котий объяснили незаконное переиздание учебника? «А мы были уверены, что вас всех уже нет в живых». Хорошо, но ведь хоть один из членов семьи должен был выжить!

Надо сказать, что написать учебник — дело чрезвычайно кропотливое, требующее нескольких лет упорной работы. Но этот труд совершенно не стимулировался системой оплаты в госсистемных издательствах бывшего СССР. Принцип был таков: чем вас больше издавали, тем меньше вам платили. Сейчас не защищенные законодательством авторы рискуют вообще

лишиться какого бы то ни было вознаграждения. И это затрагивает не только их собственные интересы, но и интересы всех обучающихся — от школьников до предпринимателей и дипломатов. В условиях рынка вряд ли кто-нибудь возьмется за столь ответственное и тяжелое дело — писать учебник — без надежной защиты своих прав и достойного вознаграждения.

— Наталья Александровна, извините за нескромный вопрос, а как оплачивался конкретно ваш труд? Вы участвовали в составлении пяти учебников. Вот сколько вы получили за первый свой учебник и сколько — за последний?

— Ну, тогда — в 1960 году, — я не помню точно, сколько я получила денег, но на них мы впервые купили спальную гарнитуру. Рижский, из настоящего дерева. А Наталья Анатольевна Лукьянова, которая растила четверых детей, я думаю, одела их и вкусно накормила. На гонорар за последний учебник мы починили машину и купили набор красивых кастрюль. Знаете, если бы мы объявили свои доходы, очень многие, наверное, удивились бы. Разумеется, мы не голодаем и даже позволяем себе дорогую колбасу. Но на такую роскошь, как дача, рассчитывать не приходится. На новую машину — тоже. Будем до упора чинить свою «савраску». Я не жалею, но еще раз повторяю: этот труд должен оплачиваться иначе, так, как принято во всем мире.

— Наталья Александровна, ваш последний учебник называется «Английский язык для международного сотрудничества». Он адресован бизнесменам?

— Нет. Я выбрала это название, чтобы показать основную задачу учебника. Это продолжение «English Coursebook for Beginners». Он предназначается для людей широкого круга специальностей, которым

английский язык нужен для контактов с зарубежными партнерами. По этому учебнику может заниматься и тот, кто когда-то учил язык, но забыл его, и даже самоучки. Я старалась сделать книгу для людей, у которых нет денег на репетитора. Учебник был опубликован СП «Прин-Ди», которое выпустит и кассеты к нему... В своей работе я стараюсь сохранить русскую методическую традицию.

— Что это за традиция?

— В России всегда было престижным хорошо знать иностранный язык, а лучше несколько. Иметь хорошее произношение, грамотно говорить. И в российской методической школе — особенно в школе обучения иностранным языкам взрослых — есть такие же блистательные достижения, как в области балета, где мы, как известно, впереди планеты всей. Я имею в виду в первую очередь методику, родоначальником которой является Лев Владимирович Щерба. И сейчас было бы обидно все это утратить.

— А как вы относитесь к интенсивным курсам иностранных языков?

— Этот вопрос напоминает мне рассуждения о том, какая музыка лучше: классическая или джазовая. Обучающая система должна быть грамотной, интересной и эффективной. Принцип же может быть любым... Но я не верю, что язык можно выучить за короткий срок, и к тому же без труда.

— Скажите, а где вы сами учили английский?

— Самое интересное, что дома и в школе я учила немецкий язык. Тогда в семьях средней интеллигенции было очень модно учить детей немецкому. Для этого приглашали старых немков, которых в Москве было очень много. После войны, конечно, все изменилось. Так вот, в 1942 году я поступила в институт иностранных языков (нынешний МГЛУ). И пошла в

английскую группу. Ну и выучила... Я, кстати, не имею ученой степени. И мои соавторы — тоже. Одновременно писать учебники, защищать диссертацию и растить детей очень трудно.

— Наталья Александровна, признаться, вы учили английскому генсека Андропова?

— Я?!

— Ну да. Я слышала такую историю. Однажды ночью к вам в дверь требовательно позвонили. Это оказались «люди в штатском». «Собирайтесь, — сказали вам, — возьмите все необходимое для занятий, будете учить английскому одного человека». Вас посадили в зловещую черную машину и повезли...

— О, если бы такое в моей жизни произошло, я думаю, моя семья располагала бы сегодня большими средствами. К верхам я приближена не была. Правда, когда я была маленькой, училась в одной школе с детьми Сталина. Василий был на три класса старше, а Светлана — на год младше меня. Мы вместе занимались гимнастикой.

— А в гости к Светлане вы попадали?

— Нет. Как-то раз я была в гостях у дочери Маленкова. Мы учились в одном классе. Кстати, помню, что на всех родительских собраниях Иосифа Виссарионовича ставили другим родителям в пример как наиболее внимательного отца, поскольку он всегда аккуратно подписывал детям дневники...

Сначала Наталья Александровна отказалась фотографироваться, но потом согласилась — при условии, что мы запечатлеем и кота Мурзика тоже. Выполняем. Кто-нибудь поверит, что этой женщине почти семьдесят лет?

Елена АВЕРИНА

Видеопроекторная техника с диагональю экрана от 1,15 до 5,5 метра. Новейшие модели превосходят лучшие японские образцы. Высокая яркость позволяет использовать при дневном свете. Имеется возможность подключения к компьютеру.

275-58-68
928-99-09
923-19-71

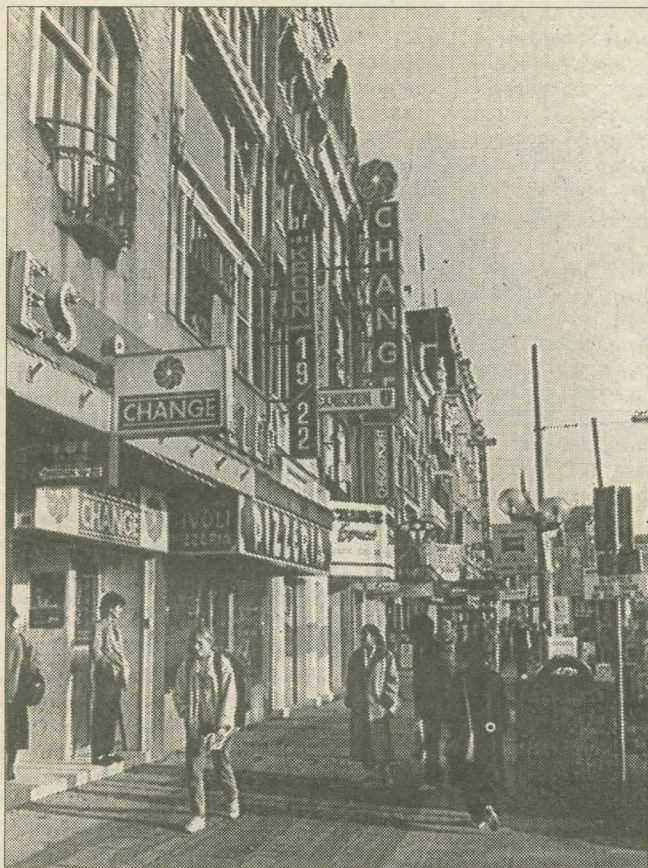
ЦЕНТР ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

ФИРМА «КРОН»

- Ремонт копировальных аппаратов «CANON», «MITA», «RICOH», «SANYO», «SHARP»
- заправка картриджей
- поставка комплектующих и расходных материалов
- продажа копировальных аппаратов

Тел.: 432-90-00, 431-05-98; Факс 431-19-98
Москва, ул. Новаторов, д.14, корп. 2

Владимир ВОРОНОВ

НАШИ

В АМСТЕРДАМЕ

Амстердам прекрасен в любое время дня и ночи, в любое время года, при любой погоде. Его каналами можно любоваться бесконечно, его архитектура заставляет вспомнить эпоху Петра Великого и почему-то мушкетеров Дюма. Не счесть сокровищ, хранящихся в его музеях. Рейксмюсеум, Морской музей, Дом Рембрандта... Но и за границей нет зрелища интересней, чем соотечественник. Даже в Амстердаме.

О чем думаете вы, пересекая Европу на поезде (если, конечно, вам выпадает такое)? Я поймал себя на мысли, что автоматически прикидываю мелькающие немецкие и голландские дороги на танкодоступность и танкопроходимость... Надо же, в самом центре Европы сказалось перманентное «военно-патриотическое» воспитание, начатое еще в детсадовские времена. Сектор поиска потенциального противника работал в моем подсознании на автопилоте. Зато рядом, в коридоре купейного вагона мои менее милитаризованные сограждане деловито вполголоса обсуждали, где проще получить политическое убежище — в Германии или в Нидерландах?

Милитаристское подсознание, мой внутренний «гомо советикус», продолжило свою битву даже на берегах тишайших амстердамских каналов. Его не смогли поколебать и более веские аргументы — типа роскошных витрин — все было известно заранее и вполне ожидаемо. Навязчивые идеи милитаристского толка оставили меня совершенно внезапно — я забыл о них в одночасье, как только нога ступила в таинственный полумрак знаменитого амстердамского квартала Красных фонарей, Красного квартала. Я понял: стоит постоянной

его труженице в очаровательном неглиже появиться в окне-витрине, призывно улыбнуться — все, хана, «наши» здесь не пройдут, даже на танках.

Да, Красный квартал ошеломляет и манит. Вначале. Потом загорается крамольная мысль: «А что, если...» — и машинально начинается подсчет личных валютных резервов. Вывод очевиден: «Очумел?! Да по отечественным ценам за такие деньги можно пол-Тверской снять!» Так, переведем дыхание, посмотрим на шествующих рядом коллег (в служебной командировке оказаться в злачном месте без них? Наши традиции такого не допускают). Коллеги скрипя зубами пересчитывают гульдены, доходчиво разъясняя, что они думают об их количестве. После чего сурово заявляют: «Нас дома жены ждут, эксперименты нам ни к чему. А вот холостяку мешать не будем». Решительным жестом прячу деньги и изрекаю: «На свои кровные экспериментов не провожу». Пробурчав нечто вроде «на халю и укус сладок», попутчики утешают себя и меня тем, что в таком злачном месте запросто могут ножом пырнуть или притопить в канале. И вообще, мало ли... Но впечатления так велики, что еще дня три между собой мы изъясняемся исключительно на «великом и могучем» — выражать

эмоции по-другому сил уже нет.

Вообще-то по такому райскому месту приятнее гулять в одиночку. Чем ближе к полуночи, тем меньше остается одежд на взвизгивающих из окон прекрасных дивах, собранных со всех концов света. Что немало шокирует не только меня, но и дефилирующего неподалеку представителя славного штата Арканзас или Иллинойс, не столь давно оставившего свою ферму, чтобы взглянуть на лучшие места старушки-Европы. По его остолбеневшей фигуре и открывшемуся в изумлении рту становится ясно: у них там, в Айдахо или Огайо, с сексом тоже туго, не лучше, чем в нашем «совке». Девушка, на которой уже мало что осталось, не считая тапочек, восприняла это по-своему и, ласково улыбнувшись, сделала призывный жест: входи, дорогой, гостем будешь! Опешивший американец наконец вышел из столбняка и во всю свою фермерскую хриплую глотку проорал по-английски нечто сочное. Переводить это следовало бы так: «Мужики! Гля, баба голая!» Сбежавшаяся со всех сторон толпа американских курсантов — от жлобов до старушек-одуванчиков — изумленно выдохнула: «О-о-о! Голая!» Обидевшаяся представительница древнейшей профессии сделала неприличный жест и рявкнула на хорошем английском: «Американские импотенты! Катитесь...» Вполне удовлетворенные таким ответом экскурсанты покатали прочь.

Обуреваемый исключительно чистыми и невинными мыслями, отдавая душой и расслабляясь, продолжаю свой путь по кварталу. Дамы улыбаются мне, я подмигиваю в ответ. Но вдруг в этот благостный и эфирный мир из-за угла крадучись вливается оставленный в гостинице компатриот, коллега по работе... Конечно, он тоже балдеет, посасывая из прихваченной банки пивко и постреливая глазами по сторонам, кому-то подмигивает... Так сталкиваются в море корабли. Его физиономия мрачнеет, гармония уже разлетелась вдребезги, воздушного замка больше нет, и возникает желание, по-видимому, обоюдное, дать соотечественнику хорошего пинка... Запомните, если вы потеряли соотечественника в Амстердаме —щите его в Красном квартале.

Амстердам словно создан для больных синдромом майора Пронина. Видишь крадущегося с пистолетом Эмиля Боева (болгарский Штирлиц, читайте на ночь романы Райнова), возникают сцены из известного бестселлера Виктора Суворова (читайте перед сном «Аквариум»), исчезают на дне бесчисленных каналов трупы жертв советской развед-

ки, глаза застилает золотистая дымка — это мерцает золото партии в подвалах и сейфах голландских банкиров... Зря, что ли, с детства приучали охотиться за шпионами?! И наша заброшенная на Голландчину тройка замурзанных работников умственного труда начинает добросовестно выявлять агентуру в собственных рядах. Исследование, естественно, ведется только на предмет принадлежности к зловещей отечественной спецслужбе, поскольку возможное сотрудничество с ЦРУ, Сикрет сервис, Моссадом, абвером и китайской разведкой абсолютно никого не волнует. Заявления отдельных товарищей типа «я, как жена Цезаря, то бишь, член «Мемориала», вне подозрений» вызывают лишь зловещую усмешку: попался!

Дух Штирлица витает над нами... А американский фильм, увиденный по телевизору в первый же день нашего приезда, лишь подогрел страсти, материализовав незабываемый образ Железного Феликса. Стоило ехать за тысячи километров, чтобы в центре Европы увидеть фильм про советских шпионов! Злобные амбалы с квадратными челюстями пытали невинную жертву в забрызганном кровью подвале советского посольства в Вашингтоне, посол же, засучив рукава, лично давал амбалам ЦУ: «Кончай его!» И это без перевода, на русском! Стоит ли говорить, что инструкция московского начальства об обязательной постановке на учет в отечественном консульстве после просмотра такого фильма была отменена. Попытавшийся об этом заикнуться коллега был встречен красноречивым взглядом... После адаптации, на втором витке штирлицемании мы дружно пришли к единственному выводу: на КГБ, ГРУ, ЦРУ и Моссад, несомненно, выкалывает шеф принимающей нас

голландской фирмы. Квартира, где нас поселили, была тщательнейшим образом исследована на предмет нахождения скрытых микрофонов.

Увы, «клопы» так и не были найдены, после чего мы здраво рассудили: кому мы тут нужны... Это было обидно...

В первые дни нас серьезно волновала проблема, пардон, туалетов: платные ли они тут. Что в Париже они платные — я знал, друг предупредил. Он же дал всеобъемлющую инструкцию по удешевленному способу проникновения в заветную кабинку: «Бросаешь монетку, дверка открывается, и... вы все дружно вламываетесь туда. Вот только парижане как-то не так смотрят: десять мужиков в одну кабинку. Две женщины или двое мужчин — им понятно, мужчина и женщина — тем более, но чтоб сразу десять мужиков — такое даже для них в диковинку». Наши страхи оказались беспочвенными — платных заведений нам так и не попало. Зато стоящие посередине улиц железные полуоткрытые будки — один к одному наши пляжные раздевалки — нас потрясли: мало того, что бесплатно, так еще и прямо на мостовую там надо...

«Вы были на Ватерлоопляйн?» — этот вопрос достает вас чуть ли не в каждом разговоре с амстердамцами. Как же мы могли не посетить это святое для каждого прибывшего из «совка» место?! И в эпоху недоразвитого социализма, и в эпоху недоразвитого капитализма святыней был и есть рынок, то есть барахолка, коей и была знаменитая здесь площадь Ватерлоо. После первого же визита мы сделали вывод: через Ватерлоопляйн в организованном порядке прошел не один отступающий советский полк, не один десяток флотских экипажей — мо-

Фото автора

Фото ИТАР — ТАСС

жет быть, с затонувших кораблей Балтийского флота... Такого изобилия разнообразной воинской амуниции видеть не приходилось за всю жизнь. Ватерлоопляйн — не просто святыня. Это памятник советскому прапорщику, несгибаемому старшине-каптерщику, не забывающему об оказании гуманитарной помощи Западу в обмен на чисто символическую финансовую... Ремни, флаги, пилотки, фуражки, каски, кители, шинели, петлицы — на любой вкус. Море погон темно-синего цвета с таинственными буквами «ГБ» и явное преобладание кителей и шинелей с такими погонами пугало и озадачивало: здесь, в центре Европы, бесследно исчез, растворился полк — нет, целая дивизия КГБ! Роты спецназа бродят по улочкам Амстердама, боевые пловцы бороздят каналы старого города, засоряя канализацию... Волосы вставали дыбом от ужаса. Но, может, именно этих, исчезнувших в дебрях Европы чекистов и не хватило путчистам в августе 91-го?

«Тарас Шевченко», «Тарас Шевченко», «Тарас Шевченко»... Казалось, весь город объят ужасом и ходит на растревоженный улей. В глазах знакомых читался тихий страх грядущего Апокалипсиса, все говорили об одном: «Тарас Шевченко». Амстердам ждал, затаив дыхание: из города на Неве своим обычным рейсом шел лайнер «Тарас Шевченко».

Начиная очередной круиз вокруг Европы простым пассажирским судном, у голландских берегов «Тарас Шевченко» превращается в «Аврору», залпом бортовых орудий возвещающую о наступлении новой эры. Временной, но новой. А может быть, это «Гранма», несущая на борту десант застоявшихся граждан «совка», способных сокрушить любую цитадель империализма за каких-нибудь два-три часа. Но в отличие от «Гран-

мы» «Тарас Шевченко» свой десант забирал обратно вместе с обломками взятой цитадели.

Под руководством многоопытных экскурсоводов вал пассажиров петербургского лайнера методично захлестывает «русский» магазинчик рядом с местом нашей работы. Сдав товар, группы организованным строем уходят на продолжение экскурсии. На Ватерлоопляйн. Все выверено десятками рейсов. «Это «русский магазин»? Где Ян?» — и на прилавке перед издерганным продавцом появляются килограммы орденов, груды фуражек, батареи водочных бутылок и шеренги самоваров. «Наши» ведут торг, ожесточенно и яростно сражаясь за каждый гюльден.

— За этот самовар мне надо двести долларов, — безапелляционно заявляет упитанная дама.

— Но у нас такой же продается за 150 гюльденов, а покупаем товар мы только за полцены.

— Ладно, сколько это в долларах?

— Если считать от 75 гюльденов, то примерно сорок долларов.

— Но почему вы отсчитываете мне гюльден? — взвизгивает дама. — Зачем мне эти сраные гюльдены, что на них купишь?! Давайте мне доллары!

— Мадам, в этой стране одна валюта — гюльден. Другую здесь у вас нигде не примут, никаких «Березок» здесь нет.

— Нет, меня не проведешь! — дама уже в истерике. Продавец со стоном падает под прилавок, прекращая понимать по-русски, одновременно переходя на отшлифованный русский матерный... Следуют долгие объяснения: доллары здесь можно купить на каждом углу — в обменных пунктах. Но зачем они здесь нужны?

— После Голландии мы заходим во Францию и намерены там отовариться...

— Так там понадобятся франки, а

вовсе не доллары, и вообще во Франции цены значительно выше, чем в Амстердаме. И там придется менять доллары на франки, теряя проценты уже во второй раз...

Но дама все же ринулась к обменному ларьку менять гюльден на доллары, уверенная, что ее дурят...

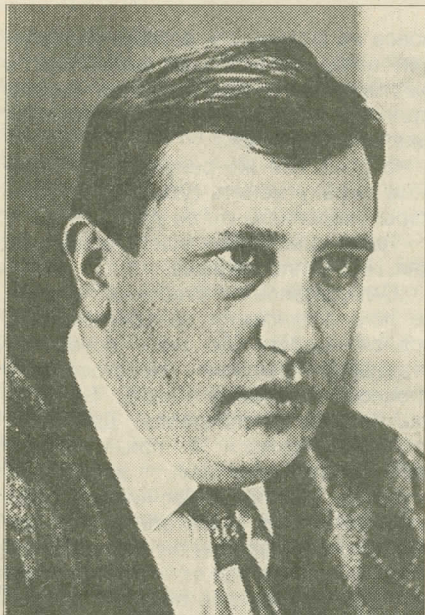
«Тарас Шевченко» ушел через два дня. Наступило затишье.

...Оглядываясь по сторонам, чуть ли не по-пластунски, к магазинчику Яна крался коллега. До меня донеслись отдельные реплики «переговорного процесса»: «Высший класс... Не шутка... Пошиты на спецзаказ... Для самого... Какая кожа...» Ян принял пакет, мой соотечественник, довольный, удалился, на ходу пересчитывая гюльден. Ян что-то старательно выводил на картонке. Наконец он кончил писанину, развернул пакет и поставил на витрину пару хорошо пошитых шевровых генеральских сапог. На ценнике значилось: «Сапоги маршала Язова...» Эх, ну что мне стоило захватить с собой шинель генерала Макашова?!

Приятнее всего было вечером, сидя в мягком кресле, потягивать из бокала «Хейникен». Если по телику крутили не шпионские фильмы, то чаще всего почему-то мелькали кадры 90-го года: академик Примаков целует Саддама Хусейна, а тот с удовольствием отвечает поцелуем на поцелуй будущего шпиона № 1. Здесь, в сотне-другой метров от Красного квартала понимаешь по-новому: что ж, есть такая любовь, суровая, мужская... Может, даже взаимная и с первого взгляда...

Когда поезд пересекал границы, увозя меня обратно, я спал. Во сне перед моими глазами проносился переливающийся огнями Красный квартал, где в зале «Эротикмюзум» под песни Тины Тернер вальсировала целующаяся парочка — усатый Саддам в шевровых сапогах маршала Язова и безусый академик Примаков. Грустно вздыхая, снимал все это скрытой видеокамерой Штирлиц, строча левой рукой шифровку Центру. Из подвала доносился голос посла: «Кончай его...» Спокойные глаза майора Пронина, одетого в форму проводника международного вагона, пронизательно смотрели из умывальника: «Все, приехали». И в самом деле — Брест. Приехали. Но я же забыл бросить монетку в амстердамский канал! Как же я снова вернусь в Амстердам?

Амстердам — Москва

Директор Останкинского
молочного комбината

Александр Германович ШЕВЧЕНКО:

«РЫНОК НЕ ТЕРПИТ ДИЛЕТАНТОВ»

Недавно А.Г.Шевченко возвратился в Москву
после учебы в Школе бизнеса
Дьюкского университета (США).

— Александр Германович, когда разговаривают с человеком, возвратившимся «из дальних странствий», обычно задают вопрос: как «там»? Мне бы хотелось начать с другого: как здесь — на взгляд человека, месяц изучавшего основы бизнеса в Америке?

— Знаете, контраст, конечно, разительный, в том что касается насыщенности прилавков, уровня жизни, развития производства. Однако это общеизвестно и не это главное. Важно, что общение с американскими бизнесменами укрепило меня во взгляде на Россию как на мощную возрождающуюся державу.

Американцы трезво смотрят на жизнь и достаточно реалистично оценивают то положение, в котором сейчас находится наша страна. Однако у многих из них проскальзывала — вы не поверите! — зависть к нам, российским бизнесменам. Ведь у них рынок очень плотный и по товарам, и по услугам. Предложить что-либо новое не просто, а зачастую и невозможно. У нас же поле деятельности широкое, надо только проявить желание и волю. Кроме того, страна наша богата и талантами, и природными ресурсами. Так что, уверен, поворот к лучшему не за горами. Важно только не шарахаться из стороны в сторону и двигаться к намеченной цели — рынку.

— А не возникло ли у вас желания круто изменить организацию труда на своем предприятии?

— Круто — нет. У нас сейчас успешно развиваются процессы по акционированию, переводу отдельных участков на хозрасчет. Другое дело — всем нам необходимо учиться работать качественно и интенсивно. Меня поразило, как быстро, много и ка-

чественно работают американцы. И нас рынок скоро заставит «крутиться» именно так. Иначе конкуренты вытеснят.

— А сейчас вы не ощущаете конкуренции?

— Сейчас зима, молочного сырья для переработки в Москву поступает мало, в городе ощущается нехватка молочных продуктов. Вот летом, в условиях его достатка, начнется реальная конкуренция, заработает рынок. Ведь покупатель возьмет тот продукт, который будет вкуснее, качественнее, с большим сроком хранения, в более удобной упаковке, а быть может, и дешевле.

Наш комбинат уже готовится к этому вхождению в рынок, готовится к конкуренции. Одно из направлений — работа по расширению ассортимента выпускаемой продукции. Уже начался выпуск нового диетического продукта — маложирного творога с прекрасными натуральными добавками. Это творог «Московский» с клубникой, малиной, персиком.

Если еще вчера из кисломолочных продуктов мы вырабатывали в основном только кефир, то сейчас приступаем к выпуску йогурта — продукта нового, но уже пользующегося очень большим спросом. Сейчас в Москве встречаются йогурты производства западных фирм, и, несмотря на высокую цену, они мгновенно раскупаются. Так что дело профессиональной чести для нас — создать в этом плане конкуренцию этим западным фирмам. Наш продукт будет, безусловно, дешевле, более свежий, а насчет качества готовы поспорить.

Работаем мы и в направлении снижения затрат на производство продукции: ведь в условиях рынка по-

бедит тот, кто сможет продавать аналогичный продукт по более низкой цене. Сейчас рентабельность у нас составляет около 15 процентов, что позволяет выпускать сравнительно дешевую продукцию. Немалую роль в этом играет мощный квалифицированный аппарат управления, который работает на нашем комбинате. Я вообще против бытующего порою мнения о том, что управление — «нахлебник» производства. Пора понять: чем сильнее, грамотнее управленческий аппарат, тем сильнее предприятие. Потому что в конечном итоге все решают профессионалы: рынок не терпит дилетантов.

Конечно, многим отделам управления следует перестраивать свою работу, особенно в плане проявления инициативы, выработки новых идей. Скажем, западные бизнесмены большое внимание уделяют маркетингу — изучению рынка сбыта. Можно сказать: для нас это не актуально, мол, наш покупатель возьмет все — прилавки-то бедны. Но это не так. Мы уже вплотную подошли к необходимости изучения и рынка, и рекламы. Например, производственникам важно знать, какие виды фасовки одного и того же продукта лучше берет покупатель, что играет большую роль в его выборе — цена продукта, его качество, упаковка и т.д. Реклама же должна сыграть свою роль для расширения ассортимента.

— Александр Германович, совсем недавно все молочные заводы Москвы работали в составе объединения. Менее полугода назад оно ликвидировано. Как вы оцениваете это сейчас?

— Промышленных монстров, которые работают на единый расчетный

счет, в Америке нет. Основу бизнеса там составляют мелкие и средние предприятия. Например, известная фирма «Макдоналдс» — это концерн, состоящий из отдельных предприятий, каждое из которых работает, в конечном итоге, на себя. Концерн никогда не станет перебрасывать прибыль с одного на другое, чтобы за счет процветающего поддержать того, у кого дела идут не лучшим образом. Забота концерна — соответствие продукции предприятия требованиям, которые к ней предъявляют, марке фирмы и т.д. Однако, считаю, молочные предприятия Москвы могли бы работать под одной «крышей» и дальше, решая сообща вопросы сырья, снабжения, но каждое на свой расчетный счет.

Сейчас перед всеми молочными заводами города встала серьезная проблема — постоянно сужается сырьевая зона, снижаются объемы завозимого на переработку молочного сырья. На уровне правительства Москвы эти вопросы не решить: необходимы серьезные вливания средств в сельское хозяйство. Уж если мы стараемся встать на путь развитой державы, необходимо взять направление на переработку только натурального молочного сырья. Ни одна развитая страна не использует в производстве сухое молоко. Его они продают в страны третьего мира, развивающиеся страны. В том числе и нам.

Конечно же, именно сельское хозяйство, думается, должно в первую очередь стать «головной болью» правительства России. Зарубежный опыт в этом плане имеется — и технологии, и техника, и научные рекомендации. Да и у нас немало оригинальных творческих разработок. И здесь опять же свое слово должны сказать профессионалы.

— А теперь расскажите, пожалуйста, о ваших впечатлениях от пребывания «там».

— Школа бизнеса Фьюкуа в Дьюкском университете США (штат Северная Каролина), в которой мне выпала удача учиться, была учреждена в 1969 году. С тех пор она занимает место в десятке лучших школ бизнеса США. Имя Фьюкуа эта школа носит в честь председателя правления компании «Фьюкуа Индастриз» Дж.Б.Фьюкуа, который выделил на развитие школы более 10 миллионов долларов в качестве личных пожертвований.

По его же личной инициативе весной 1990 года в рамках школы был организован Центр по подготовке советских менеджеров. В создание этого центра господин Фьюкуа дополнительно вложил 4 миллиона долларов.

Задача центра — обучение менеджеров России и других стран СНГ

принципам работы в условиях свободного рынка, содействие в установлении деловых контактов и взаимовыгодного сотрудничества с деловыми кругами США. Причем американская сторона полностью покрывает все затраты по обучению, питанию, проживанию слушателей.

— И сколько человек входило в вашу группу?

— Наша группа состояла из 30 человек. Сформирована она была из руководителей предприятий стран СНГ. «Пищевиков» в ней было всего двое. Предварительно все мы участвовали в конкурсе по отбору, где оценивались как профессиональный и интеллектуальный уровень претендента, так и показатели работы возглавляемого им предприятия.

— И как строился учебный процесс в Школе бизнеса?

— Каждый день был посвящен определенной теме. Накануне нам раздавали так называемые «кейсы» — пакеты документов, вопросов, задач по теме, которые вечером необходимо было решить. Первая часть занятия проводилась в форме лекции, вторая — в виде лабораторного занятия. При этом мы были разделены на группы по 6 человек, и каждая выдавала свое творческое решение «кейса». Преподаватель же в конце занятия, подытоживая решения, анализировал их. Характерно, что состав групп тоже каждый день менялся — чтобы не было «сработки».

К учебе американцы относятся очень серьезно. У них, например, введена такая система, при которой не только преподаватель оценивает уровень знаний студента, слушателя, но и слушатель в конце занятия ставит оценку преподавателю, отвечая на ряд вопросов об актуальности преподнесенного материала, доступности его восприятия и т.д.

Техническая база школы высока, и особенно интересным и эффективным было, на мой взгляд, занятие по компьютерному моделированию управленческих решений.

— Это будет интересно и нашим читателям — расскажите!

— Мы, как всегда, были разбиты на 5 групп, и они представляли собой конкурентов. Стартовые возможности были одинаковыми: исходный капитал, процентные ставки по кредитам, рынок сбыта... Наша группа, например, обсуждала два пути развития — выбросить ли на рынок большое количество дешевого товара для массового потребителя или же выпускать высококачественный товар для определенного контингента. Вставали и вопросы масштаба охвата рынка: ведь чем он шире, тем больше

затрат несет предприятие на ту же рекламу, содержание агентов и т.п. Важно было решить, заняться ли только посреднической деятельностью или же, взяв кредит, вложить деньги в развитие производства. Цена, расходы на рекламу, изучение спроса — все необходимо было продумывать на каждом этапе этой деловой игры. Решения вводились в компьютер, он обчислял их, выдавал данные о функционировании нашего «предприятия» по кварталам. Таким образом, в итоге работы за предполагаемый год определился лидер. Им, кстати, стала группа слушателей, в которую входил и я. Мы сумели вовремя уйти от торгово-посреднической деятельности, определить оптимальную цену своему товару, завоевать рынок...

— По каким еще направлениям была организована учеба?

— Знакомились с американским законодательством в сфере бизнеса, постановкой бухгалтерского учета, изучали маркетинг, систему налогообложения, отчислений в бюджет, постановку рекламного дела. Кстати, на рекламу западные фирмы тратят около 30 процентов прибыли.

— А одновременно с вами в школе учились американцы?

— Конечно. Две группы из американских фирм, одна из которых хорошо известна у нас в стране — «Джонсон и Джонсон», проходили в это же время учебу в Школе бизнеса Фьюкуа. Так что во внеучебное время мы много общались, присматривались к знаменитому американскому образу жизни. Дважды нас приглашали в гости на вечеринку преподаватели университета, мы побывали на одном из предприятий крупнейшей фирмы «Data general», которая специализируется на сборке компьютеров, познакомились с представителями нескольких американских компаний, с которыми в будущем, быть может, завяжутся партнерские отношения.

— А каковы американцы в быту?

— Очень дружелюбные, живые, шумные, любознательные, открытые. Особо ощущается дух соревновательности, который присущ американскому образу жизни: они стремятся во всем быть первыми, выдвигаться, хорошо, без халтуры работать, а значит, и хорошо зарабатывать. Это проявляется и в том, что они мало курят, мало пьют, потому что не хотят, чтобы что-то отрицательно повлияло на их здоровье, репутацию, на качество их работы.

Наверное, это одно из правил, которое и нам в будущем необходимо будет усвоить.

Беседу вела Людмила ЩЕГЛОВА

«И МНОГО-МНОГО РАДОСТЕЙ...»

Гадание по кремлевской елке

По новогодним кремлевским елкам опытный советолог всегда мог судить о положении страны и дать прогноз. Школьниками мы ходили туда только ради «подарка» — номенклатурной конфеты «суфле» и двух грильяжей, позже — таллиннской жвачки. В этом году в бывшем замке дракона снова была елка. Малыши радовались красивым башням, золотым куполам и предвкушали веселье: как хорошо! Но мы были насторожены. Мы испытывали знакомое презрение и тоску, дважды проходя милицейские кордоны, замечая, что местные телефоны украдкой работают за двушку, встречая безвкусно наряженных крошек и слишком серьезных мам и пап. А вот и спектакль. На чудесном заднике — зимний городок с луковками церквей и ятями на вывесках; появляются молодцы с топорами и девицы с коромыслами, а когда Дед Мороз посылает героев искать Красоту Несказанную и они, переговариваясь степенно, «по-народному», с былинными инверсиями, отправляются на поиски, нам, старым волкам кремлевских елок, все ясно: здравствуй, здравствуй, вечный придворный автор! Мы узнали его по выправке, но на сей раз он строго потешит

нас при помощи новых кремлевских ценностей. Их две категории: ценности общечеловеческие (кремлевские) и ценности национально-исторические (кремлевские). Дети, которые еще не знают, что красота спасет мир и чья именно это красота, и слабо понимают, что же ищут герои, обречены автором на ядовитую скуку. Им так настойчиво советуют стать «душою чище, а мыслями выше», что кажется — сказка адресована бывшим вертухаям и стукачам. Но дети в восторге хлопают, азартно визжат, а передние ряды облокотились на край сцены. Отчего же? Во-первых, музыка. Выйди эти мелодии Геннадия Гладкова на пластинке, она будет раскуплена вмиг. Во-вторых, хореография. Борис Барановский, чьи танцы не умилительны, а прекрасны и заразительно-свободны. Но главное чудо — «Сударушка», молодой ансамбль, восстанавливающий находки Надеждиной, давно позабытые «Березкой». Дети шалеют от плывущего шага девушек, надеются разглядеть между полом и подолом ролики и аплодируют, демонстрируя прекрасный вкус. Наконец, костюмы Татьяны Тулубевой: каждый из них украсил бы Диснейленд, и дети толпятся, чтобы сфотографироваться рядом с очаровательными злодеями. Перед этим весельем и нежностью меркнет неумолимый гуманизм либретто; и в незримой детям сказке, за развитием которой весь

спектакль следили мы, взрослые, кажется, тоже победило добро.

Олег ДОРМАН

СКУШАЙ МЕНЯ, СЫНОК

«Людоед»
«Казахфильм»,
реж. Г. Земель

Все. Резко полюбил ранее не очень любимые мною ихние фильмы ужасов. Сразу после просмотра нашего ближнезарубежно-казахского «Людоеда». С одной стороны, очень нужное кино, рассказывающее о знаменитом, еще Солженицыным описанном восстании гулаговцев в Кенгире, которое произошло в 1954 году, через год после смерти главного людоеда Страны Советов. По этой, так сказать, историко-политической части никаких претензий. Все реалистично и правдиво — зверства охраны, мучения эзков, рост самосознания, взрыв народного негодования, восстание и победа интернациональных сил, состоящих из коммунистов и рецидивистов, баптистов и евангелистов, а также «лесных братьев» и бандеровцев. И всеобщее ликование, и построение «лагерного коммунизма» за колючей проволокой. Но, как писали в школьных учебниках, исторические условия еще не созрели и восстание было утоплено в крови. Замечу: танковая атака лагеря снята впечатляюще. И вообще в этом фильме все впечатляет. Но и напоминает. Напоминает

многие советские ленты прошлых лет о восстаниях узников в фашистских концлагерях. Напоминает художественными приемами, персонажами, сюжетными линиями. Появляется ощущение, что режиссер не мудрствуя лукаво просто поменял у охраны лагеря эсэсовские мундиры на энкавэдэшные. Правда, есть в картине и кое-что новенькое, от перестроечного кино по наследству доставшееся. Это — гиперреализм в изображении жестокостей. И если уж охранник будет кастрирован эзка, то окровавленные гениталии вам покажут крупным, долгим планом. А если будут стрелять человеку в живот в упор из автомата, то камера подробно зафиксирует и ствол, постепенно погружающийся в тело, и ошметки плоти, вылетающие через дыру в спине. А чего стоит диалог в пустыне папы-эзка и спасшего его из лагеря сына-чекиста: скушай меня, сынок, ты должен выжить, чтобы рассказать людям правду. И сынок свято исполнил последнюю просьбу отца и теперь гордо и скорбно повествует нам об этом. Бр-р-р! Нет, все же ихние ужасы лучше, светлее и чище, я бы сказал. Уже хотя бы потому, что рассказ в них ведется с точки зрения нормального человека, а не людоеда. Пусть даже и весьма положительного по мысли авторов.

Петр СМИРНОВ

СОЮЗ АРХИТЕКТОРОВ ГАРАНТИРУЕТ

Выставка
в Художественном салоне
СА России
ул. Щусева, 22

Вообще-то архитектура один из самых коммерческих видов искусства, надо только найти денежный мешок, который закажет проект особняка, эскиз дизайнера ресторана или на худой конец попросит спланировать застройку нового микрорайона. А если архитектор сидит без работы... А если на улице дождь и серые бетонные коробки встали поперек

Фото Б. Кудрявова

горла... А если любовь... Да мало ли когда архитектор вспоминает, что он еще и художник. И рождаются под кистью легкие акварели (как у В.Филиппова), монументальные графические пейзажи (панно В.Литвинова), трогательные букеты (натюрморты у В.Королева), чуть сюрные фантазии живописи Б.Редкобородого) или отражения в окне привычного пейзажа, удивительно непохожего на себя в светлый и пасмурный день (как у А.Хачатряна). Теперь работы эти можно выставить, а прочим не-художникам совершенно бесплатно смотреть и приобретать (естественно, за деньги) в салоне, открывшемся в Союзе архитекторов. Вход туда не заказан никому, потому что цены, как отметил бы строгий эксперт «Ъ», гораздо ниже рыночных (арбатских), а качество гарантируется профессионализмом авторов. Между прочим, картины наверняка хорошо смотрятся в комнатах, они соразмерны жилью современного человека. Кто же может это гарантировать лучше архитектора, строящего квартиры?

Н.Н.

НАДВОРНЫЙ СОВЕТНИК — ТОТ, С КЕМ СОВЕДУТСЯ НА ДВОРЕ

«Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина» («Женитьба») Московский театр на Красной Пресне, реж. Ю.Погребничко

Гоголь сам виноват — написал комедию. Что же удивительного, если на премьере у Погребничко зрители хохотали до упаду. По духу — студия, театр на Красной Пресне привлекает постоянством. Та же небольшая компания, в том же хипповом прикиде (на сей раз из декольтированных телогреек), по-прежнему фантазируя реквизит и декорации из пары кирпичей, бревна и жестянки, по случаю украшенных клочком парчовой портьерной бахромы, рассказывает «Женитьбу» как байку, дабы

Фото В.Баженова

Сцена из спектакля «Женитьба»

не замерзнуть в широкой степи, о которой потом затянет песню. Гоголь вряд ли предвидел, что к концу XX века на шестой части суши перечень свадебных вин прозвучит столь нереально, что в виде компенсации на сцене придется водрузить самогонный аппарат. А Александр Сергеевич, да и сам Николай Васильевич, превратятся в гипсовые бюсты лагерной библиотеки. Однако, ежели писатель и не планировал такие «эротические» подтексты, не поручусь, будто он имел в виду исключительно мебель, говоря, что у одного из женихов Агафьи Тихоновны в доме ничего, кроме трубки, не стоит, а у другого был друг по фамилии Дырка. Актеры Погребничко в любом слове обнаруживают двойной смысл, по-клоунски возвращая понятие буквальное значение. Сваха вытаскивает изрешетившие мякоть ватника кровельные гвозди, объясняя, что ее чуть не прибили. Кочкарев, упоминая о говорящих глазах невесты, подносит оные к уху. Подколесин прикуривает от отпечатка ладони приятеля, удивляясь, что тот так горячо за дело берется. Что наша жизнь? Цирк на лесоповале. Так я понимаю спектакли Погребничко. Стоит ли защищать от режиссера персонажей Гоголя? Тех, кого сам писатель не упускал обозвать деревянными чурбанами? Погребничко лишь материализовал этот образ. В «Женитьбе» актеры, словно дети нищих, играют запеленутыми в холстину гнилыми чурками, утверждая, что это их души и мечты. Насмехаясь, режиссер

обнаруживает не праздный вопрос: любили ли друг друга Агафья Тихоновна и Подколесин? Комикование становится способом предьявить возвышенному счет.

Нина ТИХОНОВА

В ЧУЖОМ САДУ ПОХМЕЛЬЕ

«Нескучный сад» «Kino eye» (Лос-Анджелес), «Станбет» (Москва) и др., реж. В.Гинзбург

Я-то всегда думала, что эротика относится к интимной стороне жизни человека, но мне все время пытаются доказать, что это вуаль «теневого» стороны советской культуры. Примерно так характеризуют тему своего произведения создатели этой полуторачасовой «экспрессионистической» (тоже их определение) документальной картины. Как это скучно, господа... Хотя, признаюсь, что, несмотря на солидарность с заокеанским рецензентом, написавшим о «робкой советской порнографии», ваш фильм я смотрела с большим интересом и без возмущения его вульгарностью, которое с меньшей, на мой взгляд, вульгарностью демонстрировали представители прессы старшего поколения. Конечно, мучительно трудно поверить, что «многомерный портрет российской женщины», которая «восстает из руин, чтобы предьявить права на душу древней страны», — это пара десятков голых попок и всего, что к ним прилагается

природой с другой стороны (по-видимому, та самая «фронтальная нагота», что возмутила устроителей кинофестиваля в Торонто), плюс к ним Алла Сигалова (красивая и одетая), фотомодель журнала «Андрей» (раздетая), проституточка (одетая) и некая Катя Рыжикова, устраивающая умопомрачительные по безвкусице хепенинги (полураздетая). Но ведь можно и не верить этому. Можно написать в сценарии фильма, что он начинается «сборим все ключевых фигур московской контркультуры в Нескучном саду». А можно согласиться только со словом «сборище». Можно утверждать, что «Виктор Гинзбург создал честный до жестокости фильм». А можно напомнить, что эта полустершаяся от частого употребления сентенция ни в данном случае, ни в каком другом уже давно ничего не означает. И так далее. Насколько будет нескучным сад нашей жизни, зависит только от нас — ни революционные перемены, ни

Кадр из фильма «Нескучный сад»

годы застоя, ни хорошая косметика, ни раскованность телодвижений не могут сделать ножку маленькой, а сердце большим — хоть надень две шубы, хоть разденсь догола. Вопреки намерениям авторов, мне фильм сказал об этом. Но это я знаю с детства.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

Михаил ПОЗДНЯЕВ

ГИБЕЛЬ БОГОВ

О конце героического периода
русской литературы

Два недавних текста в «Столице» да еще два воспоминания столетней давности совпали враз в моем сознании, зовя к высказыванию, язык развязывая...

Заталкиваю его назад, вяжу наспех морской узел — ибо молчание целомудренной злословия, но тут как раз по телевизору показывают узкий круг людей, по преимуществу незнакомых (а даже назовите имена — чье, кроме Борового, на слуху?), — и это именуется нашей интеллектуальной элитой, собравшейся на церемонию вручения премии Букера за лучший русский роман 1992 года...

Пир олимпийцев, так надо понимать.

Нечто в этом роде произносится и в эфир, на всю матушку Россию: если мы, дамы-господа, еще имеем возможность вот так сесть, сладко попить-поесть, равные среди равных, а заодно и увенчать лаврами одного из нас, из наших, — не все еще, значит, для бедной России-матушки потеряно!.. Дамы — в платьях ничуть не вечерних (кое-кто и в блю джинс), господа — не во фраках, а ежели то, во что они облачены, допустимо именовать смокингом, так разве — имея в виду степень присыпанности сигаретным пеплом.

Букеровская лекция читается г-ном лауреатом наизусть, без заглядывания в шпаргалку и при цитировании: она выдержана в тональности Нобелевской лекции Иосифа Бродского и произносится едва ли не в его интонации (с его прононсом, по крайней мере) — произносится, увы, не в торжественной тишине Актного зала Королевской академии (связанной, конечно, и с присутствием августейших особ), но в кабаке, под звон стаканов и лягз ножей: званым ради избранных не объяснили, что обед в данном случае — не обжорка на хляву, а важного рода мероприятие, церемония, говоря прямо, — и замершему у экрана читателю остается краснеть за свою элиту, чавкающую и хлюпающую под надзором недоумевающего джентльмена, вылитого проф. Хиггинса, который, собственно, и отстегнул на сей обед, сдобренный лаврами, кровные фунты своих стерлингов.

Наш читатель вправе краснеть: он не знает, кто такой Букер, но другой устроитель обеда, «Тетрапак», ему совсем сродни. Наливая молока из картонки «Тетрапак» (из нее потом можно вырезать чудную кормушку для синиц), читатель оплакивает времена, когда в Комитет по Ленинским премиям входили сталевар и комбайнер, а в удостоенном высшей чести романе живописалось отнюдь не тру-

положество, но битва в степи первого и второго секретаря насчет того, какими быть днесь надоям — высокими или очень высокими!

Это все — присказка, сказка — впереди.

Два текста, привлекая меня в последние прошлогодних номерах «Столицы», — эссе Михаила Берга «Король умер... О конце либерального периода русской литературы» и «Опровержение на некролог» Андрея Мальгина — обзор критических статей, предавших его гражданской казни за очерк жизни и творчества Е.А.Евтушенко.

Сияясь объяснить причину внезапного массового охлаждения к изящной словесности, М.Берг все подводит под черту, обозначающую 21 августа 91-го крушение советской империи. По его словам, «двухсотлетняя история» русской литературы — это история противостояния общества и правительства, самодержавно-авторитарного государства и оппозиционной ему литературы. (...) В этом противостоянии был пафос и смысл «либерального периода» русской литературы, который кончился ввиду снятого жизнью противоречия».

Если такое объяснение справедливо, то отчасти: оно имеет отношение лишь к той части литературы, вернее, лишь к тем литераторам, для которых первым условием существования являлось существование цензуры. Для Чернышевского, например. Для Герцена или Александра Полежаева. Но — при всем блеске легенды, изложенной в учебнике, — никак не для графа Л.Н.Толстого и графа Толстого А.К. Не для Достоевского и Гоголя. Не для Тютчева и Лермонтова.

И не для Пушкина.

В наши дни звучит особенно смешно (или грустно?) его анекдот о писателе, заявившем, что в случае отмены цензуры в России он тотчас эмигрирует: ему просто нечего будет делать!

Не странно ли, что Александр Сергеевич, как никто пострадавший от произвола цензуры, не написал столько в ее защиту. Литератор, едва ли не чаще других слов употребивший в текстах и в обиходе слова «воля», «вольность», «свобода», он, вероятно, и рад был бы во второй половине XIX века прогуляться в зоне с Абрамом Терцем, как можно радоваться любому случаю общения с человеком начитанным и остроумным... однако ж в пространном сочинении о Радищеве (1834 год) выражает взгляды, совсем близкие к тому, что звучало в обвинительных речах на процессе над Синявским—Терцем и Даниэлем—Аржаком 132 года спустя:

«Мысль! великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек: в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом».

И — ниже — даже и такое:

«...Мысль уже стала гражданином, уже отвечает за себя, как скоро она родилась и выразилась. Разве речь и рукопись не подлежат закону? Всякое правительство вправе не позволять проповедовать на площади, что кому в голову придет, и может остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны пером, а не тиснуты станком типографическим. Закон не только наказывает, но и предупреждает. Это даже его благодетельная сторона».

Это, согласитесь, почти дословная подказка грядущим обвинителям Синявского и Даниэля — писателям-добровольцам из числа «верных автоматчиков партии», восклицавшим на суде: «Да если бы они и не успели передать рукописи на Запад для публикации, а просто написали то, что написали, уже за одно это их следовало бы посадить!»

Допускаю: ход моих рассуждений способен кое-кого огорчить, а то и возмутить... но вот как раз и будет реакция читателя-почитателя той части литературы нашего времени, которая до 1985 года исполняла роль Максима Горького на Капри, в 1989-м — «буревестника» в Горках, а ныне, простите великодушно, — заняла свое заслуженное место в Кремлевской стене.

Современная литература в России, по М.Бергу, подобна актеру-премьеру, игравшему с триумфом и Гамлета, и Лира, и Отелло... а тут, с приходом нового главрежа, сменилась не только труппа, но и решительно весь репертуар! и каково ему? и каково его фанатам?

Ну, право, прилично ли нынче все-речь, вслух говорить о исполнении литературой, литератором в нашем Отечестве роли пророка, идеолога, вождя, трибуна, изгнанника, героя? Будто так уж мало и слаб — просто писать? Будто нам и без того пророков, трибунов и героев было мало?

Трагедия, сполна пережитая русской литературой в уходящем веке, заключается не в том, что писатель выбирал и играл роль не всегда добровольно, а чаще под диктовку, но в том, что пьеска была гонименькая. Так что, в сравнении с действительно драмой XIX, а еще более — XVIII столетия, на нашем веку, в соответствии с постулатом Карла Маркса, история обернулась фарсом.

«Поэт в России — больше чем поэт!» — сей лозунг, известкою по кумачу, запросто мог красоваться на борту флагманского судна той эскадры, на которой «проездились по России» (Н.В.Гоголь) поэты, прозаики, драматурги и критики — авторы будущего коллективного, роскошно изданного сочинения о рабах Беломорканала.

Это — очень советская формула. Она красиво звучит, но лживость, ложность ее совсем несложно проверить.

Подставим на место слова «поэт» вначале любое, хоть подряд, хоть на выбор, из таких слов, как «солдат», «чекист», «министр», «генсек». Работает? Еще как! Ну а теперь — заменим слово «поэт», к примеру, словом «артист»... «музыкант»... «художник» — какково звучит? А ежели — «крестьянин»? А — «рабочий»? Ведь чушь неусветная! И впридачу — неправда, поскольку в России и крестьянин, и музыкант, и художник, и рабочий, ну и поэт, само собой, традиционно были как раз меньше чем. Право стать больше чем надлежало заслужить. Как премию или орден...

Я отношусь к читателям Евгения Евтушенко, склонным думать, что лучшие его строки написаны в конце 50-х — начале 60-х годов, то есть до того, как вначале в сознании, затем в стихах и наконец — в каждом публичном деянии Евгения Александровича возобладали пресловутое больше чем. И — не ирония, но горькая усмешка судьбы проливает сегодня особенный свет на его, можно сказать, пройденный путь: им сделано, вот именно, больше чем возможно, для того, чтобы и щемяще-нежное «Любимая, спи!», и ставшее народной песней «Хотят ли русские войны?», и положенная на музыку великим Шостаковичем «Казнь Стеньки Разина», и равные «Одному дню Ивана Денисовича» по силе общественного резонанса «Наследники Сталина» — чтобы все это оказалось заслонено одной-единственной строчкой. Так вообще-то случается — и, допустим, Ивана Мятлева уже младшие современники, вроде Тургенева, вспоминали лишь в связи со строкой «Как хороши, как свежи были розы!»; в нашем веке — на ум приходит почти мистическая история стихотворения «Жди меня»: оно не только затмило, но, пожалуй, и оправдало очень многое как в писательской судьбе автора, так и в его плодотворной партийно-политической деятельности (об этом, между прочим, не раз писал и говорил Евтушенко).

Ну — и не заманчива ли, так ли уж

бессмысленна задача, не в осуждение, но в рассуждение, проследить, каким это образом вышло, что вся сорокалетняя кипучая буча народного депутата, орденосца, секретаря Союза писателей СССР и организатора обновленного, «независимого» СП — сегодня, с очень короткой, в сущности, дистанции, кажется одним оглушительным и протяжным паровозным свистком, титаническим (от слова «титан» — т.е. кипятильник) выпуском пара... и та единственная строка, вспыхивающая рефлекторно в сознании при имени Евтушенко, — напыщенно-самопародийное «Поэт в России — больше чем...», а не что-то иное... к примеру —

Над Бабьим Яром памятников нет.

Такое расследование предпринял на страницах «Столицы» А.Мальгин.

Прочитав эту статью, я испытал некоторое смущение — в чем признался и автору. Юбилейный ли характер текста тому виной (он вышел в аккurate к 60-летию героя), или изобилие деталей интимно-альбомного свойства, — но, показалось мне, «силуэту» Евг. Евтушенко работы А.Мальгина не доставало жесткости, беспристрастности. Возможно, автору статьи его герой не видится окончательно забронзовевшим (каковым видится мне), похоже, он предугадывает возвращение героя из США в Россию, в слепящий луч прожектора, на подмостки истории, в каком-то новом качестве (да хоть и президента страны — от Евтушенко можно ждать чего угодно! и чем он плоше Гавела?..) — но «вселенская смазь», учиненная Евгению Александровичу Андреем Викторовичем, отличалась и теплотой и деликатностью — так что, грешен, на секунду призадумался я: а не по заказу ли юбиляра исполнен «силуэт»?

Развевал смурную мою думку град каменье, обрушенный на голову автора «Силуэта». Пафос и смысл всех критик сводился к посылу незатейливому. Можно-де сколь угодно строго оценивать творчество Евг. Евтушенко и его участие в политической жизни на протяжении целой трети века — но никто не смеет в угоду черни вслух извещать о том, «что кушает за обедом крокодил», — да еще, впридачу, ежели ты с ним не раз делил трапезу.

Резонно. Красиво. И благородно. И однако — не больше чем риторический прием. Поскольку за выразительными жестами и возгласами скрывается отнюдь не аристократическая озабоченность: как можно сметь нарушать законы банды?! Уверен: будь статья не о Евтушенко, а о Бондареве — восторгом не было б конца. Поелику — противник. А здесь — подрыв

устоев!

Уж если совсем трезво — о меню крокодила никто не сообщает миру больше, чем сам крокодил. О своей личной жизни Е.А.Евтушенко поведал в стихах, прозе, интервью и иных жанрах с откровенностью запредельной (пример свежайшей — интимные главы из нового автобиографического романа, напечатанного с продолжением в ежемесечнике «Совершенно секретно»).

Но я думаю тоже, что дело — не в одном нарушении литературно-политического этикета, в предании «интересов левого фланга», в осквернении величественного батального полотна (где Евтушенко — в пылу сраженья, весь в белом, на лихом коне).

Так что совсем напрасно, по-моему, в своем «Опровержении на некролог» Андрей Мальгин лишний раз признается в уважении к классику — его оппонентов классик как таковой (как поэт) ну нисколько не интересует!

«Для вас, милостивый государь, нет ничего святого!» — звучит в данном случае вполне религиозно-экстатично. Это вопль огнепоклонника, при котором пописали в костер. Казалось бы, чего там: картошка спечена, дровишки прогорели, тьма кромешная, пора и по домам... но одна истеричная дамочка, на короточки присев, все глядит и глядит зачарованно в истлевающие угли, что-то такое подвывая насчет бригантин и таежных комаров, — и бульдозером ее не своротишь...

Надо бы все-таки до конца прояснить: пресловутое «шестидесятничество», подвергаемое сегодня вивисекции и погребению, это, конечно же, не паспортная запись — но вполне оформленное вероучение, своего рода сектантство, со своими заповедями, ритуалами и кумирней.

Догадываюсь: Евтушенко сегодня — не идеальный герой, не верховное божество ни для кого из критиков Андрея Мальгина. Но с Евгением Александровичем им как-то теплее.

Тут — первое из двух обещанных воспоминаний.

Это — самое начало «горбостройки». Той же зимой и скоро после того, как в Союзе писателей СССР тогдашний его вождь В.В.Карпов учинил файф-о-клок для «молодняка» с прицелом на будущее.

Встречу эту — символическую, под чаек, передачу эстафеты — потом показали по телевизору. Передача вызвала возмущение: дремучие бородачи чувствовали себя в «Доме Ростовых» не гостями, но хозяевами положения, требуя не чаю с сухарями, а

чего посытнее. Особенно всех изумил персонаж, потрясавший свежим номером «Огонька», где на обложке, на переделкинском снежку, Евтушенко беззаботно приобнимал друзей-товарищей по «тусовкам» в Лужниках в благословенных 60-х, — в то время, как народ (журнал распахивался на фотоочерке о шахтерах) в поте лица добывает хлеб насущный. Следовал риторический вопрос (естественно, от имени народа), так кто же у нас в стране истинный герой и настоящий хозяин?!

Скандалность встречи в Союзе писателей усугублена была тем, что из списка приглашенных в последний момент оказались вычеркнуты с полтора десятка имен, достаточно широко известных, несмотря на полулегальное существование в литературе, — и их места как раз заняли румяные радетели о народе.

Уже в ходу было словечко «glasnost», а вместе с тем не исчез еще из лексикона термин «оргвыводы» — и вскорости в редакции «Литературной газеты» дозволено было показательное выступление «исключенных из списка». Вел вечер Андрей Мальгин, а главенство писательского Союза представлял Евгений Александрович Евтушенко.

Я и вообще-то всегда относился к публичному чтению стихов как к занятию достаточно унижительному — но, вспоминая тот вечер, испытываю какой-то особый стыд.

Евгений Александрович сидел в первом ряду, но не посередке, а несколько сбоку; однако сидел он таким манером, что как бы занимал весь этот первый ряд, а выглядел — важнее, нежели Гаврила Романович Державин на приснопамятном экзамене в Царскосельском Лицее.

Меж тем свои способности ему продемонстрировали не вовсе зеленые и не безвестные юнцы (об одном из них — Викторе Коркия — в заключительном своем слове Е.А. высказался в том смысле, что «знает Витюшу сто лет»; остальных, думаю, немногим менее).

И было бы все ничего и почти естественно (хотя вряд ли кто из моих товарищей по той несчастной читке — чуть не написал «ч и с т к е» — всерьез числил Е.А. в учителях или мэтрах), кабы не тон разборок, учиненных почтенным аксакалом. Тон был не царственным и не барственным, Боже упаси, но в точности тем, какой определяет строй и дух казарменной риторики и бластной музыки.

Это был разговор не старшего с младшими и даже не битого с небитыми (что еще требует уточнения). С позволения аудитории аксакал закурил, и «Мальборо», прилипший к его нижней губе (применю художественный прием са-

мого Е.А.), зловеще вспыхивал в паузах совсем как шанский чинарик, и вдруг мне померещилось, что на ногах аксакала — не апельсиновые штиблеты, но прохорая гармошкой с финским ножиком за голенищем.

Спектакль, одним словом. Кино. Загораживающее зрелище. Только один Александр Еременко и смог устоять, когда, обращаясь к аттестации его стихов, Евгений Александрович начал: «Мы с такими, как ты, у нас в Марьиной Роще...» — какое-то одно или два резких слова Саши вернули оратора и нас всех из подворотни в конференц-зал «Литературки», и спор о дозволенном в поэзии из плоскости «выдь на улицу — разберемся» резко перешел в плоскость «зайдите через сто лет — тогда и поговорим»...

И вот что странно. При всей ископаемости участников фэйф-о-клока у В.В.Карпова та встреча отмечена была и единодушием и признанием преемственности в литературе (если прилично в данном случае говорить о литературе) несравнимо большими, нежели экзамен в «Литературной газете». То, что Е.А.Евтушенко и стихотворцы, коим он считал полезным учинить выволочку, заняты вещами принципиально разными, — было в тот вечер видно всем. Кроме самого Евгения Александровича.

Воспоминание второе. Август 91-го. За неделю или дней за пять до путча. Одержимый идеей создания независимого писательского союза, Евгений Александрович собирает в редакции журнала «Юность» тех самых «младенцев», «своих младших товарищей, младших братьев и сестер», кому пятью годами ранее не роздал каждому по серьгам, но дал по солгям: «Мы решили с вами, юными, посоветоваться, каким быть новому союзу, потому что именно вам завтра играть в нем первую скрипку»... а, между прочим, молодянку, юным — около сорока или за сорок, а седины в головах — на все пятьдесят.

И снова — то же униженное состояние, мучительное чувство статиста, призванного кивать головой, угодливо и безропотно выслушивать не поэта — но больше чем поэта.

Я сорвался — и, апеллируя не к разуму, но к чувствам аксакала, спросил: «Да вы разве сами не понимаете, что ваша затея — гальванизация трупа? Кому это все на пользу? Он, этот ваш союз, уже смердит, а завтра от него и косточек не останется! Да кол ему осиноый в могилу — и вся недолга!»

И тогда аксакал произнес, впору сказать — пропел, долгий монолог со слезой, про то, что имущество Литфонда, и дача в Переделкине, и поэзии в издательских планах — для

него и для многих его сподвижников дело важное, но не первостепенное. А вот что ему поистине дорого и чего он никому не уступит — это традиции горьковского Союза, и то, что поэзией во дни его молодости заведовали не какие-то бандиты вроде Куняева, а люди, которые хотя и воспедали Сталина, но были все же талантливы... и еще — что он чувствует себя обязанным сохранить Литературный институт, этот Лицей Союза писателей СССР, уже только потому, что в нем... — глаза аксакала затуманились — он встретил Беллу.

Кажется, на сей раз он не лицедействовал, но был искренен. Тем печальнее вспоминать о встрече в «Юности» в канун путча сейчас, всего-то полтора года спустя... но — вот: ни «Юности», ни Союза писателей, ни Евтушенко — «в России больше чем поэта». Ветер давно развеял и пепел и дым от сожженного во дворе Союза писателей чучела Евгения Александровича — жгли чучело, кстати, как раз те угрюмые бородачи, коих благословил, уходя из профессионалов в любители, В.В.Карпов. Иных уж нет, а те — далекие... Да и слово «поэт» — не лишено ли оно ныне всей притягательности и величественности, которыми отличалось на протяжении советского периода русской литературы?

В нашем народе — русском, не советском — грехе говаривали: «Что лживо, то и гнило». Рухнувшее должно было рухнуть — и Бог с ним. Это относится в полной мере, во всем объеме к т.н. «советской литературе». К каждому считавшему или доселе считающему себя ее частью. А поскольку история, путь ее, характер и традиция, от Максима Горького, Бухарина и Жданова до Черненко, Георгия Маркова и В.В.Карпова, именовались героическими, то под стать ей — и герои. И гибель богов, титанов и героев нашей литературы уходящего века, право, чем-то сродни крушению мифа о Павлике Морозове. Мальчика жалко. Земля ему пухом. Но оставьте и нас в покое.

А.А.Ахматова с улыбкой рассказывала, как Гумилев полушутя-полусерьез не раз просил ее: «Анюта, как заметишь, что я начинаю пасти народы, тотчас подсыпь мне яду». «Пасти народы» в устах Гумилева имело совсем тот же смысл, что и предположение, будто «поэт в России больше чем поэт».

Кто был из наших современников высказался в подобном духе?

Молчанье. Лишний знак того, что мы, пусть и взиравшие на литературный процесс 20—80-х годов XX века издали и задрав головы, имели дело все ж таки не с олимпийцами.

Александр СОКОЛЯНСКИЙ

ИСКУССТВО ПО ЗНАКОМСТВУ

И не по службе, и не по душе — на вернисажи люди обычно приходят по знакомству. Дело не только в том, что жизнь галерей и выставочных залов плохо анонсируется (хотя анонсируется она хуже некуда) и узнать, что где намечается, можно лишь от непосредственных участников события либо от их ближайших друзей. Дело еще и в том, что рассматривать работы художников-современников, не осведомившись предварительно, кто есть кто и почему он таков, каков есть, чаще всего неинтересно и бессмысленно.

Современное изоискусство почти не заботится о непосредственном эстетическом воздействии. Зритель обязан прийти подготовленным: не просто настроиться на «встречу с прекрасным», а добросовестно выучить некий свод правил, действующий на данной территории, подписать конвенции, на основе которых ему предлагает себя это, особо придуманное «прекрасное» — или сознательно «не-прекрасное». Кроме шуток, художника действительно приходится судить по его собственным законам. Иное дело, что мы вправе составить свое личное мнение об этих законах: хороши они или плохи, тверды или жестки, гибки или дряблы и так далее.

Вернисаж сам отбирает свою публику, выделяя симпатизирующих из числа осведомленных и осведомленных из общего числа интересующихся. Случайным посетителям тут делать нечего, разве что проскольз-

нуть в суматохе к банкетному столу и стремительно выпить.

В сущности, чем чаще на вернисажи ходишь, тем меньше нового видишь и тем больше удовольствия в итоге получаешь. Современное искусство сильно не принципиальной новизной, а изменчивостью в рамках известного, лабирующей узнаваемостью ощущений, лиц, работ. Новыми акциденциями, а не новыми субстанциями, как сказали бы схоласты, мастера интеллектуальной индукции и спекуляции (и в этом смысле — праотцы современного искусствознания).

Не нужно спрашивать у художников: «Ну, что нового?» Это грубый вопрос. Спрашивать надо: «А что дальше?» Такой вопрос, естественно, задаешь не тем, кому хочешь, а тем, кого знаешь.

Всех знать невозможно. Поэтому, за исключением немногих специалистов (Трофименков, Мизиано, Якимович, Гройс), все, кто имеет дело с

• Элвира Еропкина.
Восточный танец
Из серии «Русские
сезоны»
Галерея «Станбет»

• Инсталляция
В.Овчинникова
Собрание РИНАКО

• На выставке
М.Герцовской
в галерее «Велта»

• Графика Марка
Полякова с выставки
в «Восточной
галерее»

Фото О.Чумаченко и
В.Суворова

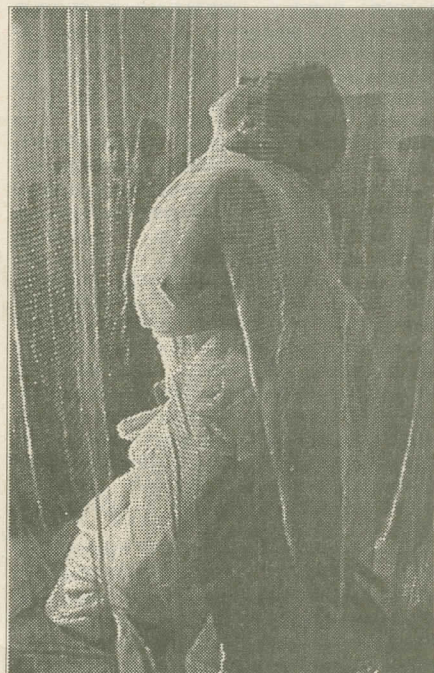
нынешним ИЗО, — люди, так или иначе обуженные, зашоренные, повязанные: к знатокам это относится еще в большей степени, чем к дилетантам, вроде меня. И это не мафиозность (хотя мафиозность чаще всего вырастает из такой зашоренности). С незнакомым искусством действительно не удастся поговорить: оно отмалчивается, отворачивает взгляд. Тяга к знакомым — простейший способ самореализации, тропизм. И вот вам рассказ о четырех, более или менее произвольных, движениях взгляда и памяти.

Марину Герцовскую все знают как Мустроительницу шумных эротических выставок. Ей принадлежала особая честь: закрыть историю андерграунда в советской живописи. Официализация пола стала последним деянием художественного подполья: когда с ней смирилось общее художественное сознание, все остальное выдавилось наружу как бы автоматически.

Лебединая (или, если угодно, либидиная — от «либидо») песнь андерграунда была громкой, но нестройной: в разногласии идей и разнокалиберности талантов, в ажиотаже эпатажа все по отдельности тонуло. Работа заслоняла работу, волна волне волной хребет ломала. Свои собственные картины Герцовская развешивала на достойные срединные места; в центр внимания не лезла, цену себе знала. Как выяснилось задним числом, ей и эпатировать-то никого не хотелось.

Свою персональную выставку в галерее «Велта» на площади Коммуны она обустроила с подчеркнутой чинностью, негромкостью и благообразностью. Белые драпировки, сонные, тягучие движения полуобнаженных тел за кисеи, неспешные променады по залу. Все очень вежливо и чуточку манерно: без сомнения, этот покой в некоторой степени декоративен. Млечная греза не переживается изнутри, а задается как идеал и ожидание. Тихое, но отнюдь не меланхолическое успокоение тела, желание покоя — общая тема выставленных работ. Почти каждая — вариация на тему «женщина и морской берег» («...мне имя — Марина, я брэнная пена...» — но совершенно без атаки; состояние экс-экстаза). Оттенки розового и бирюзового: будь они ярче, все это выглядело бы по-детски просто душно и сентиментально. Влажным и воздушным сомнамбулом Герцовской, однако, не хочется сентимента, чувственного взгляда — им желательно оставаться в полунебытии, полусне, полуразгаданности. Остаться в покое.

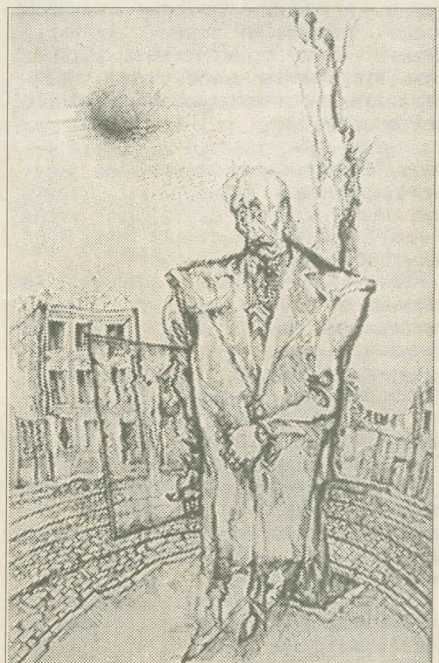
Галерея «Станбет» впервые показывала свою коллекцию в престижном зале Фонда культуры на Старой Басманной. Роскошно сделанная папка с репродукциями, фирменный знак, напоминающий отчасти знаменитую работу Лисицкого «Красный клин»,

энергичный Вильям Мейланд — хозяин праздника.

Официальный адрес «Станбет» — Крымский вал, 9, — говорит художникам меньше, чем рок-музыкантам и их поклонникам. Галерея принадлежит Центру Стаса Намина. Можно было поставить десять против одного, что на вернисаже покажут нечто в высшей степени «крутое» и brutальное — поставить и проиграть.

Ни одного знаменитого имени. Никакого концепта. Никакого соц-арта. Вообще ничего, чтоб взбудоражить и потешить «рок-генерацию». Вежливейшее коммерческое искусство как

нижний предел диапазона и вполне техничные, изящные и неглупые (в подавляющем большинстве — фигуративные) работы — как верхний предел. В подборе картин (кстати, весьма удачно развешенных) не чувствуется никакой тенденции, кроме тенденции купить вещь за дешево (но не обкрадывая авторов) и продать задорого (но не обманывая покупателя). Уверенно сделана ставка на средний класс — не в нашем, а в интернациональном понимании слова, т.е. на людей, чья образованность примерно соответствует платежеспособности. Можно считать доказанным, что вещь как таковая интимней переживается «изысканным буржуем» и кажется ему более уважаемой, чем картина, — при том условии, что обе стоят более или менее одинаково. Поэтому — изобилие шамота, фарфора, стекла. Красиво.

Гвозди вернисажа — акварели Исаия Зайтмана: нежное воспоминание о постимпрессионизме, очень живое и личное (что объясняется годом рождения художника — 1899); утонченно-примитивистские холсты Виктора Данилова, керамические розы Василия Цыганкова и статуэтки Эльвиры Еропкиной, воспроизводящей в фарфоре эскизы мирискусников к «Русским сезонам» Дягилева. Впрочем, экспозиция ровна, и «гвоздить» приходится на свой вкус и под свою ответственность.

В тот же день, когда старый рок-ролльщик Намин уважительно оттягивался (на открытии «Станбет»), на презентацию своей коллекции современного искусства в ЦДХ приглашала компания РИНАКО. Чеканные фразы пресс-релиза («...становление новых форм отношений между искусством и бизнесом... имидж того, что называется новым русским искусством... в лучших галереях и музеях мира») позволяли понять: большие деньги хотят отождествить себя с большой Властью и приучаются разговаривать в интонациях партийного постановления.

Список выступающих, представитель Минкульта, протокольные речи, торжественная казенщина... Десять лет назад в такой обстановке могла бы открываться выставка типа «Народ-герой, народ-труженик».

Коллекция РИНАКО собрана не столько со вкусом, сколько с умом и со знанием конъюнктуры. Франциско Инфантэ, Овчинников, оба брата Мироненко, Андрей Безукладников (безоговорочно лучший фотохудожник России), Волков, Кошляков, Гор Чахал — словом, имидж того, что называется «новым русским», вполне удается выдержать. Особенно, если не приглядываться к каждой отдельной работе, а смотреть на дело в целом, с концептуалистской, желательной, колокольни.

А чьи работы вам больше нравятся — Сергея или Владимира Мироненко? Можете не отвечать. У этих ра-

бот не было такой задачи: понравиться.

Выбор РИНАКО демонстративно небуржуазен: искусство, не оставляющее потребителям культуры даже намека на «эстетическое наслаждение» («Но придет Концептилист, Скажет им: Не баловаться!», как не написано у Д.А.Пригова). Оно не вписывается в жизнь «общества потребления» так же, как отписывалось от жизни «общества подавления». Оно по-прежнему существует само по себе, с той поправкой, что давешняя «неофициальность», переживаемая спокойно и достойно, на глазах превращается в «гиперофициальность», в какую-то «новую академичность». Предыдущее искусство большого стиля изо всех сил скрывало свою полную бессмысленность; нынешняя бессмысленность («внеконцепционность») программна, и на этом основании возникает желание сделать концептуализм без берегов — да, новым большим стилем. На обломках социалистического самовластья не только пишутся новые имена, но и возводятся новые твердыни.

Желание вполне понятное и по-человечески правильное. Вопрос только в том, способно ли художество, планировавшее себя как маргиналию или как «комментарий к официальному тексту», в свою очередь стать «текстом». Дать-то ему дадут, да разве ж оно съест...

Было дело, я сам — здесь же, в «Столице» — воздал негромкую хвалу искусству, которое «не пища для ума и сердца, но строительный материал», — простым, неорганическим соединением культуры, продуктам распада. Неинтересно и томительно было жить в Вавилонской башне органического единотворья, и какое счастье, что эта башня, со всей ее сложной архитектурной, рухнула под собственной тяжестью. Но и в маленьком, наглухо замкнутом доме без окон, без дверей (этакой одиночной газовой камере) тоже обитать не хочется. По слухам, поэт Евгений Рейн создает сейчас журнал «Окно»: какое умное, какое актуальное название, одновременно открывающее перспективу и сулящее доминантность.

Выставка Марка Полякова в «Восточной галерее» (по улице Хмелева от Сретенки, направо в подворотню, два раза повернуть и в какой-то подвал — точнее не помню) называлась «Семь ворот скрытого Иерусалима». Оно хоть и витиевато не в меру, а ведь о том же.

Кто не знает Полякова как всеобщего «дядю Марека», тем он все равно почти наверняка знаком по красивым и насмешливым декорациям к «Лысому брютету» в Театре им. Станиславского: работа, в общем, служебная, но красноречивая. Поляков замечательно умеет откликаться на чужое предложение, работать с чужой фактурой. Даже не работать, а играть — дразнить и соблазнять цветом, движением, выходом за собственные

пределы.

Похоже, он испытывает огромное удовольствие, вовлекая в свою игру что ни попадя: лицо, геометрическое построение, план города, личный мотив, газетный отклик, всякую дрянь и всякую прелесть. Он неразборчив, виртуозен и ненасытен. Взятое что-бы-то-ни-было он пичкает цветом, как ребенка сладостями, и кружит, как партнершу в танце. Ему нравится работать в сложной технике со сложным материалом, нравится делать литографии: такой замечательный процесс размножения не зря же придуман.

Самое интересное, что выставка работ, по большей части перенасыщенных цветом, темпераментом бурным и человеколюбием, в целом казалась чрезвычайно уютной и мирной — как хороший дом с надолго устроенным застольем. С ощущением прочности прошлого и радости разног. С неиссякаемым запасом забав и подбадривающих улыбок: не вполне простодушных, но безупречно доброжелательных.

Через несколько дней оказалось, что я куда лучше помню ощущения, вызванные картинами, чем сами картины. Пока я собирался вернуться к экспозиции Полякова, она уже закрылась. Искусство вечно, выставочная жизнь коротка.

В этом нет ничего страшного: галерей много, одни выставки закрываются, другие открываются. Но все-таки, что происходит?

Русский Эрос спит, сон его спокоен и отсюда не рождает чудовищ. Он вообще ничего не рождает: не хочет...

Устроитель наибуйнейших рокопраздеств Намин и остроумный (по мнению многих, остроумием обиженных, — язвительный) вольнодумец Мейланд тихо любят керамику розами и фарфоровыми балеринами, ждут покупателей...

Самое маргинальное из всех искусств становится чуть ли не новым парадным стилем, и всех того гляди заставят учить наизусть «Лозунг» В.Мироненко (выложенные в несколько рядов и взятые в рамку косточки домино, тщательно подобранные по очкам)...

А милый дядя Марек, московский тбилисец, живое воплощение великого русского тезиса «Хо-рошо сидим!», закрывает за собою все семь ворот и собирается уезжать. Куда-куда — в Америку, конечно.

Все, как было, с точностью до наоборот. Полный привет, дамы и господа, мир искусства перевернулся, а этого опять никто не заметил.

«Привет? — переспросила Мартышка. — Когда мне дают банан, я его чувствую. А твой привет я не чувствую...»

Андрей ВИКТОРОВ

ВСЕ НОВОЕ — ЭТО ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

Все свои новшества средства массовой информации прибегают к январю. Газеты и журналы меняют верстку, выдумывают новые рубрики, телевидение и радио начинают новые сериалы, циклы передач. Короче, начало года — это обычно время перемен.

Что ж, не стал исключением и нынешний январь. Внешний вид некоторых передач действительно изменился. Александр Глебович и его брутальный кожаный друг теперь сидят на телеэкране на фоне садомазохистских цепей. Сменилась и заставка их передачи: на вырезанных из пластмассы «600 секундах» помещается привязанная, очевидно, за ногу некая трупоядная экзотическая птица и крутит головой под бравурную музыку. По мысли создателей, это должно символизировать нечто имперское. Логично: империя для многих действительно ассоциируется с цепями да кандалами.

Кое-что сменилось и на российском канале. Например, мебель в студиях. Дикторы восседают в величественных, выкрашенных белой краской креслах, являющих собой гибрид между садовой скамейкой и оборудованием гинекологического кабинета (или урологического, разница невелика). Дикторам в этих креслах неудобно, но им приказано сидеть рас-

слабленно, умиротворенно, и они, перзав, замирают в совершенно неестественных позах, уставившись в электронную подсказку, с которой считают тексты своих объявлений.

Но сами передачи? Неужели не появились в январе новые циклы? Появились, конечно. Например, «Песня—93». (Помните, застойные «Песня—72», «Песня—73», «Песня—74» и т.д.?) Не долго продержался «Хит-парад Останкино». Ровно год. На первом канале решили, что новое — это хорошо забытое старое, и вер-

шек и Лжедмитрий. Но ладно, сделаем поправку на условность этого зрелища. Иначе трудно понять, почему некоторые персонажи представлены девушками, у которых нет отбоя от поклонников, а «девушкам», кажется, уже далеко за пятьдесят. Не понятно также, почему в тексты реприз вливается попеременно то русская, то польская действительность. Ладно, условность так условность, не будем по первым попыткам судить о цикле в целом. Посмотрим, посмотрим.

Еще одна новая-старая передача: «Оба-на-Угол». Игорь Угольников что-то с кем-то не поделил, переместился из «Авторского телевидения» в широко разрекламированное «Мастер ТВ». Попутно растеряв коллег по передаче. И выяснилось, что его имидж, возможно, нуждался в подкреплении именно этих коллег, и форма старой передачи, возможно, была удачнее новой. Новые коллеги выполняют в «Оба-на-Угол» функцию чисто служебную: им надлежит демонстрировать почтение к ведущему. Опять-таки, трудно делать выводы по первым двум январским программам (обе они шли без предварительного объявления, ими затыкали дыры в сетке вещания), но новый Угол оказался гораздо тусклее прежнего. Во всяком случае, разговорный жанр на фоне французского занавеса гораздо больше удается Хазанову и Петросяну. Почему Угольников отказался от чисто телевизионных приемов и приемчиков, на которых все строил в прежней своей программе, не ясно. А может, там за него это делал кто-то другой?

В свое время В.Ворошилов убил свою собственную программу склонностью к обновлению и экспериментированию. В телевизионных играх, как теперь выясняется, главное — устойчивая традиция, неизблемость правил, несменяемость ведущих и декораций. Подобная угроза нависла сегодня над самой популярной передачей сегодняшнего телевидения — «Поле чудес». В свое время эта телеигра удачно прошла опасный период смены ведущих, когда Листьев задумал уходить, а нового постоянного ведущего еще не нашел. Вовремя появился Якубович, и передача была спасена. Однако теперь создателями передачи (как в свое время и создателями «Что? Где? Когда?») овладела страсть к дальним странствиям, и они стали увозить свой знаменитый барабан из студии, к которой привыкли телезрители, в самые неподходящие для этого места. В таких играх менялись не только декорации, но и игроки: взамен чудаковатых старичков, передающих длинные приветствия односельчанам, и провинциальных сму-

нулись к прежней, проверенной временем форме. Коллеги со второго канала предприняли попытку более рискованную — они попробовали возродить «Кабачок «13 стульев». Правда, теперь он называется «Кабачок на Тверской». Зато персонажи старые: хорошо нам запомнившиеся пани Моника, пан Директор, пан Спортсмен и прочие паны. Не понятно, впрочем, что свело такое количество поляков в питейном заведении на главной московской улице, это никак не объяснено. Так и ждешь, что в кабачок войдут Марина Мни-

щающихся учительниц являлись прикинутые, крепко сбитые завсегдатаи зарубежных круизов. Если это станет правилом, передача неминуемо станет менее демократичной, будет раздражать так называемого массового зрителя и обязательно отойдет на периферию его внимания. Пока что зрители олицетворяют себя с теми, кого судьба поставила за барабан, и они соперничают их удачам и промахам как своим собственным.

По мне, так даже перенесение «Поля чудес» в цирк и в автосалон, при всей коммерческой привлекательности такого рода мероприятий, тоже опасно. Четкая, прозрачная форма передачи, ясные, неизменные условия самой игры (разбуди любого из нас ночью, спроси: что полагается после трех правильно угаданных букв, — ответим без запинки) — одно из главных ее достоинств.

На автосалоне в числе призов были автомобили, в том числе и иностранного производства. Призы стоимостью в миллионы рублей каждый в игре пока что не разыгрывались, это первый случай. Казалось бы, это обстоятельство должно было бы придать ей драматизма. Но этого не случилось. «Иномарки» не достались никому, а на роскошной «девятке» укатила дама, не только не вышедшая в финал, но даже, кажется, не угадавшая ни одной буквы. Наш народ, естественно, счел это несправедливым... Упомогающею дорогие призы предоставила «Полю чудес» компания «ЛогоВАЗ». А двумя неделями раньше мне довелось присутствовать в Бетховенском зале Большого театра на вручении престижной премии «Триумф», учрежденной для выдающихся представителей российской культуры тем же «ЛогоВАЗом». И сидя у телевизора, наблюдая за перипетиями «Поля чудес», я понял вдруг, что Альфреду Шнитке и Сергею Аверинцеву «ЛогоВАЗ» выделил меньше денег, чем счастливым призерам «Поля чудес». Это, конечно, понятно. Коммерческий эффект от спонсорства популярной телевизионной игре гораздо выше. Но жаль, что оба мероприятия пришлось на январь и сравнение вышло столь наглядным.

Ну какие еще были новшества в январе? Чудовищное количество американских фильмов по первой программе. Диапазон — широчайший. От беспомощно-безвкусного «Создателя звезд» до вошедшего в киноклассику «Пугала» с Аль Пачино в главной роли. Впрочем, столь же широкий диапазон был явлен при демонстрации отечественной кинопродукции, и тут, конечно, хорошим подарком телезрителям стал рязановский фильм

«Небеса обетованные», о котором большинство зрителей много слышали, но наверняка при нынешних нравах в нашем прокате в кинотеатрах посмотреть не смогли.

Раньше, в застой, помните, как нам показывали фильмы? Схема была простой. Одна картина до программы «Время» по первому каналу и одна — по второму каналу — после программы «Время». И все. Среди них редко бывали хорошие, но бывали.

Сейчас ежедневно телевидение умудряется демонстрировать более десятка художественных фильмов, причем по всем программам (включая образовательную) и в разное время. Даже глубокой ночью. Среди них также попадаются неплохие. И я вдруг подумал: а если вернуться к прежней системе, выбирая из того, что имеется сейчас? Тогда, наверное, хватит по одному недурному фильму в день... Но потом все же отказался от своей маниловской идеи: если все, что показывается по телевидению, будет интересно и привлекательно, не сидеть же все вечера напролет?

В связи с кинофильмами на телеэкране нельзя сказать еще вот о чем. Почему-то руководство «Останкино» (и совершенно неважно, прежнее или нынешнее) невзлюбило «ВИД» и «Новую студию». Не будем разбираться в истоках конфликта. Зрителю до этого, в общем-то, дела нет. Его интересует другое: что же телевидение предложило взамен популярных программ, отодвинутых куда-то в район полуночи. А предложило оно, будучи не в силах самостоятельно создать конкурентоспособную замену, киносеансы. По пятницам мы теперь посещаем некий «Клуб детективов», где лишь несколько кинолент (главным образом, импортных) не заставили зрителя плевать. По понедельникам теперь ввели рубрику «Фильмы нашей памяти» и начали ее с «Бриллиантовой руки». Сужу по отзывам знакомых и по своему собственному ощущению: этот фильм смотрели все, и с огромным удовольствием. Как, впрочем, и пятничным французский детектив, где армянин Ш.Азнавур играет «китайца». Правда, Китаец — это лишь кличка, и знаменитому певцу совершенно не пришлось перевоплощаться. Остается, открытым вопрос: неужели «Останкино» так высоко ценит собственную телепродукцию в другие дни недели, что решило пожертвовать именно «ВИДОМ» и «Новой студией»?

В дурацком положении в январе оказались дети. По воскресеньям в один и тот же час по двум программам одновременно идут многосерийные импортные мультики. Кто кому в пику это придумал, теперь уж устано-

вить трудно. И в «Останкино», и в Российской компании были, очевидно, настолько уверены в достоинствах своей мультипликационной программы, что конкуренции не боялись. В результате — сколько детских слез пролито из-за невозможности посмотреть и то и другое. (Счастливики избежали подобных переживаний дети — обладатели видеоманитонов: пока одно смотришь, второе записывается.) И уж совсем трудно понять логику закупщиков мультфильмов из «Останкино». Детишкам в этом году предложено сразу три еженедельных мультсериала о привидениях и вампирах («Дракулитовампиреныш», «Каспер», «Охотники за привидениями»), что, согласитесь, по детскому сознанию довольно ощутимый удар. К тому же все три — весьма сомнительного качества. Не случайно, отплавав и отпереживав, дети отдали предпочтение куда более близким и понятным: диснеевскому «Винни-Пуху» («Россия») и французскому «Пифу» («Останкино»).

И все же одно заметное новшество телевизионного эфира я хотел бы поприветствовать, хотя оно ни в малой степени не зависело от воли телевизионного начальства наших каналов. Наконец-то появилась в эфире нормальная реклама, рекламирующая не холдинговые компании и не кирпичные заводы, а потребительские товары: кофе, шоколад, жвачку, выпивку, сигареты, автомобили, вплоть до рекламы собачьей и кошачьей еды. И хотя консервами для кошек российский потребитель все еще не скоро, такая реклама заметно приблизила телевидение к аудитории. Впрочем, парламентарии наши, являющиеся, как известно, самыми внимательными телевизионными критиками, отреагировали на это новшество на удивление оперативно: на сессии Верховного Совета обсуждается закон о запрете рекламы алкоголя и табака по телевидению. Наши депутаты всерьез полагают, что, если русскому мужику показать на экране, скажем, бутылочку мартини, он непременно напьется и перестанет приносить пользу обществу. Что ж, как восклицала одна из героинь рязановской комедии, скрасившей январский телевизионный репертуар: «Я же не знала, что все живут так плохо!»

Лучшая телевизионная фраза месяца. Выпущенный из тюрьмы Анатолий Лукьянов В.Жириновскому: «Я принимаю ваш вызов, Владимир Адольфович... ради Бога, простите — Вольфович».

Николай КЛИМОНТОВИЧ

ТИХИЙ БЛЮЗ

Из книги
«Дорога в Рим»

Мы часто обсуждали этот вопрос, прикидывали и так и эдак, но предмет, как ни крути, лежал в области абстракций, хоть черных мы с Сережей встречали на студенческих танцуйках, а однажды даже сдружились с черным угандийцем — он прежде Москвы учился в Сорбонне, он умел играть на саксофоне, он хотел, чтобы мы нашли ему **русский дьёвочка**, — увы, сам он не мог или не хотел нас ни с кем знакомить, хоть мы предлагали обмен — одну русскую на двух негритяночек. Конечно, нам был известен печальный рассказ Леонида Андреева, но мораль его казалась нам натянутой, мы извлекли лишь, что во всякое время даже самый скромный мужской экземпляр вожделеет к самкам противоположной расы, иначе откуда было бы в мире столько мулатов? Оно, конечно, диамат, предмет, сегодня непредусмотрительно забытый, а тогда принудительно изучавшийся нами, утверждал, что противоположности должны сходиться, но на рубеже шестого и седьмого десятилетий этого века в Москве где нам было найти достаточно убедительные нам противоположности? Помнится, мы даже заключили шутовое пари на бутылку болгарского бренди — кто первый переспит с негритянкой, но это мы ерничили и форсили, поддразнивали сами себя, ибо ситуация наша казалась нам вполне безнадежной, помнишь, Сережа? Тем более несусветной была моя нечаянная удача.

Дело вышло проще некуда: мы шли с Сережей по мосту — от здания бывшего СЭВ к «Украине», а она шла навстречу, и я окликнул ее: «Хау ду ю ду». «Хау ду ю ду», — откликнулась она, улыбаясь невероятной пастью, набитой будто слоновой костью. Тут же мы и подружились, подхватили ее под руки — показывать **москоу вьюс**, повлекли в «Метелицу», там — помимо того что в туалете исправно торговали анашой — подавали тогда зеленого оттенка горький итальянский вермут, предназначенный для коктейлей, — за бесценок даже по тем временам, и мы пили вермут со льдом, болтали на инвалидном английском, и я вдруг вспомнил длинную фразу — **ай вонт ту спэнд май лайф виз э гёрл лайк ю** — из какой-то модной песенки, самому мне такую было бы не поднять, и наклонился к ней, и собщил ей, и тут она улыбнулась мне так удивленно, так

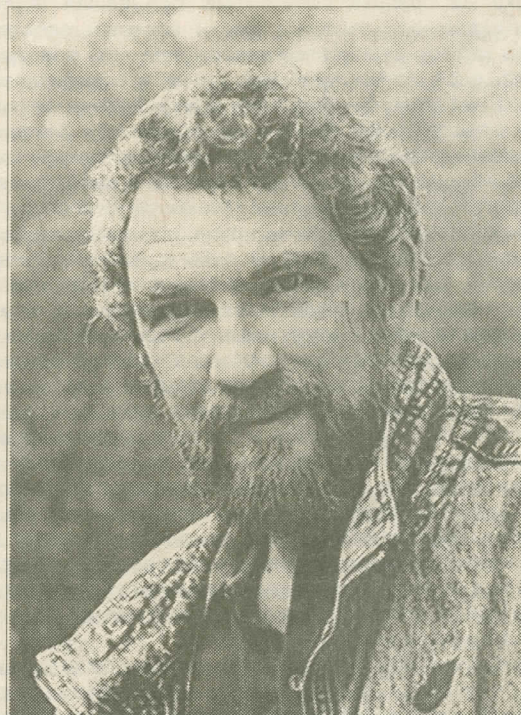

Фото Н. Кочнева

благодарно и нежно, что, по-видимому, именно от этой точки следует отсчитывать время нашего мимолетного романа.

Помимо того что она была черна как ночь, отменно, образцово, классически черна, в ней было невероятное свойство — она была непомерно и исчезающе узка — как ножка бокала, и любому хоть чуть-чуть знакомому с анатомией человеческого тела ни за что было не угадать, как может в ней уместиться такое количество всевозможных органов. Она не была высокой, мне по плечо, но за счет своего неправдоподобного сложения казалась очень длинной, при том что вовсе не казалась худой; это была не худоба, но дивно художественная игра природы, вырезавшей ее пропорционально из одного куска. Ни до, ни после я не видел такой миниатюрной талии, таких нежно обведенных удлинённых бедер, таких рук и щиколоток, ушей и шеи. Родом она была с Ямайки, но жила в Лондоне, а в Москву в качестве сопровождающей от какой-то английской туристической фирмы и для общения с «Интуристом» привезла кучку богатых английских туристических старушек.

Думаю, было ей года двадцать два, и по нашим меркам красивой ее было бы сложно назвать — настоящая негритянская рожица, какие рисовали в книжках для детей про их сверстников-папуасов, большие вывороченные, розовые с исподу губы, широкий приплюснутый нос и маленькие, темно-орехового цвета сияющие глазки под мелко-мелко вьющимися черными волосами, уложенными в то, что называют в Америке «кукурузная грядка». Должно быть, в ней не было примеси, африканская кровь ее предков так и не вступила в реакцию с кровью индейской или испанской, но мне она разом заменила целое агентство Кука — Лондон звучал для нас тогда так же экзотически, как Ямайка.

Расставшись в «Метелице», мы уговорились встретиться с ней вечером, но уже вдвоем. Помню, я понесся домой — переодеться и готовиться к свиданию — первому в жизни с настоящей представительницей во всех отношениях иного племени, здесь тебе и Англия, и Карибское море, и Запад, и чернота кожи, и никакого на-

мека на призрак социализма, бродивший неутомимо по сопредельным странам, как и по моей собственной, — вот только дело осложнялось тем, что передо мною во весь рост встала проблема — на что, собственно, гулять мою нежданную черную подружку. Говоря былым языком — средства мои были в расстройстве. Стипендии я по крайней нерадивости не получал, но жизнь вел вполне разгульную, что ни день — торчал в кабаках, правда, недорогих, куда выпивку мы приносили с собою. Конечно, в основном это были деньги отца, но изредка и самому приходилось отправляться на добычу, хоть ни к какому бизнесу я был решительно неспособен. Напротив, Сережа был незаурядно талантлив в коммерции, и, помнится, мы торговали перед магазином «Обувь» каким-то дешевым шмотьем, каковым нас снабжала хозяйка одного теплого польского семейства, причем навар подчас достигал трехсот процентов. Бывали и другие авантюры, как раз той весной мы подрядились в составе студенческой бригады бетонировать какой-то подвал недостроенного дома в Чертаново, это была тяжелая и препротивная работенка, но зато по окончании деньги легли на бочку. И поскольку я был постоянным членом бригады, а Сережа бетонировал раз от разу, то причитающуюся ему долю выдали на руки мне, и эти самые деньги, почему-то Сереже еще не отданные, я цапнул тогда в возбуждении от постигшего меня приключения.

Впрочем, в то же лето был у меня роман с дамой двадцати пяти лет, звали ее Людочка Ш., специальность которой не назвать русским словом, скажем — гетера, а я при ней состоял, говоря языком Казановы, **чичисбеем**, и вполне возможно, Сережа, часть твоего тогдашнего гонорара пошла на какие-нибудь пустяки, цветы или конфеты, для Людочки, и я вспоминаю это, Сережа, с чувством вины, помня себя твоим должником, — да, на конфеты или цветы, потому что наши с ней ресторанные вояжи, конечно же, оплачивал не я, но ее соискатели, будь то французские бизнесмены, знаменитые хоккеисты или попросту мафиози, и всем я бывал представлен как кузен, и должен был весь вечер вести себя приятно-незаметно с тем, чтобы потом в нужный момент ловко улепетнуть вместе с Людочкой черным ходом из «Берлина» или «Звездного неба», или, распрощавшись в два часа ночи с ее поклонниками, пойти в противоположном направлении, завернуть за угол, а потом быстрой тенью заскользнуть обратно в подъезд, в квартиру и в ее постель, а там перемигиваться с нею, прикладываящую палец к губам, пока самоуверенный француз запоздало звонил в глухо молчащую ее дверь. Она была очень хороша, одна из самых красивых женщин, что я помню, к тому ж — дерзка до отчаянности, то, что теперь у нас называли бы крутая, и то, что американцы обозначают **тафф**, я многому у нее научился, хоть она и третировала мою неотступную мечту о заграничке как о земном рае, к европейцам относясь небрежно и даже высокомерно, ее отец был каким-то кагэбэшным внешне-торговым работником, и она обладала заграничным лоском, нерусской отчетливостью мышления, собранностью и самоответственностью, при полном равнодушии, увы, к литературе, о которой я все норовил с нею беседовать, порываясь даже зачитывать вслух какие-то свои в этой области опыты, но — оставим все это в скобках...

Забавно вспомнить, каков был шик того времени. Скажем, я по парадным случаям бывал одет так: темные вельветовые штаны, зеленые носки, светлые искусственной замши полуботинки с бахромой, такая же коричневая куртка, но изюминкой наряда являлась рубаша — черного ситца в мелкий желтый цветок, с огромными отворотами высокого стоячего воротника, застегивавшимися на пуговицы, расположенные далеко по ключицам. Стиль был вполне урловый, а если учесть, что волосы я тогда носил почти до плеч, то, понятно, в целом мой облик

вполне мог отвечать самому взыскательному негритянскому вкусу. Свою черную девочку в тот вечер я повел в дорогое кафе «Адриатика», и по сей день функционирующее где-то в Староконюшенном, место в те годы модное у прикинутой молодежи, хоть и подозреваю, что это слово вошло в обиход несколько позже, — здесь почти не бывало проституток, здесь пристойно обслуживали, подавали паштет в тарталетках, коктейли и холодное шампанское. Мы сидели на мягком закругленном диванчике в неглубокой нише, пили брют и болтали очень живо — ее английский дивным образом напоминал тот, которому нас здесь учили. Я спросил, бывала ли она на концертах «Роллинг Стоунз», мне казалось, живя в Лондоне, это делать так же непременно, как в Одессе купаться в море. Оказалось, на концертах **роллингов** она не была, но мы тут же шепотом и хором спели с ней **ай кэн гэт ноу сатисфэксн**, и тогда она спросила, был ли я там, где лежит **этот мертвый лидер**, и была поражена в свою очередь, что случаются русские, которые ни разу не были в Мавзолее. Я тут же с готовностью ударился в антикоммунистическую проповедь, и она заметила, что она тоже не коммунист, и последнее мне показалось странным — столь очевидным мне представлялось, что такая девушка и не могла бы оказаться коммунистом, раз родилась на Ямайке, а живёт в Лондоне. Впрочем, я тут же поделился с ней, что не состою даже в союзе молодых коммунистов, который называется комсомол, но на нее это не произвело должного впечатления, вероятно, она не подозревала, что в нашем с нею возрасте в этой стране все поголовно должны были состоять в этой организации, хоть и повторила старательно **коум-соу-моул**, и вскоре мы уже целовались, причем она, набирая в рот шампанского, заливала его в мои губы и, признаюсь, это было непривычно, но чрезвычайно приятно, хоть шампанское выходило несколько подогретым, и чуждость ее расы нисколько не смущала меня. Пожалуй, в нашем поведении было вызов — может быть, в лондонских барах так себя и ведут, заливая друг другу брют из губ в губы, но в Москве в те годы это было все-таки известной экстравагантностью, хоть по соседству и предпочитали делать вид, что ничего не замечаю. Конечно, целуясь с черной девочкой посреди советской державы, я испытывал некоторый прилив вполне героического энтузиазма, который охватывает нас при решимости отстоять свою свободу, — ее лондонская прописка плюсовалась с цветом ее кожи, а мне ли было не знать, что первое может привлечь острое внимание правоприменяющих органов, тогда как второе может возмутить нашу вполне расистски настроенную общественность, — я ведь знал отношение соотечественников к русским проституткам, когда они садятся в такси с этими **черножопыми**, с этими **негативами** и **угольками**. Чувство опасности, как мы знаем, лишь умножает сексуальное возбуждение, но все же, когда она залезла глубоко мне в рот своим тонким вертявым языком, я понял, что наступает **атэншн**, как предпочитали тогда говорить в Центре вместо блатного и привычного **атас**. Мы прихватили с собою бутылку брюта и взяли такси, я повез ее на Ленинские горы — показывать очередной вид, прикидывая, что в наступившей темноте все кошки серы и что в парке мы без помех сможем предаться нашим африканским нежностям.

Осмотру города было посвящено минуты три. Придерживая ее, я повлекся вниз по крутой тропке, и на смутно освещенной луной и далекими фонарями полянке — относительно горизонтальной, — отступив в тень кустов, я обнял ее, и ответом мне были столь нежные и сладкие ласки, каковым я до тех пор никогда не подвергался и каковые вообще в дефиците в наше торопливое и подмороженное время. Я расстегнул ее кофточку, ласкал прелестную маленькую грудь с довольно крупными и очень твердыми, тугой резины, сосками, и она из-

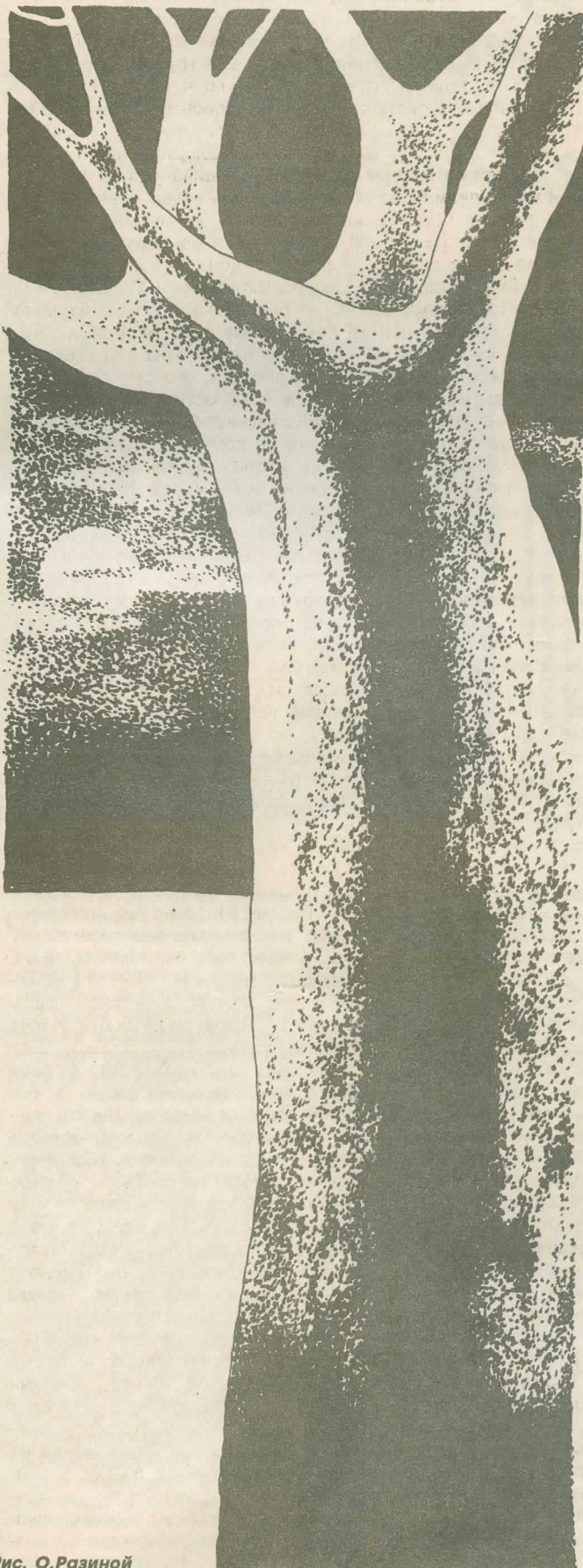

Рис. О. Разиной

гибала свое узкое хрупкое тело, будто танцую танец. В свою очередь она расстегнула мою рубашку, лизала мою кожу жарким языком, а бедра ее ходили взад-вперед. Здесь было так укромно, все так располагало к немедленной близости, вот только как на грех меня держало в плену одно обстоятельство — я только что закончил курс бицилина, лечась от триппера, который подхватил у кого-то из девиц из той же «Метелицы». Наверное, я уже не мог бы заразить ее, но провокации еще не было, к тому ж я дал подписку, которую взял у меня мрачный доктор с бородой Вельзевула и в очень сильных очках, отчего его еврейские очи за толстыми линзами выглядели просто чудовищно. Помнится, среди команд «убери кожу», «покажи головку», «жми от корня» он сердито приговаривал: «Ты же студент, тебе головой, а не х... работать надо», но после осмотра виновницы задумчиво заметил: «Что ж, я тебя понимаю...»

Я ощупал и огладил ее всю, испещрил ее черную кожу тысячами поцелуев, вжимал в себя, сдавливая обеими руками ее попку под расстегнутыми брючками, пах горел, а член готов был выскочить из ширинки, как кобель из будки, но запрет, наложенный доктором, был еще сильнее желания, и, когда мы карабкались тою же тропинкой вверх, она, быть может, обдумывала загадку славянской души, ей чудилось, что нет ничего прекраснее, чем эта русская нежность и таинственная половая деликатность, хотя сигнал к отступлению подала сама, сказала, что ее леди могут рассердиться, если им что-нибудь понадобится, а ее нет.

Объятия, поцелуи, ласки — все повторилось на заднем сиденье такси, хоть я, не глядя, чувствовал, сколь это раздражает водителя. Страстно обнимала она меня и на ступеньках «Украины», забирала своим пышущим ртом мои губы, прихвывая, кажется, щеки, но уж здесь-то не нужны были медиумические способности, чтоб знать, как пристально следят за нами десятки топтунов и наблюдателей, которых всегда пруд пруди у интуристовских гостиниц. Я пытался отклонить ее непомерные нежности, но, быть может, она и это принимала за застенчивость, потому что была впервые в Москве и, конечно же, не представляла наших порядков. Она попросила у меня адрес, и я, злясь на советскую власть и на себя, объяснил ей, что для меня опасно получать ее письма — даже корреспонденция отца, исключительно научная, должна была идти строго через его кафедру. Тогда она спросила: ну а если ты приедешь в Лондон — ты позвонишь? И протянула визитную карточку.

Что мне было ответить? То и дело прикладывая пальцы к губам, а потом протягивая руку ко мне, отпечатывая на моем лице многие воздушные поцелуи, пятясь, она вошла наконец в гостиничный вход, и створки вращающихся дверей проглотили ее. Я повторил ее последнюю фразу: ай л вэйт ё лэттер... И карточку ее долго хранил. Ее звали Элизабет Смит. Я так ей и не написал. И не только потому, что письма без обратного адреса просто не уходили из страны, а письма с обратным адресом равносильны были самодоносу. Дело не только в этом. В сущности, мне было нечего написать этой черной девочке, с которой — я твердо знал это — мне никогда не придется свидеться. Что было написать: что от триппера я уже вылечился; что по-прежнему желаю ее и помню ее поцелуи; что **я вонт ту спэнд май лав виз э гёрл лайк ю**, но что живу в стране, где люди не выбирают свои маршруты, и даже внутри границ направление их движения сплошь и рядом намечают другие; и что мне никогда не попасть в Лондон, потому что я не в **коум-соу-моул**, а также потому, что не бываю в Мавзоле.

Вильям МЕЙЛАНД:

«ВИДЕОМЫ — «ГОЛОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ»?»

Когда-то Николай Асеев задался вопросом: «Как быть с Вознесенским?» И сумел ответить на него, существенно облегчив поэту вхождение в литературу. Сегодня, видимо, самое время понять, как быть с видеомымами Вознесенского, поскольку, поистине, нет пределов творческому человеку.

«Архитекторы в стихотворцы», стихотворцы в художники, художники в «проробы духа»... Раньше у видеомов было другое название — «изопоэзия», или сокращенно ИЗОПЫ. Но, увы, из-за некоторого улавливаемого русским слухом неблагозвучия этот термин не прижился. «Видеомы» — звучит не менее грациозно, и, кроме того, никакой шутник не сможет вставить шпильку, а точнее, жужжащую согласную и ополнить высокую изобразительно-поэтическую «скорпись духа».

Итак, видеомы. Например, белоснежный яйцедержатель, в который вложен наш желтоголубой шарик, и блестящая чайная ложечка на цепочке. Неприятельно и общедоступно, как газетная карикатура. Что, если бы такую скромную изопоэзию сотворил не всемирно отзывчивый поэт, а какой-нибудь тихий художник, явившийся из насыщенного отечественного угла? Заметил бы его наш просвещенный зритель? Выделили бы для него дефицитное выставочное и журнальное пространство? Возбудилась бы по такому маловысокохудожественному поводу трепетная критическая мысль? Смею предположить, что нет, нет и нет.

Может быть, перед нами какой-то особый феномен неосновного творческого занятия? У Евтушенко, как известно, есть фотохобби. Почему бы и Вознесенскому не иметь свое? Пушкин тоже рисовал. И Лермонтов. И другие многие «хорошие и разные». Выставок при жизни, правда, не устраивали, но и не зарывали свой побочный талант в землю.

Что же в таком случае смущает меня в этом хобби известного поэта? Может быть, прости Господи, банальность его изопоэз? Или, того пуще, хро-

нический снобизм? Или иные дерзновенные побуждения экзальтированного поэтического организма, самоценность которого столь велика, что не нуждается в опоре на профессиональное владение другим видом искусства? Похоже, что мэтру достаточно обозначить, например, связь между «схемой разделки говядины» и картой свежеразвалившейся империи — и акт искусства «налицо».

Почтенный американский искусствовед Джон Рассел пишет о видеомымах Вознесенского, что «для тех, кто не может читать по-русски, его аллюзии порой непонятны. Но его новые работы несут в себе новую энергию, которая убеждает». И впрямь, разве не убедительна новая энергия в видеомыме о Есенине и Дункан, составленном из «обрывков веревки в форме буквы «Е» и длинного шарфа, развевающегося в воздухе?»

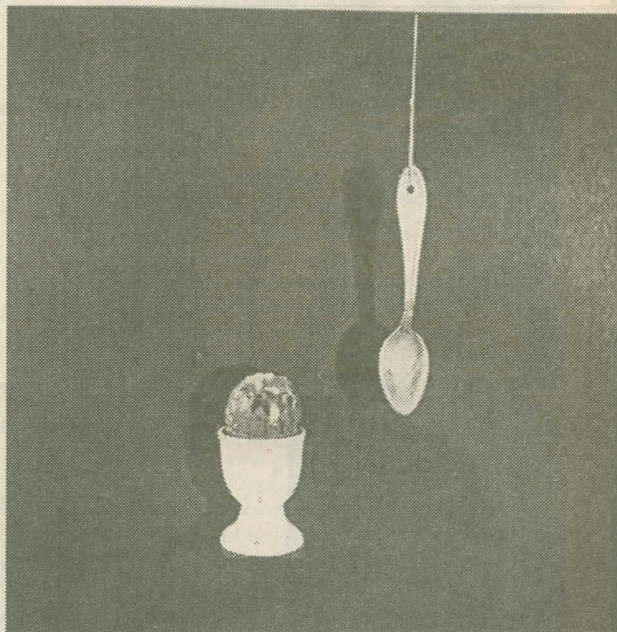
Интересно, не правда ли? По Вознесенскому, «глаз — это парусник духа. Чтобы стать более духовным, народ обогащает себя визуальным». И поэт действительно помогает этому духовному обогащению, плодя затейливые видеомы из дырочек и веревочек. «И когда имя Сталина стоит на листе бумаги огромными бетонными буквами, — пишет Рассел, — а имя Мандельштама, составленное из сломанных и порванных букв, повержено под ним, нам больше не требуется для понимания уже ни субъекта, ни действия, ни ОБЪЕКТА. Мы понимаем все сами».

Спасибо понятливому американцу, объяснил. И возрадуемся, что у нас есть еще Пушкин, Лермонтов, Маяковский, Цветаева... Сколько еще святынях дырочек и вьющихся веревочек можно изящно расположить на плоскости и обогатить себя визуалью.

И поэт знай себе выкладывает коллажи из буквочек, как усердный студент полиграфического института. Вот уже издана роскошная книга видеомов. Восторг почтеннейшей публики обеспечен... «...Тонкий наблюдатель мировой сцены, поэт находит удовольствие в общест-

Споры о Вознесенском

Видеом Андрей Вознесенского. Эллипсоидная сфера № 3 с отсутствующим силуэтом. Кокотница XIX века, гуашь, тонированный картон, двадцать см³ тьмы, скорлупа и металлическая ложка конца XX века. 1992

ве просвещенных собеседников и прелестных дам...»

Браво, Джон Рассел! Спасибо за понимание!

Кстати, прелестные дамы обоего пола, а не обозначает ли буква «В» в фамилии самого поэта некое «голое завершение»? А если вставить в плавню завершающийся центр этого «В» свернутый лист какого-нибудь наиболее изящного видеомыма в форме буквы «А», то портрет поэта наверняка порадует его поклонников ничуть не меньше, чем славный видеомы Ивана Баркова в октябрьском номере «Огонька» за 1992 год. На обложке этого номера страшная кровавая фотография помечена памятным августом 91-го, а на вкладке — игривый «прораб духа», в муках отобразивший «патриархального и целомудренного» Баркова. В муках потому, что пришлось, бедному, объездить «уйму антикварных лавок и секс-шопов, пока не нашел в Вилидже, на Кристофор-стрит» «бледное подобие призрака».

Когда-то молодому Вознесенскому, судя по его собст-

венному печатному признанию, было стыдно увидеть свою улыбающуюся физиономию в газете, где на обороте была помещена фотография покончившей с собой Мэрилин Монро. С тех пор прошло много лет, и мы, читатели, были ослеплены формулой, которая должна была быть «орган стыда». А что же тогда видеомы? Неужто всего-навсего «голое завершение»?

Нацитировавшись вволю американской элитарной критики, приняв к сведению высказывания самого прославленного поэта, закончу словами еще не охваченного видеомымом Пушкина: «Скажут, что критика должна единственно заниматься произведениями, имеющими видимое достоинство; не думаю. Иное сочинение само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию; и в сем отношении нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных».

Видеом Андрей Вознесенского. Дезинтеграция. Цветная пленка, гуашь, картон, фрагмент наглядного пособия из магазина «Российские зори». 1992

Генрих САПГИР:

«НЕТ, ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ!»

В своих видеомаях Андрей Вознесенский авангарднее самого себя. Именно они кажутся мне вершиной творчества поэта. Нет, я не имею в виду, что это лучшие его вещи, ради которых стоит отказаться от поэзии, как и стихи, они бывают более или менее удачными. Просто у каждого художника есть нечто, являющееся результатом его учения, темперамента и жизненного опыта и потому — вершинное. Таковы для Вознесенского видеомая. В них связалось все: и его архитектурное образование, и размышления над миром, и отношения с литературой, и философия жизни и судьбы, и его метафорическая поэзия. Чем более экспрессивная, тем более выражающая напря-

женность нынешнего дня, с бесконечной ностальгией поэта по современности. Если вспомнить ранние стихи Вознесенского, то замечаешь, что их легко представить в виде картин или этюдов. Из них можно было бы сделать выставку. Видеомая не просто выразили индивидуальную поэтику, но и стали бы частью поисков разностороннего художника, пытающегося слить воедино свои дарования. Он подошел к визуальной поэзии с разных сторон: участвуя в совместной выставке с гениальным Раушенбергом, делая с Зурабом Церетели памятник на Тиминской площади, с манерой ученого расшифровывая загадки имен своих героев, чтобы обратиться их в рифмы. Обо всем этом он когда-то написал в цикле, посвященном Микеланджело: вероятно, инстинкт пластики связан со стихотворным. Именно в видеомаях два инстинкта Вознесенского соединились на границе двух искусств (как все новое всегда рождалось в пограничных ситуациях, об этом когда-то писал и Тютчев). Видеомая — в

равной степени поэзия и изобразительное искусство, соединенные с помощью образа. Мне как поэту, использующему в своих стихах графику, пиктограммы, это особенно близко и интересно.

Впервые я оценил Вознесенского в этом смысле, когда мы были соучастниками (или подельниками) в «Метрополе». Андрей там опубликовал стихотворения со строкой в виде круга «Матьматьмать». Тьма рождала мать, которая в свою очередь обращалась в тьму. Мне сразу это понравилось, потому что было ни на что не похоже, ясно было, что за символическим кругом стоит не просто оригинальный каламбур, но глубокое философское высказывание о мире.

Тем не менее новый жанр, созданный Вознесенским (а я думаю, что со временем у него появятся и ученики, и продолжатели), наследует богатую литературно-художественную традицию. Тут можно вспомнить словотворчество и заумь Хлебникова, тексты футуристов, стихи Аполлинера, поэзию русских монахов XVII века и даже древнегреческое стихотворение, записанное в виде крыльев Эрота. Неудивительно, что выставки видеомая в Нью-Йорке и Париже привлекли такое внимание прессы. Они плоть от плоти современного мирового искусства и интересны не только с точки зрения развития русского поэта Андрея Вознесенского. Теперь вот в издательстве РИК «Культура» вышел роскошный альбом видеомая, до того крупными рассыпанных по периодическим изданиям, вместе они производят особенно сильное впечатление. Его инсталляции, превратившиеся в печати в плакаты, посвященные крупнейшим литературным фигурам — Ахматовой, Гумилеву, Цветаевой, Набокову, Есенину, Прусту, Ремарку, Уайльду, Баркову, — целны и умны, убедительны и пронзительны. Возможно, в них есть некоторая холодноватость и сконструированность, вообще свойственная автору и новому искусству, но кто сказал, что искусство обязано быть только горячим? Другая примета современности — игра (можно назвать ее постмодернистской) с культурой прошлого, «сделанность» из подручных материалов и всего, что окружает человека, объявляющая жест — художественным высказыванием и приравливающая жизнь к творчеству. Вознесенский предлагает нам

разгадывать его построения, следить за превращениями предметов и имен, метаморфозами букв и слов, обращающимися в метафоры визуальной поэзии.

Вспомнить хотя бы видеом «Гумилев», где на листе бумаги с вырванными пулей двумя отверстиями проступает на кровавом поле имя убиенного поэта. Или плакат, посвященный отцу Александру Меню, где перевернутое имя священника, образуя слово «нем», говорит нам все о трагической судьбе человека, которого, лишь убив, заставили замолчать. Тайнопись алфавита (и латиницы, и кириллицы) Вознесенский раскрывает с помощью чисто пластических средств. Внешний беспорядок набросанных букв и предметов — лишь первое впечатление, в этом хаосе есть строгий, обусловленный образом порядок, и ничего случайного. К примеру, видеом, посвященный Оскару Уайльду — рафинированному денди-интеллектуалу, затоптанному толпой убогих моралистов, — Вознесенский представляет его в инсталляции цилиндром и белым галстуком-бабочкой, где заключены и блеск судьбы Уайльда, и предначертанная тюремная решетка, за которой просвечивает «лоскуток голубизны». Судьба творцов (не только в этой стране) трагична. Поэтому в портрете Аллена Гинсберга, классика американского битничества, наручники повторяют начертаниями инициалы мятежного поэта...

Закончился год, который «Огонек» (исправно публиковавший видеомая) открыл остроумным плакатом Вознесенского. Тогда сумма цифр 1992 сложилась в 21 очко. Теперь повезет, утверждал он. Повезло ли нам, пока еще неизвестно, но год этот можно назвать переломным: первый культурный человек, интеллигент в нашей политике — Гайдар смог сдвинуть с места всю машину нашей страны. Тот нововодный плакат я воспринимаю как политический. Хотя эти карты, зеленое сукно ломберного стола, разорванная дама пик, брошенная в углу, так много говорят о русской ментальности...

Вот и опубликованные в этом номере журнала видеомая на политические темы — визуальная поэзия творца с общественным темпераментом. Замечательный поэтический плакат.

21-3-198

индекс 73746

190 PROOF

McCORMICK

SINCE 1856

**GRAIN
ALCOHOL**

CAUTION: DO NOT APPLY TO OPEN FLAME.
KEEP AWAY FROM FIRE AND HEAT.

DISTILLED FROM GRAIN
SELECTED AND BOTTLED BY
McCORMICK DISTILLING CO.
WESTON, MO

«SUUS»

☎ (095) 393-62-09, 324-08-75, 393-65-66

предлагает со складов в Москве:

КОМПЬЮТЕРЫ PC AT 486 / 33
PC AT 386 / 40
PC AT 286 / 20

сборка и тестирование США
сервисное и гарантийное обслуживание

ПРИНТЕРЫ STAR NX-1500
STAR XR-1500

**КОПИРОВАЛЬНЫЕ
АППАРАТЫ** SHARP Z-57

ТЕЛЕФАКСЫ PANASONIC,
SAMSUNG

ТЕЛЕФОНЫ С АВТООТВЕТЧИКОМ
GENERAL ELECTRIC,
CONAIRPHONE

РАДИОТЕЛЕФОНЫ

ВОДКУ И СПИРТ McCormick (USA)